

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

2

1985

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ

2
1985

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Васильева Н., Шинкарев И.</i> Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне	3
<i>Недорезов А. И.</i> Майское восстание чешского народа и освобождение Чехословакии советскими войсками	14
<i>Пушкаш А. И.</i> К 40-летию освобождения Венгрии от фашизма	30
<i>Парсаданова В. С.</i> 40-летие советско-польского договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве	41
<i>Коровицкая Н. В.</i> Некоторые процессы социокультурного развития в Словакии в 70-е годы XX века	47
<i>Данченко С. И.</i> Борьба за новую конституцию в Сербии и Россия (80-е годы XIX в.)	55
<i>Флоря Б. Н.</i> Славянская письменность и европейская культура раннего Средневековья	66
<i>Светличная Е. И.</i> Мифологические мотивы в творчестве Йоргоса Сефериса	71
<i>Целунова Е. А.</i> К вопросу о межславянских языковых контактах во второй половине XVII века (на материале Псалтыри Авраамия Фирсова)	82
<i>Досталь М. Ю.</i> Некоторые итоги изучения славяноведческой и балканской историографии	90

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Хорева О.</i> Bibliografie českých vydání K. Marxе a F. Engelse	103
<i>Пагозов Ю. В., Фрейденберг М. М., Е. Вечева.</i> Търговията на Дубровник с българските земи (XVI—XVIII вв.)	104

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>Исаевич Л. Д.</i> Ojtozi E. A máriarósci baziliták cirillbetüs konyvei	106
<i>Толстой Н. И.</i> Gerhard Gesemann. Gesammelte Abhandlungen	108
<i>Пуцко В. Р.</i> Јованка Максимовић. Српске средњовековне минијатуре	110
<i>Орел В. Э.</i> Ж. Ж. Варбот. Праславянская морфология, словообразование и этимология	112

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Заборовский Л. В.</i> К 300-летию со дня Венской битвы и смерти Ю. Крижанича	116
<i>Досталь М. Ю.</i> Аксаковские чтения в Абрамцево	118
<i>Булатова Р. В.</i> Чтения памяти В. М. Иллич-Свитыча	120
<i>Наумов Е.</i> В специализированном Совете по защите докторских диссертаций при Институте славяноведения и балканистики АН СССР (по всеобщей истории)	124

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТИЮШКО (главный редактор), В. А. ДЬЯКОВ,
В. В. ЗЕЛЕНИН (зам. главного редактора), В. И. ЗЛЫДНЕВ,
В. Г. КАРАСЕВ, Д. Ф. МАРКОВ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ,
Ю. А. ПИСАРЕВ, Л. Н. СМИРНОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора),
Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Адрес редакции: 117132, Москва, ул. Вавилова, д. 37а

Телефон 124-98-11

Зав. редакцией *Е. В. Пономарёва*

ВАСИЛЬЕВА Н., ШИНКАРЕВ И.

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ МИССИЯ СОВЕТСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Победа над силами фашизма и милитаризма во второй мировой войне — самой кровопролитной и разрушительной из всех войн, которые когда-либо знала история, — стала важнейшей вехой борьбы народов за свободу и социальный прогресс, событием величайшего исторического значения.

Вступление СССР в войну коренным образом изменило военно-политическую обстановку в мире, завершило процесс превращения второй мировой войны в справедливую, освободительную войну народов против фашистской тирании.

Начиная с 22 июня 1941 г., с момента гитлеровской агрессии против СССР, война стала глобальным столкновением социализма и самых агрессивных ударных сил тогдашнего империализма — германского фашизма, ставившего своей целью уничтожение первого в мире социалистического государства, ликвидацию и истребление народов многих стран Европы, Азии, Африки, установление мирового господства. К началу Великой Отечественной войны почти вся континентальная часть капиталистической Европы находилась под пятой гитлеровской Германии; фашистское руководство разрабатывало стратегические планы вторжения своих войск на Ближний и Средний Восток, а также в Иран, Ирак и Индию [1, с. 43—44]. Огромная опасность нависла над всем человечеством.

Советский Союз, его народ и армия видели свой патриотический и интернациональный долг в изгнании агрессоров со своей земли, а также в оказании помощи народам оккупированных стран в их борьбе за свободу и независимость. Эти задачи были сформулированы в документах Коммунистической партии и Советского правительства, в частности, в директиве Совета Народных Комиссаров и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г., выступлении Председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина 3 июля 1941 г., получили дальнейшее развитие и в других документах в ходе войны [2, с. 34, 165—166].

Таким образом, произошло объективное совпадение внешнеполитических целей СССР в войне с целями поработанных народов, всех сил прогресса и демократии. Это обусловило общность интересов народов капиталистических государств и СССР, стало основой зарождения их боевого содружества в борьбе против общего врага — фашизма. Именно боевая интернациональная солидарность трудящихся масс, стремившихся объединить свои усилия с советским народом, явилась важнейшим фактором создания антигитлеровской коалиции, оформленной рядом дипломатических соглашений СССР с Англией, США и другими капиталистическими государствами.

Начало Великой Отечественной войны дало мощный толчок развитию антифашистской, освободительной борьбы народов оккупированных стран Европы, Азии и Африки.

Не умаляя вклада других государств антигитлеровской коалиции в достижение победы над фашистской Германией и ее союзниками, можно с уверенностью сказать, что Советский Союз и его Вооруженные Силы, весь советский народ вынесли на своих плечах основную тяжесть борьбы с фашистско-милитаристским блоком, решили национальные и интернациональные задачи, выполнили благородную интернациональную освободительную миссию.

Освободительная миссия Советского Союза и его Вооруженных сил во второй мировой войне воплотилась в ряде конкретных форм, имеющих военный, политический, идеологический, экономический характер.

Важнейшим и решающим условием выполнения советским народом своего интернационального долга — избавления миллионов людей от фашистского рабства и физического уничтожения было достижение военной победы, т. е. сокрушение военной мощи фашистской Германии и ее союзников, разгром их вооруженных сил.

Советский Союз и его Вооруженные Силы оказали решающее влияние на ход и исход всей второй мировой войны. С июня 1941 г. по май 1945 г. советско-германский фронт был главным фронтом второй мировой войны. Ибо именно здесь решались военно-политические задачи, которые ставили перед собой воюющие коалиции, сюда переместился центр вооруженной борьбы, здесь происходили крупнейшие сражения, коренным образом изменившие ход второй мировой войны.

На советско-германском фронте была сосредоточена основная масса боеспособных войск гитлеровской Германии и ее союзников. Так, до лета 1944 г. здесь находилось в среднем в 15—20 раз больше гитлеровских войск чем в Северной Африке, Италии, т. е. там, где действовали англо-американские войска [3, с. 217]. Даже после открытия второго фронта в Европе летом 1944 г. гитлеровское командование продолжало держать против Советских Вооруженных Сил больше войск, чем на Западе.

Немецко-фашистские войска понесли на советско-германском фронте самые большие потери. Так, урон вермахта в людях составил более 73% общих его потерь в войне. Он был в четыре раза больше, чем на западно-европейском и средиземноморском театрах военных действий вместе взятых, а по числу раненых и убитых — в шесть раз. Потери гитлеровцев в боях с Советской Армией достигали 75% в танках и штурмовых орудиях, свыше 75 — в авиации и 74% — в орудиях и минометах [3, с. 35].

Таким образом, Советские Вооруженные Силы в ожесточенной борьбе вывели из строя основную массу войск и военной техники противника, т. е. решили задачу, которую не смогла выполнить ни одна армия на Западе.

В битве под Москвой (октябрь 1941 — апрель 1942) немецко-фашистские войска потерпели первое крупное поражение во второй мировой войне. Рухнули планы гитлеровского руководства решить все континентальные проблемы в Европе в 1941 г., и после завершения «восточного похода» высвободить силы для действий против Англии, США и для колониальных захватов на Ближнем и Среднем Востоке.

В грандиозных битвах под Сталинградом (июль 1942 — февраль 1943), под Курском (июль — август 1943) и на Днестре (август — декабрь 1943) Советские Вооруженные Силы добились коренного перелома в Великой Отечественной войне и во второй мировой войне в целом. Наступательная стратегия фашистского блока потерпела крах. Результаты вооруженной борьбы на советско-германском фронте в 1943 г. развеяли всякие сомнения в способности Советской Армии самостоятельно разгромить вермахт и оказали значительное влияние на политику и стратегию западных союзников СССР. Они определили начало процесса распада агрессивного фашистского блока.

Победы Советских Вооруженных Сил были решающим фактором создания благоприятных военно-политических и стратегических условий

для активизации освободительной борьбы народов стран Европы, Азии, Африки.

Большие потери фашистской Германии на советско-германском фронте вынуждали гитлеровскую ставку систематически перебрасывать туда войска из оккупированных стран. Так, с ноября 1942 г. по апрель 1943 г. из Западной Европы были переброшены 33 дивизии и 3 бригады [4, с. 45], а всего с 1941 по 1944 гг. — 212 дивизий [5, с. 231].

Исторические победы Советских Вооруженных Сил и обусловленный ими коренной перелом в ходе войны предопределили новый этап в антифашистской освободительной борьбе народов оккупированных и зависимых от Германии и ее союзников стран. В первых рядах этой борьбы находились коммунисты — верные сыны своих народов, пламенные интернационалисты.

Под руководством и при ведущей роли коммунистических и рабочих партий объединялись все антифашистские, патриотические силы, создавались национальные фронты, происходили сдвиги в расстановке классовых и политических сил. Народы все более убеждались, что возрождение национальной независимости лежит только на пути полной ликвидации материальной базы фашизма и реакции. Победы Советского Союза демонстрировали преимущества социалистического общественного строя, величие духа советского народа, в мире рос авторитет первого социалистического государства, укреплялось влияние идей социализма.

Народы поработенных стран убеждались, что только СССР является надежным защитником их свободы и независимости, свое освобождение они связывали с победами Советской Армии. «Глубокая вера в силу и мощь Советского Союза, — говорил в 1942 г. И. Броз Тито, — в силу и мощь Красной Армии представляли собой тот источник, который придавал нам силы» [6, с. 122].

К концу 1943 г. в Югославии Народно-освободительная армия и партизанские отряды, насчитывавшие до 300 тыс. бойцов, изгнали фашистских оккупантов из многих районов страны. Четкую организационную структуру приобрела Гвардия Людова в Польше. Нарастала партизанская борьба в Чехословакии. Стойкий характер приобрела антифашистская вооруженная борьба в Албании и Греции. Успехи народно-освободительного движения нашли выражение в создании в ряде стран Центральной и Юго-Восточной Европы органов народной власти. Так, первым парламентом новой Югославии стало образованное в 1942 г. Антифашистское вече народного освобождения, которое на своей второй сессии в ноябре 1943 г. избрало Национальный комитет освобождения Югославии (НКОЮ) в качестве временного правительства страны. В ночь на 1 января 1944 г. делегаты от различных антифашистских политических партий и организаций Польши избрали Крайову Раду Народову — высший орган новой, народной власти. Ширились ряды участников движения Сопротивления во Франции и других европейских странах. Вдохновленные победами Советской Армии усилили удары по японским захватчикам народы Китая и Юго-Восточной Азии.

Поражения войск гитлеровской Германии и ее сателлитов на советско-германском фронте знаменовали кризис всего фашистского блока. В сентябре 1943 г. из этого блока вышла Италия. Углублялся политический кризис и в других странах — союзниках Германии. Обострилась внутриполитическая ситуация в Болгарии. Болгарские трудящиеся, руководимые Коммунистической партией, развернули подпольную антифашистскую борьбу и партизанское движение. Весной 1943 г. все партизанские формирования в стране были объединены в Народно-освободительную повстанческую армию. В августе — сентябре в Болгарии оформился Национальный комитет Отечественного фронта.

Росло недовольство народных масс монархо-фашистским режимом в Румынии. Программу спасения родины выдвинула Коммунистическая партия Румынии. По ее инициативе осенью 1943 г. был создан Патриотический антигитлеровский фронт.

Разгром 2-й венгерской армии на советско-германском фронте явился

сильнейшим ударом по антинародному режиму в Венгрии. Подлинные патриоты видели реальную надежду спасения своих стран в победах Советской Армии, в активизации антифашистской борьбы.

1944 год стал годом решающих побед на советско-германском фронте. Наступление Советских Вооруженных Сил развернулось на всех стратегических направлениях. Результатом их успешных действий был выход в марте 1944 г. на юго-западную границу СССР и перенесение боевых действий на территорию Румынии. Начался качественно новый этап интернациональной миссии — непосредственное освобождение Советскими Вооруженными Силами ряда стран Европы и Азии. Стратегические цели Советской Армии в наступлении за пределами Родины были конкретизированы в Первомайском приказе 1944 г. Верховного Главнокомандующего. В частности, указывалось, что они состоят в том, «чтобы вызволить из немецкой неволи наших братьев поляков, чехословаков и другие союзные с нами народы Западной Европы, находящиеся под пятой гитлеровской Германии» [7, с. 146].

Более года советские войска вели ожесточенные боевые действия на территории 11 европейских и двух азиатских стран. В этих операциях участвовало 11 фронтовых объединений, 2 фронта ПВО, 4 флота, 50 общевойсковых, 6 танковых, 13 воздушных армий, 3 армии ПВО и 3 флотилии [4, с. 455].

В марте 1944 г. советские войска вступили на территорию Румынии, летом начали изгнание врага из Польши, осенью совершили освободительный поход в Болгарию, участвовали в освобождении Белграда и восточных районов Югославии, вступили в пределы Чехословакии, в сентябре — октябре развернули боевые действия в восточных районах Венгрии.

Победоносное наступление в летне-осенней кампании 1944 г. советских войск способствовало коренному изменению внутривнутриполитической обстановки в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, созреванию в них революционной ситуации, сыграло решающую роль в ослаблении, расшатывании и окончательной ликвидации фашистских режимов.

Разгром гитлеровских войск в Яско-Кишиневской операции и происшедшее в этих условиях 23 августа 1944 г. антифашистское вооруженное восстание румынского народа привели к падению монархо-фашистского режима в Румынии. Свержение фашистской диктатуры открыло путь к глубоким революционным преобразованиям в стране.

В результате всенародного антифашистского вооруженного восстания болгарского народа 9 сентября был свергнут монархо-фашистский режим и победила социалистическая революция в Болгарии.

Изгнание гитлеровских оккупантов из восточных районов Югославии и ее столицы Белграда создало необходимые условия для завершения Народно-освободительной армией Югославии освобождения всей территории страны, для упрочения позиций народной власти и углубления социалистических преобразований.

В обстановке успешного наступления советских войск на Балканах завершилась освободительная борьба албанского народа и победила народная революция.

Освобожденная в сентябре — октябре 1944 г. Советской Армией значительная часть восточных районов Венгрии стала базой для развертывания народно-демократической революции в стране.

Начавшееся в августе 1944 г. Словацкое национальное восстание явилось началом национально-демократической революции в Чехословакии. Состоявшийся 17 сентября объединительный съезд Коммунистической и социал-демократической партий определил задачи дальнейшего развития революции, предусматривавшие национализацию крупных предприятий и банков, проведение земельной реформы, демократическое решение национального вопроса в рамках единого народно-демократического государства.

Созданный в освобожденном Хелме центральный орган исполнительной власти — Польский комитет национального освобождения (ПКНО) 22 июля 1944 г. обратился с Манифестом к польскому народу, в котором

была изложена программа завершения вместе с Советской Армией борьбы против фашистских оккупантов, программа строительства нового государства, обеспечивающего равенство всех граждан, избавление их от угнетения и эксплуатации, демократическое развитие общества.

Особенностью боевых действий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы было то, что плечом к плечу с советскими войсками сражались героическая Народно-освободительная армия Югославии и югославские партизаны, народное Войско Польское и польские партизаны, 1-й чехословацкий армейский корпус, чешские и словацкие партизаны, а после падения фашистского режима в Румынии и Болгарии — войска румынской и болгарской армий, повернувшие оружие против фашистской Германии.

Освобождение стран Центральной и Юго-Восточной Европы от ига фашизма явилось, таким образом, результатом взаимодействия двух факторов — боевых операций Советских Вооруженных Сил, сыгравших решающую роль, и народного освободительного движения.

Советская Армия в сентябре 1944 г. оказала помощь Финляндии в изгнании гитлеровцев с части ее территории, а в октябре принесла свободу населению северных районов Норвегии. В начале апреля 1945 г. она освободила восточные районы Австрии и ее столицу Вену, а в начале мая советские воины вступили на датский остров Борнхольм.

8 мая 1945 г. был подписан акт о военной капитуляции фашистской Германии. Начавшийся новый день 9 мая возвестил об окончании войны в Европе. Он принес освобождение и немецкому народу от долгих лет фашистского господства.

В августе — сентябре 1945 г. советские войска вели боевые действия за освобождение народов Северо-Восточного Китая и Северной Кореи. Разгром Советской Армией при поддержке вооруженных сил Монгольской Народной Республики и участия Народно-освободительной армии Китая, а также корейских партизан крупнейшей группировки японских войск — Квантунской армии — создал благоприятную обстановку для победы революционных сил в Северной Корее и завершения революционно-освободительной борьбы китайского народа.

Сражаясь за освобождение народов зарубежных стран, советские воины проявили такой же массовый героизм и самоотверженность, как и в боях за свою Родину. Об этом говорит то, что в 1944—1945 гг. было произведено более 9 млн наградений боевыми орденами и медалями [8, с. 441].

Дорогой ценой, ценой своей крови и жизни заплатили советские люди за освобождение народов многих стран Европы и Азии: более миллиона советских воинов пали смертью храбрых [4, с. 455].

Помощь страны социализма поработенным народам Европы и Азии не ограничивалась лишь уничтожением основной массы войск фашистской Германии и ее союзников на фронте. Неотъемлемой составной частью освободительной миссии Советского Союза в годы второй мировой войны являлась всесторонняя морально-политическая, дипломатическая, материальная и иная помощь страны социализма борющимся народам. Эта помощь оказывалась на протяжении всей войны и с каждым годом возрастала. СССР стал главным оплотом единого фронта народов, центром, вокруг которого объединялись все передовые, прогрессивные силы.

В Советском Союзе работали заграничные бюро ряда компартий во главе с такими видными деятелями международного коммунистического и рабочего движения, как Георгий Димитров, Клемент Готвальд, Морис Торез, Пальмиро Тольятти, Вильгельм Пик, Вальтер Ульбрихт и др.

Широкую помощь Советское правительство оказывало иностранным антифашистам в их пропагандистской деятельности среди населения своих стран. В их распоряжение были предоставлены радиосредства. Всего из Москвы велись передачи на 28 языках зарубежных стран [9, с. 413], что в значительной степени способствовало активизации там антифашистской борьбы.

На протяжении всей войны Советский Союз рассматривал народы

Польши, Югославии, Греции, Албании, Франции, Чехословакии и других оккупированных фашистами стран как своих боевых друзей и союзников. Их мужественное сопротивление и борьба с фашизмом широко освещались в органах печати и радио СССР, пропагандировались в сообщениях Совинформбюро,¹ отмечались на митингах, организованных советскими общественными и международными организациями. Так, например, газета «Правда» в марте 1942 г. писала о беззаветной храбрости югославских патриотов в борьбе за освобождение родины от чужеземного ига [10].

Советский Союз помог народам ряда зарубежных стран в создании национальных воинских формирований. Создание воинских частей и соединений на советской территории началось вскоре после нападения фашистской Германии на СССР и проходило на основе межправительственных соглашений или по просьбе патриотических демократических организаций соответствующих стран. На советской земле были сформированы, обучены и вооружены соединения двух польских армий, чехословацкий армейский корпус, две румынские добровольческие дивизии, югославская пехотная и танковая бригады, французский истребительный авиационный полк «Нормандия», а также другие части и соединения всех родов войск.

Общая численность личного состава иностранных формирований, созданных с помощью СССР, к концу войны достигла более 550 тыс. человек. Для оснащения этих формирований Советский Союз выделил около 960 тыс. винтовок, карабинов и автоматов, более 40,5 тыс. пулеметов, 16,5 тыс. орудий и минометов, свыше 1100 танков и самоходно-артиллерийских установок, более 2300 самолетов, а также средства связи и транспорта, снаряжение и другое военное имущество [5, с. 235].

Всесторонняя братская помощь Советского Союза народам стран Центральной и Юго-Восточной Европы на заключительном этапе войны сыграла важную роль в становлении и укреплении народных армий. СССР предоставил этим странам значительное количество стрелкового и артиллерийского вооружения, танков и самолетов. Для братских армий были выделены крупные денежные суммы, транспортные средства, снаряжение и продовольствие [11, с. 428—433].

По просьбе правительств освобождаемых стран Советский Союз оказывал им помощь в подготовке кадров, в организации и проведении боевой подготовки народных армий. С этой целью правительство СССР командировало советских генералов и офицеров — в Войско Польское для временного прохождения службы, а в чехословацкие, югославские, болгарские, румынские войска — в качестве советников и инструкторов. Только в болгарской Народной армии в октябре 1944 г. находилось 33 советских военных советника [11, с. 432—433].

Советский Союз передал в ноябре 1944 г. в оперативное подчинение верховному командованию Народно-освободительной армии Югославии авиационную группу в составе двух авиационных дивизий и одного района авиационного базирования со всей материальной частью и вооружением. Группа вела боевые действия в интересах югославских войск до окончания второй мировой войны. При штабах советских авиационных дивизий были созданы учебные центры, где готовились национальные кадры по всем специальностям для службы в военно-воздушных силах. Всего, таким образом, для югославской авиации было подготовлено около 300 летчиков и более 3400 авиатехников [9, с. 575].

Кроме этого, в военно-учебных заведениях Советского Союза прошли подготовку сотни командиров польской, чехословацкой, югославской и румынской армий, а с июня 1945 г. на учебу были приняты болгарские и албанские военнослужащие.

Всесторонняя помощь социалистического государства в создании регулярных народных армий стран Центральной и Юго-Восточной Европы явилась ярким проявлением интернационального долга, важным вкладом в укрепление антифашистского боевого содружества народов Европы.

Советский Союз оказывал значительную поддержку партизанскому движению в оккупированных странах. Так, по просьбе польских демо-

кратических организаций на территорию Польши с Украины и Белоруссии были перебросены в феврале—марте 1944 г. 15 советских крупных партизанских отрядов и соединений, насчитывавших более 7 тыс. человек [12, с. 173]. Летом 1944 г. боевая деятельность советских партизан на польской земле была наиболее активной. Так, из 90 советских партизанских отрядов общей численностью около 20 тыс. человек значительная часть действовала именно в этот период [13, с. 140].

Советские партизанские отряды в боевом содружестве с чехословацкими патриотами активно участвовали в антифашистской борьбе в Чехословакии. К концу января 1945 г. только в Чехии и Моравии сражались 14 соединений и 12 советско-чехословацких отрядов, общей численностью в 7 тыс. [9, с. 577]. Велика была советская помощь Словацкому национальному восстанию. С начала восстания до 15 октября из Советского Союза повстанцы получили более 4 тыс. винтовок и автоматов, около 1400 пулеметов, 256 противотанковых ружей, боеприпасы, медикаменты и другое имущество [14, с. 146]. Летом 1944 г. в Словакию передислоцировался ряд крупных советских партизанских отрядов, а по воздуху было перебросено несколько групп организаторов партизанского движения, подготовленных по просьбе Компартии Чехословакии в специальных школах Украинского штаба партизанского движения.

В течение 1944 г. были заброшены партизанские группы и отряды в Румынию и Венгрию.

Этим, конечно, не исчерпывается вся помощь и поддержка, оказанная Советским Союзом освободительной борьбе народов поработанных фашизмом стран.

Выполняя свой интернациональный долг перед всеми свободолюбивыми народами, Советский Союз боролся за укрепление антигитлеровской коалиции. На протяжении всей войны его политико-дипломатическая деятельность — пример выполнения взятых на себя союзнических обязательств, последовательного осуществления стратегической линии внешней политики, соответствующей освободительным целям войны, провозглашенным в документах Коммунистической партии и Советского правительства. Эти обязательства были сформулированы в декларации правительства СССР на межсоюзнической конференции в Лондоне в сентябре 1941 г. и сводились к следующему: добиваться скорейшего и решительного разгрома агрессоров, отстаивать право каждого народа на государственную независимость своей страны, право устанавливать такой общественный строй и избирать такую форму правления, какие он считает целесообразными и необходимыми, добиваться такого послевоенного устройства мира, которое бы отвечало идеалам свободолюбивых народов, установлению отношений международного сотрудничества и дружбы [15, с. 128—130].

Для выполнения поставленных целей Советское правительство использовало политические и дипломатические средства, включая политические заявления, декларации, а также межсоюзнические конференции, встречи, переговоры и т. д. Однако последовательная линия советской внешней политики, направленная на защиту независимости и суверенных прав народов, постоянно встречала противодействие со стороны правящих кругов США и Англии, в особенности по проблемам будущей судьбы народов освобождаемых от фашизма стран. Существование этих разногласий сводилось к тому, что западные союзники — США и Англия — всячески стремились воспрепятствовать прогрессивным изменениям, происходящим в ходе антифашистской освободительной борьбы народов, пытались не допустить прихода к власти в ряде стран Европы демократических правительств.

С советской же стороны делалось все возможное для оказания политической поддержки демократическим, прогрессивным силам этих стран. Свидетельством тому являются многочисленные факты. Так, Советский Союз поддержал решения, принятые в ноябре 1943 г. второй сессией Антифашистского веча народного освобождения Югославии о создании НКОЮ в качестве временного правительства, и о лишении полномочий короля

и его правительства. С февраля 1944 г. при НКОЮ начала работу советская военная миссия, а с 12 апреля военная миссия НКОЮ прибыла в Москву. В освобожденном городе Люблине был аккредитован представитель Советского правительства при Польском комитете национального освобождения, а в Москве — представитель ПКНО при Советском правительстве. В начале декабря 1944 г. в Москву прибыл представитель правительства Отечественного фронта Болгарии.

Для защиты интересов и суверенных прав народов освобождаемых стран Советское правительство использовало встречи глав правительств трех великих держав — СССР, США, Англии. Так, в интересах народов Балканских стран, в том числе и народов Югославии, Советское правительство во время переговоров с У. Черчиллем в октябре 1944 г. отвергло предложение английского правительства о разделе сфер влияния между Англией и СССР в Югославии и других странах [16, с. 459, 460].

Советское правительство добивалось восстановления независимого демократического польского государства. На Тегеранской и Крымской конференциях СССР, США и Великобритании советская делегация, отстаивая интересы польского народа, настаивала на возвращении Польше ее исконных земель на западе. На Потсдамской конференции глав правительств трех великих держав было подписано соглашение об установлении новой польской границы по линии Одер — Западная Нейсе. Залогом свободы и независимости Польши стал Договор о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве с СССР, подписанный в Москве 21 апреля 1945 г.

Политика СССР, направленная на восстановление национального суверенитета, нашла яркое отражение в отношениях с Чехословакией и Австрией. Еще 12 декабря 1943 г. Советское правительство подписало с Чехословакией Договор о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве, создавший гарантию восстановления независимости страны. По соглашению с Чехословакией от 8 мая 1944 г. освобожденная советскими войсками территория полностью переходит под суверенное управление чехословацких органов власти. То же самое было осуществлено в Австрии. По мере освобождения ее территория переходила под контроль восстановленных местных органов власти.

Диаметрально противоположной была политика западных союзников. Примером открытого насильственного вмешательства во внутренние дела народов явились действия английских войск в Греции осенью 1944 г., которые учинили кровавую расправу над греческими патриотами.

История не знает примеров столь высокого гуманизма, какой проявил Советский Союз, оказывая помощь народам зарубежных стран в ликвидации экономических последствий господства фашизма, в восстановлении нормальных условий жизни населения освобождаемых стран, их разрушенного войной хозяйства. Повсюду, куда вступала армия-освободительница, оказывалась помощь населению продовольствием; советские воины, рискуя жизнью, разминировали здания, восстанавливали промышленные предприятия; советское командование прилагало все усилия для того, чтобы наладить нормальную мирную жизнь.

Советский Союз оказывал всестороннюю помощь и поддержку не только народам стран, оккупированных фашистами; гуманные цели его освободительной миссии раскрылись в политике по отношению к бывшим союзникам гитлеровской Германии и к народу самой Германии.

Советская страна, ее народ, понесшие величайшие жертвы в войне, никогда не исходили в своих действиях из чувства мести.

Благодаря политической активности СССР условия соглашений о перемирии с Румынией, Болгарией, Финляндией, Венгрией, подписанных в сентябре 1944 г. — январе 1945 г., открыли новую страницу в истории дипломатии, обеспечивали национальные интересы этих стран и не допустили их закабаления империалистами.

Советское правительство последовательно выступало за решение германской проблемы путем демилитаризации и демократизации германского государства с неременным условием искоренения гитлеризма и уничтоже-

ния фашистской военной машины. Эту линию советская дипломатия твердо проводила на конференциях глав правительств СССР, США и Англии в Тегеране, Крыму и Потсдаме, добиваясь полного исключения возможности повторения агрессии со стороны Германии, а также создания условий для развития единого демократического миролюбивого германского государства.

Советский Союз выступил против экономического закабаления Германии. В частности, советская делегация на Крымской конференции 5 февраля 1945 г. заявила: «При выработке своего репарационного плана Советское правительство все время имело в виду создать условия, при которых германский народ в послевоенные годы мог бы существовать на базе средневропейского уровня жизни» [17, с. 81].

После окончания войны, идя навстречу немецкому народу, СССР отказался от большей части принадлежащих ему репараций, хотя Советская страна потеряла в войне 30% национального богатства, а прямой материальный ущерб, причиненный Советскому Союзу Германией и ее союзниками на оккупированной ими территории составил 679 млрд рублей [3, с. 149].

Трудящиеся освобожденных стран обрели в лице Советского Союза надежную опору. Великая освободительная миссия советского народа и его Вооруженных Сил во второй мировой войне явилась выражением подлинного интернационализма, того самого «интернационализма на деле», проводить который всегда требовал от революционной партии В. И. Ленин [18].

Советский народ и его Вооруженные Силы, — подчеркивается в Постановлении ЦК КПСС «О 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов», — «внесли решающий вклад в победу над фашистской Германией и ее союзниками, в освобождение народов Европы от фашистского рабства, в спасение мировой цивилизации, с честью выполнили свой патриотический и интернациональный долг» [19, 17 VI].

Победа народов антигитлеровской коалиции во второй мировой войне явилась всемирно-историческим событием и оказала глубочайшее воздействие на весь ход мирового развития. Создались благоприятные условия для борьбы трудящихся масс за свое социальное и национальное освобождение, укрепились позиции прогрессивных, демократических, миролюбивых сил, возросло влияние коммунистических и рабочих партий.

Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне, освободительная миссия Советских Вооруженных Сил наглядно продемонстрировали величие и историческую непобедимость социализма, являющегося подлинным защитником прав и интересов народов, их свободы и независимости.

Глубокие изменения в жизни всего человечества, происшедшие в результате победы над фашизмом, определили наступление нового этапа в развитии мирового революционного процесса. Возникла и успешно развивается мировая социалистическая система. Ускорился процесс распада колониальной системы империализма, завершившийся ее крахом.

Однако эти изменения пришлось явно не по душе многим политическим деятелям Запада, а за ними и реакционным буржуазным историкам. Глубина ненависти империалистических сил и их идеологов к социализму, к социальным преобразованиям в мире столь велика, что вот уже на протяжении сорока лет буржуазная пропаганда всевозможными способами стремится преуменьшить роль Советского Союза в деле разгрома фашизма и завоевания победы, пытается умолчать о вкладе народов в борьбу за национальное освобождение, за свободу и демократию.

Суть всех измышлений фальсификаторов истории сводится к тому, чтобы очернить социализм, и в конечном счете замаскировать истинный смысл войны, ее антифашистский, освободительный, прогрессивный характер со стороны государств антигитлеровской коалиции.

Реакционная буржуазная историография стремится доказать, что все успехи народов в борьбе за социальный прогресс, за восстановление и уг-

лублиение демократических порядков вплоть до победы народных революций в ряде стран Европы и Азии — все это, мол, результат «навязывания» этим странам «советской модели общественного развития», следствие их «захвата» Советской Армией. Великая освободительная миссия Советских Вооруженных Сил объявляется, иными словами, «экспортом революции».

Фальсификаторы истории преследуют цель подорвать международный авторитет социализма и Советского Союза, посеять вражду и недоверие между странами социалистического содружества. Фальсификация сущности освободительной миссии используется западными политологами для оправдания «холодной войны» и распространения мифа «о советской военной угрозе» [20].

Вряд ли имеет смысл вновь и вновь опровергать все клеветнические версии и измышления западной пропаганды. Но, видимо, стоит еще раз подчеркнуть следующее.

Во-первых, марксизм-ленинизм решительно отвергает тезис об «экспорте революции», но всегда подчеркивает необходимость проводить в жизнь принцип классовой солидарности с народами, борющимися за социальное и национальное освобождение. В соответствии с этим принципом КПСС, Советское правительство и весь советский народ поддерживали в ходе войны все освободительные, антифашистские, прогрессивные, демократические движения.

Во-вторых, причины народно-демократических и социалистических революций 40-х годов коренятся не в действиях СССР, а в поступательном ходе исторического процесса, в борьбе народов за независимость, за подлинную демократию и построение нового общества.

Достоинством ответом фальсификаторам истории могут служить следующие слова Первого секретаря ЦК ПОРП В. Ярузельского, сказанные им на торжественном заседании Сейма ПНР 21 июля 1984 г.: «И сегодня среди нас — миллионы участников и свидетелей нашей революции. Их никто не убедит в том, что она была „импортирована“ в Польшу. Они сами брали власть, делили помещичью землю, вводили в строй действующих разрушенные заводы...» [19, 22 VII].

В-третьих, осуществляя великую освободительную миссию и направляя свои Вооруженные Силы для освобождения стран Европы и Азии, Советский Союз никогда не преследовал цели приобретения чужой территории, не стремился навязать свою волю народам. Свидетельством тому являются подлинные факты и документы истории, которые не раз приводились во многих трудах советских и зарубежных историков, опубликованы в изданных в СССР сборниках документов.

Народы мира прочно хранят в сердцах память о величии советского народа, народа — героя и победителя, потерявшего 20 миллионов жизней своих соотечественников во имя свободы и счастья нынешних и грядущих поколений.

Дань признательности и уважения советскому народу и его Вооруженным Силам запечатлена во многих документах, отражена в высказываниях политических и государственных деятелей различных стран. Бесмертные подвиги советского народа и его Вооруженных Сил отражены в памятниках и мемориальных комплексах во всех странах, куда вступали советские войска.

Живым подтверждением тому, что благодарные народы сохраняют память о Великой Победе над фашизмом, решающий вклад в которую внес Советский Союз, явились празднества 1984 г. в связи с рядом знаменательных годовщин — 40-летием народной Польши, Социалистической республики Румынии, социалистической революции в Болгарии, Словацкого национального восстания, 40-летием освобождения Белграда.

В этой эстафете памяти, которая будет продолжаться вплоть до великой даты 9 мая 1985 г., вновь и вновь будут звучать слова признательности и уважения героическому советскому народу, слова благодарности всем свободолюбивым народам, которые самоотверженной борьбой внесли свой вклад в достижение Победы во второй мировой войне над общим врагом человечества — фашизмом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки: Документы и материалы. Т. 2. М., 1973.
2. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. I. М., 1946.
3. История второй мировой войны 1939—1945. Т. 12. М., 1982.
4. Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне. М., 1974.
5. СССР в борьбе против фашистской агрессии: 1933—1945. М., 1976.
6. *Броз Тито И.* Избранные статьи и речи. М., 1973.
7. *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1953.
8. 50 лет Вооруженных Сил СССР. М., 1968.
9. История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5, кн. 1. М., 1970.
10. Правда, 1942, 23 III.
11. История второй мировой войны 1939—1945. Т. 9. М., 1978.
12. 20 lat Ludowego Wojska Polskiego. Warszawa, 1967.
13. Братство по оружию. М., 1975.
14. На вечные времена. М., 1975.
15. Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945. Т. I. М., 1983.
16. История внешней политики СССР. Т. I. М., 1980.
17. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Сборник документов. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4—11 февраля 1945 г.). Т. 4. М., 1979.
18. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 170.
19. Правда, 1984.
20. The Russian War Machine 1917—1945. Ed. by S. L. Mayer. London, 1978, p. 249; *Davis L.* The Cold War begins. Princeton and London, 1979, p. 385; *Fischer A.* Sowjetische Deutschlands politik im Zweiten Weltkrieg 1941—1945. Stuttgart, 1975, S. 134, 158.

НЕДОРЕЗОВ А. И.

МАЙСКОЕ ВОССТАНИЕ ЧЕШСКОГО НАРОДА И ОСВОБОЖДЕНИЕ ЧЕХОСЛОВАКИИ СОВЕТСКИМИ ВОЙСКАМИ

Начало 1945 г. человечество встречало с твердой верой в скорое окончание второй мировой войны. Источником такой убежденности являлись новые решающие победы Советских Вооруженных Сил, одержанные в 1944 г. над германскими войсками. Значительные успехи имели и войска союзников СССР на Западном фронте.

Рушился пресловутый «новый порядок» в Европе. Дни ненавистного гитлеровского режима были сочтены. Чувство близкой победы вызывало большой морально-политический подъем у народов антигитлеровской коалиции и находившихся еще под нацистской оккупацией.

Чешский народ пережил несколько волн страшного фашистского террора, унесшего тысячи жизней. Для гитлеровцев такой террор служил как для подавления сопротивления чехов, так и для исполнения тайных их планов — Чешские земли они намеревались превратить в «жизненное пространство» германской нации.

Согласно сохранившимся секретным материалам пражского бюро имперского комиссара по делам укрепления германского элемента конечные цели гитлеровцев в отношении чешского народа сводились к его ассимиляции, т. е. онемечиванию части чехов, и физическому истреблению всех, кто такой ассимиляции не поддавался или же не подлежал ей по расовым соображениям [1, s. 92—93]. Устанавливался и конечный срок исполнения этого каннибальского замысла — 31 декабря 1945 г. [2, 15 XI]. Таким образом, гитлеровцы намеревались уничтожить чехов как нацию. Поэтому освобождение чехов означало в этих условиях спасение их от физического уничтожения.

Гитлеровцам не удалось запугать чехов и сломить их дух. Всякий раз после волны тотального террора народ находил в себе силы снова подняться на борьбу со своим непримиримым врагом — нацизмом.

Так, в октябре 1942 г. будущий государственный министр по делам протектората К. Г. Франк вынужден был признать, что несмотря на все репрессии чешский рабочий класс снова развертывает массовый саботаж [3, s. 10].

Эхо Сталинградской победы советских войск, докатившееся и до Чешских земель, отзывалось в лесах и горах протектората в 1943 г. первыми выстрелами партизан и взрывами на железных дорогах заложенных ими мин.

Первоначально партизанская борьба носила ограниченный характер. Немалую роль в сдерживании ее играло влияние организаций буржуазной оппозиции, в том числе и буржуазной эмиграции на Западе, распространивших в народе идеи «перезимования», ожидания освобождения извне [3, s. 11]. Однако осенью 1944 г. под огромным воздействием исторических

побед Советской Армии, вступившей на землю Чехословакии, под влиянием антифашистского восстания словацкого народа наметился крутой поворот в развитии партизанской борьбы чешского народа.

С этого времени можно говорить о ее массовом характере и первостепенной роли в активизации всех других форм антифашистского движения Соппротивления. Находясь в партизанских отрядах и группах, члены КПЧ проводили работу по восстановлению нелегальных партийных организаций, создавали национальные комитеты, которые, в свою очередь, помогали партизанским отрядам продовольствием, снаряжением, направляли в леса желающих сражаться с фашистами и людей, которым угрожал арест. Благодаря такому взаимодействию количество партизанских отрядов и их численность быстро росли. Большую роль в этом сыграли направленные из СССР советско-чехословацкие группы организаторов партизанского движения. Среди них были такие известные впоследствии отряды, как «Ермак» под командованием Н. И. Дмитриева, «Ян Гус» под командованием капитана А. В. Фомина (комиссар — чех М. Пих-Тума), «Ян Козина», «Мирослав Тырш». В ноябре — декабре 1944 г. вместе с перебазировавшимися из Словакии отрядами «Ян Жижка», «Зарево», а также местными группами они проводили эффективные боевые операции на железных дорогах Брно — Тржебова, Брно — Пржеров, Иглава — Табор, Вена — Бреслау и др. Нападали на мелкие гарнизоны врага, разоружали полицейских, взрывали линии электропередач, устраивали засады на шоссе, проводили политическую работу среди населения.

Намереваясь ликвидировать возникшую опасность со стороны партизанского движения, гитлеровцы предприняли в начале декабря 1944 г. так называемое «зимнее наступление», продолжавшееся более трех месяцев. Против партизан и помогавшего им местного населения были брошены части СС, полиции, зондеркоманды, айнзацкоманды, ягдкоманды и т. п. Нацисты нанесли существенный урон чешскому партизанскому движению [4, ф. 124, оп. 1, д. 1, л. 5, 6]. Однако своей главной цели — ликвидации этого движения им достичь не удалось. Перегруппировав свои силы, разделившись на мелкие группы, партизанские отряды вскоре перешли от обороны в наступление. В первую очередь они стали наносить удар по железным дорогам, представлявшим большое стратегическое значение для вермахта. В результате в феврале 1945 г. немцы вынуждены были ограничить переброску войск по железной дороге Вена — Бреслау, а в марте в связи с притоком в леса новых людей и усилением партизанского движения десантами советско-чехословацких групп организаторов и по дороге Вена — Берлин [5, с. 395].

Наряду с развертыванием партизанской борьбы нарастало движение Соппротивления рабочего класса — участились акции саботажа на промышленных предприятиях и железнодорожном транспорте. Наблюдалось снижение добычи угля, руды, выпуска вооружения и другой продукции.

В январе и феврале 1945 г. были потушены доменные печи в Кладно и Кралове Дворе. Как сообщало правление Пражской металлургической компании, причина прекращения производства заключалась в саботаже рабочих [6, с. 305].

Руководили нараставшим сопротивлением рабочих коммунисты, подпольные профсоюзы и их органы — заводские комитеты. Крупные подпольные профсоюзные организации были созданы в Моравской Острове, Злине, Градце Кралове, Млада-Болеславе, Кладно, Пльзене, на заводах в Южной Моравии. Был создан единый центр профсоюзов — Центральный совет Революционного профсоюзного движения.

Еще большее значение для развития освободительного движения и в особенности для подготовки восстания чешского народа имело восстановление в начале 1945 г. руководящих органов КПЧ.

Несмотря на усилившийся террор нацистов, в последних числах декабря 1944 г. партии удалось создать новое, четвертое нелегальное Центральное руководство. Его главной задачей стало восстановление и сплочение подпольных организаций, объединение рядов антифашистов, подготовка партии и народа ко всеобщему революционному антифашистско-

му выступлению. Были установлены связи с партийными организациями Кладно, южной Чехии, района Бероуна северо-восточной Чехии, а также Моравии [5, с. 387].

Наконец, впервые с мая 1944 г. вышел январский номер газеты «Руде право» — органа партии. В этом номере была опубликована резолюция временного Центрального руководства КПЧ, где оценивался накопленный опыт борьбы партии против фашизма в предшествующие годы оккупации, анализировалась сложившаяся в конце войны международная ситуация и определялись задачи чешского народа. Резолюция нацеливала народ на всемерное развертывание борьбы и на подготовку всенародного восстания. «Нельзя допустить, чтобы наш народ пассивно ждал, когда его освободит Красная Армия. Нельзя допустить, чтобы чешский народ не выступил с оружием в руках против уничтожения наших городов и сел отступающими гитлеровскими армиями, против угона чешских людей, против уничтожения Праги. Чешский народ должен, — говорилось в резолюции, — собственными силами способствовать своему освобождению от ига оккупантов, сохранению жизни чешских людей и богатств чешской земли» [7, с. 531].

Призыв партии ко всемерной активизации освободительной борьбы был услышан массами, а поставленная ею цель — создание демократической народной республики получила полную поддержку.

На некоторых предприятиях стали формироваться рабочие дружины и создавались заводские комитеты. Такие комитеты появились на шахтах и предприятиях Остравы [8]. В этой области еще во второй половине 1944 г. было создано подпольное партийное руководство.

К числу важных событий начала 1945 г. относился съезд представителей организаций КПЧ Моравии, проходивший в Злине с 31 января по 1 февраля. На нем присутствовали представители таких промышленных городов, как Брно, Злин, Годонин, уполномоченные представители Праги, нелегальной прессы КПЧ. Съезду поручалось действовать и от имени партийных организаций Остравской и Оломоуцкой областей. В принятой съездом резолюции подчеркивалось, что целью партии является национальное и социальное освобождение, создание социалистического общества [9, с. 132, 133].

Дальнейшему росту освободительного движения препятствовало отсутствие авторитетного общенационального органа. Такой орган — Чешский Национальный Совет (ЧНС) был создан в конце января в результате договоренности между Центральным руководством КПЧ, нелегальным Центральным советом профсоюзов и организацией некоммунистического движения Сопротивления «Рада 3», объединявшей остатки разбитых гестапо различных групп Сопротивления. В ЧНС затем вошли представители Революционного движения земледельцев. Задачей ЧНС являлась координация деятельности организаций движения Сопротивления и подготовка национального восстания. Но в работе этого органа с самого начала стали проявляться разногласия, ослаблявшие его дееспособность [10, с. 317].

Большое значение КПЧ придавала созданию сети национальных комитетов (НК) и руководимых ими боевых дружин.

На активизацию антифашистской борьбы чешского народа оказали решающее воздействие успешные операции советских войск, приступивших к освобождению восточных районов чехословацкой территории. В начале 1945 г. основная группировка наших войск действовала на участке фронта от Балтики до Карпат. Массированное наступление развернулось на главном берлинском направлении. От его успеха зависели сроки окончания войны и ее важнейшие результаты [11, с. 39]. Вступали в свою решающую фазу и освободительные операции советских войск на чехословацкой земле, где было последовательно проведено шесть крупных операций: Восточно-Карпатская, Восточно-Словацкая, Западно-Карпатская, Братиславско-Брновская, Моравско-Остравская и Пражская.

Тяжелые изнурительные бои в Карпатах осенью 1944 г. в помощь восставшему словацкому народу имели своим результатом прорыв Со-

ветской Армии и 1-го Чехословацкого армейского корпуса в восточную Словакию и освобождение части ее территории. В соответствии с директивами Ставки Верховного Главнокомандования северные и центральные районы страны предстояло освободить 4-му Украинскому фронту, южные — 2-му Украинскому фронту, войска правого крыла которого вместе с соединениями 3-го Украинского фронта наступали на Будапештско-Венском направлении [11, с. 44].

Итогом январско-февральского наступления двух фронтов, в составе которых действовали 1-й Чехословацкий армейский корпус и две румынские армии, было освобождение большей части территории Словакии и южных районов Польши. Пройдя с боями свыше 200 км, войска 4-го Украинского фронта преодолели западные Карпаты и вышли на подступы к Моравско-Оставскому промышленному району.

Во второй половине марта 2-й Украинский фронт освободил г. Банска Бистрица и значительную часть Центральной Словакии, разгромив противника в Словацких Рудных горах [12, с. 245]. Наступающим частям эффективно помогали партизанские отряды и местное население.

Тяжелые условия боев в Карпатах и ожесточенное сопротивление врага, однако, вскоре замедлили темпы наступления советских войск. К середине февраля 4-й Украинский фронт был остановлен противником на заранее подготовленном оборонительном рубеже и до середины марта крупных операций не проводил. Готовилась Моравско-Оставская операция, план которой был утвержден Верховным Главнокомандующим 17 февраля. Он предусматривал освобождение Моравско-Оставского промышленного района с последующим наступлением войск фронта на глубину 450 км, выход их на рубеж реки Влтава и освобождение Праги [11, с. 205—206]. 19 марта командование 2-м Украинским фронтом представило Верховному Главнокомандованию план проведения Братиславской операции [13, с. 321], дальнейшее развитие которой предполагало освобождение города Брно и последующее соединение с войсками 4-го Украинского фронта в районе Оломоуца.

В связи с этим большое значение приобретало развертывание освободительного (в особенности партизанского) движения в Чешских землях. Штаб партизанского движения при Военном совете 4-го Украинского фронта осуществлял регулярную помощь действовавшим в Чехии и Моравии партизанским отрядам, а в марте перебросил туда новые группы организаторов партизанского движения. 20 марта в районе Мнихова Градиште десантировалась группа «Зеленый лес» под командованием майора Алексея. С ней соединилась партизанская группа, созданная советскими гражданами (35 человек). В ночь на 25 марта в районе Каменице высадилась группа «За Прагу» численностью 15 человек. Ее возглавлял опытный советский партизанский командир Иван Иванович Иванов, комиссаром был чех Иржи Незвал. Деревенская беднота и рабочие заводов г. Табор, Пельгржимов, Каменице создали здесь в 1944 г. несколько партизанских групп и отрядов. Прибытие в южную Чехию группы «За Прагу», достигшей к 20 апреля 1945 г. численности 230 человек, активизировало боевую деятельность и способствовало появлению новых отрядов, таких как «Иссу здар» (89 человек), «Ян Жижка» (137 человек), «Готвальд» (69 человек), «Ковчак» (120 человек), и крупной партизанской бригады «Таборите» (1040 человек). Командирами и комиссарами в этих отрядах были чехи [4, ф. 161, оп. 1, д. 1, л. 6—8].

К 24 апреля соединение отрядов «За Прагу» имело в своем составе более 1600 человек, в том числе 1400 чехов, 90 русских, 45 украинцев и 80 представителей других наций. В этом проявлялся интернациональный характер антифашистской борьбы чешского народа [4, ф. 161, оп. 1, д. 1, л. 10].

26 марта в северной части Пражского края была высажена группа «Народный мститель» (командир — майор П. Канишев, комиссар — чех Оскар Бенеш), которая к 7 мая насчитывала уже 192 человека [4, ф. 153, оп. 1, д. 1, л. 1—19]. В ту же ночь на Чешско-Моравской высочине появилась группа «Вперед». В следующие два дня были десантированы группы

глубокой разведки «Прибой», «Прага», «Ураган», «Шквал», «Север» и другие. Некоторые из них, выполнив свои конкретные задачи, перешли на партизанский способ действий.

2 апреля в Брдских лесах высадилась группа «Смерть фашизму» в составе 9 человек (командир Е. Олесинский, комиссар немец Баумгартель, член КПЧ с 1921 г.). Эта группа выросла в крупный отряд, который действовал в районе Пршибрам—Добржиш, принимал участие в майском восстании.

Успех партизанских акций и бурный рост отрядов во многом зависел от наличия оружия и снаряжения. Его доставляли регулярно отрядам 30 специально выделенных советских самолетов.

До конца войны в Чехию и Моравию было доставлено 300 т оружия и военных материалов. Численность партизанских бригад и отрядов постоянно росла за счет местных жителей и советских людей, бежавших из плена, с принудительных работ. Согласно данным фашистских властей, из одной только колонны военнопленных, которых весной 1945 г. перегоняли из Польши в Австрию через Чешские земли, с 13 по 20 марта бежало 2225 человек: в том числе 1784 советских граждан, 337 англичан, остальные были французы, словаки и сербы. Фашисты задержали 607 человек, из них 260 советских граждан и 216 англичан [14, с. 86]. Следовательно, в подавляющей части побеги оказались успешными.

Чешское население укрывало бежавших, лечило их и переправляло к партизанам. Полный провал потерпела попытка гитлеровцев развернуть среди чехов пропагандистскую антисоветскую кампанию [15, с. 169].

Возраставшее сопротивление поработенного народа вызывало у гитлеровцев страх перед назревающим восстанием и расплатой за злодеяния. Они предпринимали лихорадочные попытки удержаться в протекторате любой ценой. Сотни тысяч людей были согнаны на строительство оборонительных рубежей в восточных районах протектората, снова в ход была пущена машина террора. В феврале — марте гестапо удалось схватить ряд руководителей коммунистических организаций в Брно, Кладно, Бероуне, Злине и других городах.

7 марта было арестовано руководство Пражской краевой организации КПЧ во главе с Ф. Шишкой [5, с. 396]. Большинство арестованных было расстреляно. Гитлеровцам удалось нанести удар по некоторым партизанским отрядам.

Аресты и террор снова нарушили налаженные связи Центрального руководства КПЧ с партийными организациями, а также с некоторыми партизанскими отрядами. В полном объеме эти связи не удалось восстановить до Майского восстания, что сказалось на его подготовке и ходе.

Большое влияние на революционизирование обстановки и развитие начавшейся в стране национально-демократической революции оказало создание 4 апреля 1945 г. правительства Национального фронта чехов и словаков на основе разработанной руководством КПЧ программы глубоких демократических общественных преобразований, носивших ярко выраженный классовый антибуржуазный характер [16, с. 19].

Правительство Национального фронта считало своей основной задачей вместе с Советским Союзом и другими союзниками способствовать всеми силами полному разгрому гитлеровской Германии, добиться освобождения республики и заложить основы новой демократической жизни [17, с. 3, 4].

Апрель 1945 г. стал месяцем широкого развертывания партизанской войны в Чешских землях. Теперь здесь действовало уже 94 партизанских отряда и группы (46 — в Чехии, 41 — в Моравии и 7 — в пограничных районах). В их рядах насчитывалось более 8 тыс. партизан [5, с. 445]. Многие отряды были непосредственно связаны с подпольными организациями КПЧ. Однако по-прежнему отсутствовал единый штаб, который координировал бы действия всех отрядов и групп.

Партизаны наносили удары по коммуникациям немецких войск, нарушали оборонительные работы, уничтожали мелкие отряды и гарнизоны, громили полицейские участки и т. д.

Очень ценной была разведывательная деятельность партизан. Через свои рации они передали советскому командованию много важных сведений о размещении и передвижении частей вермахта, наличии оборонительных укреплений и других важнейших военных объектов врага. В прифронтовой полосе они нередко помогали советским войскам освобождать чехословацкие города и села.

В апреле советские войска осуществили две крупные наступательные операции по освобождению таких важных промышленных и административных центров страны, как Братислава, Брно и Моравская Острава.

Войска 2-го Украинского фронта 4 апреля освободили Братиславу, а также ряд других городов юго-западной Словакии. Спустя три дня они вышли на рубеж Моравы и форсировали ее. Линия фронта перемещалась в Чешские земли. Бой продолжали носить ожесточенный, кровопролитный характер. Советским войскам противостояла значительная группировка войск противника, опиравшаяся на мощную систему оборонительных сооружений. Особенно сильной система обороны была на подступах к Моравской Острове, что явилось одной из причин неудачи попытки освобождения города в марте 1945 г.

Немецкие власти в протекторате на этом заключительном этапе войны попытались вести закулисные переговоры с командованием американских войск с целью сохранения своего господства [18, л. 83—84]. Однако их замыслам не суждено было осуществиться. Советское правительство резко протестовало против сепаратных переговоров американцев и англичан с гитлеровцами.

В обстановке ожесточенных боев на фронте и политических маневров гитлеровцев особое значение имело повышение боевой активности чешского народа.

Командование советских войск в начале апреля распространило среди населения северных районов Моравии специальное обращение. В нем характеризовалась общая обстановка на фронтах войны, рассказывалось о Крымской конференции трех союзных держав — СССР, Англии и США и об операции советских войск по освобождению чехословацкой земли. «Братья чехи! — говорилось в обращении. — Пришел час вашего освобождения. Воины Красной Армии и ваши сыновья и братья из 1-го чехословацкого армейского корпуса навсегда избавят вас от немецкой тирании. Поэтому всеми средствами помогайте братской Красной Армии, которая вас освобождает. Беспощадно мстите немецким фашистам за кровь, страдания и мучения чешского народа» [13, с. 340].

Большую роль в ориентации движения Сопротивления в этот крайне ответственный момент конца войны и начала строительства новой республики имело опубликованное в г. Кошице в начале апреля воззвание КПЧ «Что делать, с чего начать», написанное К. Готвальдом. В нем были определены две главные задачи, которые стояли перед народами страны в этот исторический момент: «...во-первых, направить все силы на окончательную победу над гитлеровской Германией; во-вторых, заложить прочные основы новой и счастливой жизни в свободной, действительно демократической народной Чехословакии и не допустить возвращения домюнхенских порядков» [19, с. 72].

К населению Чехии и Моравии с призывом помогать Советской Армии в деле освобождения страны и достойно встретить советские войска обращались организации движения Сопротивления, партизаны, солдаты и офицеры чехословацкой армии [13, с. 336, 337, 358—360].

17 апреля чешский народ к борьбе за полное освобождение республики призвало правительство Национального фронта чехов и словаков: «В этот решающий момент мы с полным сознанием ответственности как ваше законное правительство призываем вас: не теряя ни минуты, поднимайтесь на великую общенациональную битву и во имя любви к Родине, во имя любви к республике самоотверженно приближайте окончательное поражение немцев и торжество чехословацкой свободы. Помогайте Красной Армии и чехословацким войскам громить и уничтожать немецкие войска

на территории своей страны. Помогайте самоотверженно и героически освобождать свои чешские города и свои чешские села!» [3, с. 140].

В середине апреля войска 2-го Украинского фронта развернули операции по освобождению Брно. 26 апреля после исключительно ожесточенных боев, в результате обходного маневра город был освобожден советскими войсками. Частям Советской Армии помогали многие граждане города. Они проводили советских бойцов скрытно в тыл врага, заботились о раненых, показывали заминированные места [20, sv. 2, s. 242]. Войска 4-го Украинского фронта 15 апреля начали новое наступление с целью освобождения Моравской Остравы [11, с. 208].

26 апреля в район боев прибыли члены правительства ЧСР К. Готвальд, Зд. Фирлингер, Л. Свобода. Они были свидетелями героизма советских солдат, сражавшихся, не жалея сил и жизни, за освобождение Чехословакии. В боях за Моравскую Оставу проявили высокое мужество воины 1-й отдельной чехословацкой танковой бригады и летчики чехословацкой авиационной дивизии. 30 апреля, в тот день, когда советские воины водрузили на рейхстаге знамя победы, Моравская Острада, которую по праву называют стальным сердцем Чехословацкой Республики, стала свободной.

Так, в результате проведения двух крупных наступательных операций советские войска разгромили группировку вермахта «Хейрици» в Западных Карпатах (15 дивизий), полностью освободили Словакию и важные промышленные центры Моравии. Была очищена от гитлеровцев территория площадью свыше 40 тыс. кв. км с населением около 4,5 млн человек [11, с. 211].

Занятые советскими войсками новые стратегические позиции в Чехословакии создавали условия для развития наступления на Прагу и завершения освобождения страны.

Советским войскам противостояла теперь на территории протектората группировка германских войск «Центр» под командованием фельдмаршала Шёрнера и часть войск группы армий «Австрия» под командованием генерала Рендулича. Всего здесь находились до 1 млн солдат и офицеров (65 дивизий), 3 бригады и 15 отдельных полков, располагавших большим количеством танков (две бронетанковые армии), орудий, самолетов, и другой боевой техники [11, с. 349; 21]. Пришедшее к власти после смерти Гитлера новое германское правительство Дёница на своем заседании 2 мая пришло к выводу, что эта группировка сможет оказывать сопротивление советским войскам еще три недели. Эти расчеты, однако, не имели под собой реальной основы. Еще до падения Берлина Ставка Верховного Главнокомандования Советской Армии приняла решение о проведении Пражской операции [11, с. 349]. Войска 1-го Украинского фронта находились в это время от столицы Чехословакии на расстоянии 130—150 км, окружая с севера левый фланг группы армий «Центр». Советское командование имело в виду использовать представляющуюся возможность охватывающего удара по врагу силами 1-го, 2-го и 4-го Украинских фронтов в целях быстрейшего разгрома гитлеровцев в Чехословакии. По словам маршала И. С. Конева, советским войскам предстояла серьезная борьба с большими силами врага [22, с. 219].

В Чешских землях в эти дни возникла революционная ситуация, наиболее яркими признаками которой являлись широкое партизанское движение, выливавшееся в ряде мест в локальные восстания, переход власти на местах в руки НК. Проявлялся и кризис верхов: в маневрах гитлеровцев, направленных на сохранение протектората в иной форме (отставка прежнего правительства протектората) [23], а также в попытках чешской буржуазии восстановить буржуазную республику. В такой обстановке революционные силы готовили общенародное вооруженное восстание.

30 апреля состоялось заседание ЧНС, на котором были обсуждены важнейшие вопросы подготовки восстания, установления связи с партизанскими отрядами, предприятиями, куда были назначены представители ЧНС. Общее руководство всеми отрядами и рабочими дружинами возлагалось на военную комиссию Совета, во главе которой находился член

Центрального руководства КПЧ В. Давид. В комиссию входили также представители профсоюзов и несколько офицеров старой чехословацкой армии. Комиссия разработала план захвата вооруженными дружинами важнейших предприятий и стратегических объектов Праги. Начало восстания ориентировочно намечалось на 7 мая.

Однако Майское восстание чешского народа стихийно началось в ряде городов и сел уже в первые дни мая, как только стало известно о падении Берлина и о приближении частей Советской Армии. 1 мая на многих предприятиях рабочие объявили забастовки, которые перерастали в попытку разоружить охрану заводов, захватить склады с оружием. Чаще всего вооруженные выступления начинались в местах действия крупных партизанских сил вблизи фронта. Так, в частности, началось первое из локальных восстаний в Пржеерове и окружающих его мелких городах и селах. Оно вспыхнуло 1 мая 1945 г. Горожане вместе с партизанами разоружили около 1500 немецких солдат. Национальный комитет арестовал немецкого районного гейтмана. Железнодорожники разоружили венгерский воинский транспорт и освободили группу советских военнопленных, которые немедленно примкнули к восставшим. К сожалению, большинство в НК высказалось за переговоры с командиром немецкого гарнизона, к которому была направлена многочисленная делегация, несмотря на позицию коммунистов, возражавших против такого шага. Вся делегация была расстреляна, а пришедшие в себя гитлеровцы снова овладели городом [20, sv. 2, s. 324]. Часть вооруженных горожан ушла с партизанами в леса. В боях погибли 29 чехословацких граждан. 23 из 100 заложников были расстреляны нацистами. Гитлеровцы выполняли приказ Шёрнера о суровой расправе за малейшие попытки восстания. «Из деревень, охваченных пламенем, — говорилось в этом приказе, — никто уже стрелять не будет» [20, sv. 2, s. 328].

Между тем восстание распространялось на новые районы. 2 мая забастовка рабочих железнодорожных мастерских г. Нимбурка вылилась в манифестацию на площади, где была провозглашена самостоятельная Чехословацкая республика. НК вышел из подполья, были вывешены чехословацкие и советские флаги [24, s. 41]. Подобная манифестация состоялась и в Подебрадах. Но нацистам вскоре удалось в обоих городах овладеть положением.

В другой части Пражского края — в Раковнике всеобщая забастовка рабочих заводов 2 мая вылилась в боевые действия всех местных патриотов, разоружавших военные патрули. Попытки гитлеровцев разогнать собравшихся на площади граждан потерпели неудачу. На следующий день представители буржуазных кругов также пытались уговорить собравшихся разойтись. Дальнейшее развитие событий в Раковнике привело к тому, что этот город превратился в своеобразный арсенал повстанцев центральных районов Чехии. Рабочие, захватив завод, стадион, стали изготавливать из запасных частей винтовки, пулеметы, направляя их также в районы Кладно, Бороуна, Сланы, Пльзнь и в саму Прагу. Они изготовили более 11 тыс. винтовок, 45 легких и 58 станковых пулеметов, отремонтировали 150 автоматов. Разоружив 5 мая нацистский гарнизон, рабочие захватили танк и шесть орудий [24, s. 44].

3 мая утром при обсуждении правительством Дёница так называемого богемского вопроса было констатировано: «Богемия стоит на пороге революции. Протекторат невозможно удержать на долгое время ни в политическом, ни в военном отношении» [20, sv. 2, s. 283]. Эта констатация не соответствовала действительности. Революция уже началась.

3 мая, поддержанное партизанами, восстало население городов Ломнице, Семили, Нова Пака и ряда близлежащих деревень. В срочной секретной депеше немецких властей из Йичина в Прагу 3 мая сообщалось: «В Ломнице, Семили и Новой Паке началось восстание. В первой половине дня жители и партизаны заняли несколько немецких учреждений и соорудили противотанковые препятствия и баррикады на дорогах. В Новой Паке были разоружены немецкие жандармы и фолькштурм. Они находятся в руках повстанцев» [25].

В тот же день забастовали сватовицкие горняки и рабочие г. Улице, жители г. Йелимнице. Подобные же телеграммы о боевых выступлениях горожан и партизан поступали в Прагу в эти дни из городов Гавличкув Брод, Градец Кралове [25].

Партизаны взяли под контроль железные дороги, атаковали немецкие части в районе Семили, Железного Брода, под Новой и Старой Пакой [26, с. 215]. За Железный Брод развернулось настоящее сражение. Партизаны и жители города разоружили здесь крупный немецкий гарнизон (400 человек), после чего пытались освободить соседние города, вступая в горячие схватки с немецкими частями, отходившими на запад.

В прифронтовых районах Моравии смелые боевые операции проводили отряды бригады «Ян Жижка». Так, один из отрядов занял село Салаш (в районе г. Кромержжж), а 2 мая — Велеград [4, ф. 124, оп. 1, д. 1, л. 23]. 3 мая другой отряд захватил оружейный завод в Яблунке (район Всетин) и роздал находившееся там оружие рабочим. На следующий день партизаны заняли станцию Яблунка, сохранив от уничтожения фашистами 220 вагонов с различным имуществом. Нацисты были выбиты из городов Визовице и Всетин и населенных пунктов Говези, Здохов, Лужна. Все освобожденные города удерживались до прихода советских войск [4, ф. 124, оп. 1, д. 1, л. 23, 24].

В эти же первые майские дни ожесточенные бои с гитлеровцами велись в западных районах страны: Пршибрамском, Бероунском, Добржишском и других. На север от Праги в районе Мельника бои вел отряд «Народный мститель», на юге Чехии — бригада «За Прагу», на Чешско-Моравской Высочине — бригады «Ян Гус», «Ян Козина», «Зарево», «Ермак», «Полк Л. Свободы». В названных трех западных районах действовала крупная партизанская бригада «Смерть фашизму», состоявшая из 9 отрядов (600 бойцов). Вечером 2 мая бригада окружила г. Пршибрам и предъявила немецкому коменданту ультиматум о безоговорочной капитуляции. После отказа гитлеровцев капитулировать они были выбиты из города. В боях за 2 и 3 мая партизаны взяли в плен 675 гитлеровцев, захватили 15 автомашин и много оружия. Отразив атаки гитлеровцев на Пршибрам, партизаны освободили также города Бероун, Добржиш и много деревень. Им помогали в боях рабочие дружины и отряды из крестьян [4, ф. 150, оп. 1, д. 1, л. 6—10].

4 мая рабочие металлургических заводов «Польдина гуть» и горняки шахт подняли восстание в Кладно. Они захватили здание гестапо, кладненский спортивный клуб и освободили находившихся там политзаключенных. Заводские советы взяли управление предприятиями в свои руки. На следующий день власть в районе и городе перешла в руки НК. Началась вооруженная борьба рабочих дружин с войсками и частями СС [27, с. 165].

Известие о восстании в Кладно быстро распространилось по окрестным городам. Примеру рабочих Кладно последовали трудящиеся городов Кралув Двор, Лоуны, Кралупы, Липчицы, Бероун, Сланы и других [5, с. 456].

Таким образом, еще до событий в Праге возникло несколько очагов восстания, которое уже на первом его этапе стало перерастать в национально-демократическую революцию. Однако разрозненность и изолированность этих очагов позволяла нацистам в ряде случаев сравнительно легко их подавлять.

Восстание в столице придало разрозненным выступлениям чешского народа общенациональный характер. Его начало напоминало действия повстанцев в других городах. 4 мая пражане начали срывать немецкие вывески, знамена, указатели улиц, уничтожали портреты Гитлера и Гихи, вывешивали чехословацкие флаги [26, с. 215].

Вечером 4 мая на общем заседании Центрального и пражского краевого руководства КПЧ было констатировано, что ни внешние, ни внутренние предпосылки не являются благоприятными для немедленного начала восстания. Было решено отложить его до 7 мая, хотя в городе уже царил боевое настроение и начались стихийные выступления [5, с. 457].

На следующий день делегаты конференции более 70-ти пражских и окрестных заводов (из Кладно, Бороуна и Пльзня) потребовали немедленного объявления генеральной забастовки и начала восстания. На улицах города в это время уже шла стрельба. Восстание, начавшееся стихийно, охватило весь город, когда пражская радиостанция обратилась к горожанам с призывом о помощи против гитлеровцев, пытавшихся арестовать чешских дикторов. Взрыв накопившейся ненависти к оккупантам и революционной энергии пражан был таким сильным и единодушным, что первоначально вызвал замешательство в стане врага, располагавшем в городе гарнизоном в 30 тыс. солдат и офицеров. Пользуясь замешательством гитлеровцев, вооруженные группы повстанцев атаковали военные и полицейские казармы и уже к вечеру овладели многими стратегическими объектами и позициями в городе: мостами через Влтаву, главной почтой, электростанцией, центральной телефонной станцией, некоторыми вокзалами. Боевые группы железнодорожников захватили несколько бронепоездов на станциях в Вршовицах, Смихове, Сланах и Ростоках [5, s. 458] и использовали их в боях с нацистами. Исключительно большое значение имел захват рабочими крупных заводов, где был налажен выпуск боевой техники и оружия. Вооруженные отряды рабочих являлись ядром повстанческих сил, насчитывавших десятки тысяч бойцов. Это с самого начала придало восстанию характер народной революционной войны против оккупантов [28, s. 314]. Буржуазная оппозиция, хотя и имела влияние на значительную часть полиции, жандармерии, высшего офицерства, однако, оказалась не в состоянии навязать восстанию свою концепцию верхушечного переворота.

Начавшись как стихийное выступление, восстание в Праге стало закономерной кульминацией освободительного движения чешского народа, выражением правильности основной тактической линии КПЧ, державшей курс на всенародное восстание и проводившей его планомерную подготовку. Влившись в ряды активных борцов, коммунисты приложили все усилия к тому, чтобы придать восстанию организованный характер, поднять боевой дух повстанцев, сплотить их силы.

Центральное руководство КПЧ 5 мая в обращении к народу, переданном по радио и опубликованном в «Руде право», призвало всех чехов единодушно подняться на борьбу с поработителями, за создание новой республики, за государство трудящихся. Оно разоблачало закулисные маневры оккупантов и чешских реакционеров, стремившихся путем реорганизации марионеточного правительства протектората сохранить свое господство, обмануть народные массы [7, s. 568]. В словах, обращенных к коммунистам — участникам восстания, говорилось: «Будьте всюду лучшими из лучших, с честью пронесите свое знамя, окропленное кровью многих тысяч ваших товарищей. Пусть послужит вам примером железная дисциплина большевистской партии и героизм братской Красной Армии» [7, s. 564].

Уже вечером 5 мая в Праге появились первые баррикады, а к утру их стало более 1600. В их возведении участвовало более 100 тыс. пражан. Восстание стало делом всего населения города. Баррикады лишили немецкие войска свободы передвижения, 30 000 активных бойцов заняли позиции на баррикадах, мостах и других важных объектах.

Наступательный энтузиазм восставших пражан и широкий размах восстания в столице усилили решимость к вооруженной борьбе среди всего чешского народа. Национальные комитеты, опираясь на партизанские отряды и дружины рабочих, брали власть в свои руки, провозглашали Чехословацкую республику. Так было в Голице, Турнове, Горжицах, Страконицах, Рокиданах. В Пльзне, буквально через несколько минут после первой передачи пражского повстанческого радио, местное радиовещание объявило о переходе власти в руки революционного Национального комитета. Рабочие дружины заводов «Шкода», захватив предприятие, помогли занять вокзал, почту, ратушу, тюрьму и другие объекты. Восстание в Пльзне и народные выступления во многих населенных

пунктах Западночешского края привели к его почти полному освобождению от немецких захватчиков.

Появившиеся в крае на следующий день американские войска прибыли практически на территорию, освобожденную самим чешским народом [5, с. 459].

Верховный главнокомандующий экспедиционными войсками союзников в Западной Европе Д. Эйзенхауэр по настоянию У. Черчилля и вопреки имеющейся договоренности выступил с предложением продвинуть американские войска далее на Восток до реки Влтавы, имея в виду захват Праги. Советское Верховное главнокомандование настояло на выполнении существовавшей договоренности о соблюдении разграничительной линии между союзными войсками в Чехословакии. Нарушение договоренности могло помешать осуществлению оперативных планов Советских Вооруженных Сил и внести путаницу в действия союзных армий, а, следовательно, задержать освобождение Чехословакии.

В дни восстания вокруг Праги возник «красный пояс» городов и сел, население которых по призыву Чешского Национального Совета стало помогать столице оружием, продовольствием, медикаментами и своей собственной борьбой.

Упорные бои с гитлеровцами вели партизаны в районе Мельника, Железного Брода. Партизанские отряды на юге Чехии: «За Прагу», «Табориты», «Ян Жижка», «Готвальд», имевшие ранее связи с пражскими заводами «Авиа», «Юнкерс», «Зброевка», «Ческо-Моравска-Кольбен-Данек» и другими, узнав о восстании в Праге, все силы бросили на дороги, ведущие к городу, сдерживая попытки гитлеровцев перебросить туда свои войска.

Активизировались партизанские действия на Чешско-Моравской Высочине. Здесь народное восстание охватило Хрудимский, Полицский, Новоместский и другие районы. Так, 5 мая партизаны бригады «Ян Гус», разгромив гитлеровцев в Голице, удерживали его до подхода советских войск. С их помощью были освобождены города Хотеборж, Гавличкув Брод и несколько сел. Однако в целом наличие значительных гарнизонов немецких войск на Высочине ограничивало размах восстания в этом районе. Партизаны вынуждены были ограничиться традиционными для себя действиями — нападениями на колонны врага, блокадой дорог, нарушением связи и т. п.

Главнокомандующий немецкими сухопутными войсками фельдмаршал Шёрнер отдал приказ войскам подавить восстание пражан любыми средствами [21], а командующий войсками СС Пюклер распорядился о концентрированной бомбардировке восставшего города: «Все гнездо должно гореть!» [1, с. 181].

6 мая обстановка в городе резко обострилась. Оккупанты бросили против повстанцев значительные силы, включая фронтовые части. Гитлеровцы стали обстреливать город из орудий, бомбардировать его с воздуха и, наконец, направили против баррикад танковые части. Героизм повстанцев сорвал планы немецкого военного командования снова овладеть Прагой. Гитлеровцам удалось 6 мая захватить лишь несколько районов. Повстанцы испытывали острый недостаток оружия и боеприпасов, что сказывалось на успехе их оборонительных боев.

В этой критической ситуации через пражскую радиостанцию повстанцы обратились к Советской Армии с призывом о помощи. Текст переданного в эфир обращения гласил: «Говорит Прага! Чешская Прага говорит! Немцы прервали переговоры о капитуляции, начали бои. Нам нужна помощь! Пошлите нам на помощь авиацию и танки! Пошлите нам десантников! Место высадки — Ольшанское кладбище на Виноградах. Это место подготовлено и обозначено треугольником» [13, с. 404].

При всей своей фрагментарности и несовершенстве обращение Пражского радио сыграло свою роль в ускорении сроков начала операции советских войск по освобождению Праги и остальной территории Чехословакии. Вместо 7 мая она началась 6 мая [22, с. 242]. В операции были задействованы войска трех фронтов, в составе которых находилось свыше

1 млн солдат и офицеров, тысячи орудий и минометов, 1800 танков и самоходных орудий, что превосходило силы германской группировки армий «Центр» и «Австрия». Два главных удара наносились в общем направлении на Прагу с севера—1-м и с юго-востока—2-м Украинскими фронтами. 4-й Украинский фронт обеспечивал условия для наступления с востока. Особая роль в освобождении Праги предназначалась созданной на правом крыле 1-го Украинского фронта ударной группировке в составе трех гвардейских общевойсковых армий (13-й, 3-й и 5-й) и двух гвардейских танковых армий (3-й и 4-й), двух танковых корпусов и большого числа артиллерийских дивизий и полков. После разгрома дрезденской группы войск врага и освобождения Дрездена ударной группировке советских войск предстояло действовать на главном направлении: Теплице Шанов—Прага. Здесь вводились в бой основные средства наступления: 1100 танков, 5680 орудий, значительные силы пехоты и 1900 самолетов [22, с. 233]. Вспомогательный удар из района Гёрлиц в направлении Циттау—Млада—Болеслав—Прага наносила 2-я ударная группировка в составе двух общевойсковых армий, 2-й армии Войска Польского, одного механизированного (танкового) корпуса и других частей и средств наступления. Такая концентрация вооруженных сил обеспечивала всеокрушающую мощь удара, быстрый прорыв обороны противника и развитие последующего стремительного наступления танковых и механизированных соединений на максимальных скоростях. В целях сохранения городов и селений от разрушений и жителей от гибели танковым соединениям было приказано двигаться вперед, не ввязываясь в бои за населенные пункты, обходя узлы сопротивления противника.

8 мая стало днем кульминационного развертывания наступательной операции советских войск. Они стремительно продвигались в глубь территории Чехословацкой республики. Несмотря на подписание акта о безоговорочной капитуляции, германские войска продолжали боевые действия. В ночь на 8 мая танкисты 10-й гвардейской механизированной бригады 5-го гвардейского механизированного корпуса в г. Жатец с ходу разгромили штабную колонну машин группы армий «Центр». Были взяты в плен 9 генералов и много офицеров штаба [29]. Самому Шёрнеру удалось бежать и позже пробраться к американцам. Но в результате разгрома штаба Шёрнер, по его словам, утратил управление войсками [22, с. 233].

В 20 часов 8 мая командующий 1-м Украинским фронтом маршал И. С. Конев по указанию ставки Верховного Главнокомандования приказал передать по радио обращение ко всем немецким войскам, находящимся на территории Чехословакии об их безоговорочной капитуляции [22, с. 251]. Однако в течение установленного командующим трехчасового срока ответа на обращение не последовало. Очевидно, немецкие войска все еще подчинялись приказу, отданному Шёрнером 7 мая о том, что «война против Советского Союза будет продолжаться» [22, с. 249].

Советские войска после трехчасовой паузы возобновили наступление. Вперед двинулись все 12 армий 1-го Украинского фронта. «У нас была острая тревога за Прагу,— писал И. С. Конев в своих воспоминаниях,— острое желание как можно скорее прийти на помощь своим братьям прежде чем фашисты, используя преимущества в силах, успеют расправиться с ними. Это чувство было у нас всеобщим» [22, с. 258].

В восставшем городе в это время продолжались бои. По инициативе коммунистов Чешский Национальный Совет мобилизовал силы на возведение новых баррикад и одновременно принял ряд мер, направленных на обеспечение населения продовольствием. Он запретил повышение цен, обязал владельцев магазинов отпускать пражанам продовольствие и другие товары по установленным нормам, а крестьян—выполнять установленные поставки продовольствия для города. Владетцам предприятий, мастерских и магазинов было запрещено прекращать работу и сокращать рабочих. Все автомобили и другие средства передвижения были мобилизованы для обороны столицы, медицинской службы и поддержания снабжения населения [30, с. 56, 57].

В своей деятельности Чешский Национальный Совет опирался на возникшие местные национальные комитеты, которые контролировали снабжение населения продовольствием, помогали добывать для повстанцев оружие, боеприпасы, медикаменты и т. д. Однако часть членов Чешского Национального Совета переместилась 7 мая в расположение военного командования «Бартош» на Бартоломейской улице [30, с. 55]. Это давало возможность реакционному офицерству оказывать более непосредственное воздействие на политику Совета, добываясь соглашения с немецким командованием в Праге.

В ночь на 8 мая радио повстанцев передало повое обращение Чешского Национального Совета, подготовленное представителями КПЧ в Совете. В этом воззвании, обращенном к бойцам революционной армии, рабочим, работницам и всем гражданам, были сформулированы цели восстания, разоблачались интриги оккупантов, стремившихся расчистить дорогу бегущей на запад фашистской армии, и ставилась задача добиться безоговорочной капитуляции германских властей. Подчеркивалось, что народные массы борются не только за национальную свободу, но и за социальное освобождение, за новую республику, в которой подлинным хозяином будет сам трудовой народ [31, с. 8].

8 мая бои в городе продолжались. С утра гитлеровцы снова прибегли к воздушной бомбардировке города и артиллерийскому обстрелу. Они захватили сотни мирных граждан в качестве заложников, грабили магазины, убивали безоружных. Однако в руках восставших по-прежнему оставалась значительная часть старого и нового города, что усугубляло и без того критическое положение немецких войск в Чехословакии [22, с. 257]. В листовках и газетах, выходивших на отдельных боевых участках, по-прежнему повторялся лозунг «Не прошли и не пройдут!».

Фашистская армия в это время спешила на запад. Ее командование хотело игнорировать факт подписания безоговорочной капитуляции. 8 мая в полдень в здании, где находился Чешский Национальный Совет, появился командующий немецким гарнизоном в Праге генерал Тауссен и начались переговоры об условиях капитуляции немецких войск в городе. В 16 часов был подписан протокол о капитуляции германских войск, который предусматривал их разоружение при выходе из города, отвод из Праги и ее окрестностей с 18 часов 8 мая. Одновременно германское командование обязывалось отпустить всех военнопленных и арестованных. Чешское население не должно было чинить препятствий уходу германских войск.

Германское командование предприняло такой маневр с подписанием протокола, рассчитывая сохранить свои войска от разгрома и пленения советскими частями, двигавшимися стремительно на помощь восставшей Праге. В этом плане условную капитуляцию гитлеровцев нельзя назвать решительной победой восставших. Это был своеобразный компромисс, вызванный соглашательской позицией некоторых членов ЧНС, в том числе представителя КПЧ в Совете Смрковского, подписавшего протокол. Войска СС, воспользовавшись дезорганизацией, которую внесло соглашение в ряды восставших, захватили ряд баррикад и начали расстреливать участников восстания и мирное население. Особенно бесчинствовали эсесовские банды в рабочих районах Панкрац, Михле и южной части Праги. Бои продолжались в течение всей ночи с 8 на 9 мая. Лишь вступление в город Советской Армии положило конец бесчинству войск СС в городе.

Танковые войска 1-го Украинского фронта, проделав беспрецедентный ночной 80-ти километровый марш, на заре 9 мая вступили в город. Первыми среди освободителей были танкисты 10-го гвардейского танкового Уральского добровольческого корпуса. Передовой отряд корпуса ворвался в Прагу около 3 часов утра. Один танковый батальон с мотопехотой двинулся на Град, на помощь пражанам, которые выбивали засевших там гитлеровцев. Один из танков направился к мосту Манеса, чтобы помешать гитлеровцам взорвать его. Экипажу танка под командованием лейтенанта И. Г. Гончаренко пришлось вступить в бой с 11-ю боевыми

машинами врага. Ему удалось вывести из строя три штурмовых орудия, однако, и советский танк был подбит, а его командир и два члена экипажа ранены, притом Гончаренко — смертельно. Подошедшая к месту боя танковая рота разгромила противника и через мост прорвалась к центру города.

В тот же день в город вступили войска 2-го и 4-го Украинских фронтов. В составе 4-го Украинского фронта находились и чехословацкие воинские части. Советским войскам вместе с повстанцами столицы пришлось вести упорные бои, чтобы полностью очистить город от германских войск, подавить очаги сопротивления врага, уничтожить мелкие группы фанатически настроенных фашистов. Такие бои имели место на Летне, в Стромовском парке, в районе Дейвиц. Упорное сопротивление оказали части СС в районе Здихова и Баррандова. В последующие дни советские войска и подошедшие чехословацкие части с помощью партизанских отрядов и рабочих дружин завершили разгром германской армии на территории Чехословакии. Было взято в плен около 860 тыс. солдат и офицеров, захвачено 9,5 тыс. орудий, около 2 тыс. танков, свыше одной тысячи самолетов и другое военное имущество [33, с. 275].

Последняя освободительная операция Советской Армии в Европе стала одновременно и залогом победоносного завершения восстания чешского народа против фашистских захватчиков.

Антифашистское восстание чешского народа в мае 1945 г. было завершающей фазой его национально-освободительного движения. Решительно выступив с оружием в руках против иноземных поработителей, чешский народ сорвал замыслы оккупантов и представителей крупной чешской буржуазии осуществить компромиссный сговор с западными империалистическими державами о сохранении в Чешских землях буржуазных порядков.

Являясь результатом общего процесса освободительного движения и революционной волны в Европе, восстание имело не только национальный, но и ярко выраженный социальный характер. Оно продемонстрировало полную поддержку чешским народом Кошицкой программы глубоких революционных, демократических и социальных преобразований, упрочило положение в стране правительства Национального фронта и способствовало окончательной победе национально-демократической революции. Ведущее положение рабочего класса среди восставших масс укрепило его руководящую роль в стране.

Восстание вызвало значительную дезорганизацию тыла германских войск в протекторате, нарушило их коммуникации, понизило боеспособность сохранившихся частей германской армии и тем самым оказало существенную помощь наступающим советским войскам. Все эти обстоятельства ставят Майское восстание чешского народа в один ряд с крупнейшими выступлениями народных масс Европы против господства нацизма в годы второй мировой войны.

Восстание явилось новым существенным вкладом народов Чехословакии в общее дело борьбы против фашизма. Оно продемонстрировало теснейшую связь антифашистской борьбы поработенных народов с освободительной войной советского народа.

Освобождение столицы Чехословакии и значительной территории страны советскими войсками являлось ярким свидетельством выполнения СССР своего союзнического долга и освободительной миссии. Эта стратегическая операция советских войск обеспечила победу Майского восстания чешского народа, избавила его от дальнейших массовых репрессий, а чехословацкие города и села — от уничтожения. Тем самым чешский и словацкий народы были не только освобождены и получили снова право на государственность и свободную жизнь, но и были спасены от уготованной им участи полного уничтожения.

Успешное проведение Пражской операции сорвало также замыслы реакционных кругов США и Великобритании восстановить в стране довоенный режим путем введения в центральные районы Чехословакии своих войск и захвата её столицы.

Военно-политическое значение Пражской операции советских войск, которую кое-кто на Западе пытается изобразить сугубо символической, этим не исчерпывается. В историю войны она вошла как образец высоко-го оперативного и тактического искусства командования Советских Вооруженных Сил, как воплощение возросшего мастерства советских полководцев. Это проявилось как в самом замысле наступления, когда главные удары наносились войсками трех фронтов по сходящимся направлениям на Прагу, что создало возможность окружить и ликвидировать мощную, почти миллионную, группировку войск противника и освободить значительную территорию союзной Чехословакии, так и в невиданных темпах концентрации и передвижения огромных по численности войск. В боях за освобождение Чехословакии погибло 140 тыс. советских воинов [33, с. 276].

В Пражской операции в полной мере проявилось содружество вооруженных сил Советского Союза, Чехословакии, Польши и Румынии. Вместе с советскими частями и соединениями в ней сражались против общего врага воины 1-го Чехословацкого корпуса, 1-й и 4-й Румынских армий, 2-й армии Войска Польского. Многие из них отдали свои жизни и пролили кровь за освобождение чешского народа.

Большое значение освобождения Чехословакии Советской Армией заключалось в том, что были сохранены огромные материальные ценности. Согласно планам германских властей на территории протектората подлежали уничтожению все объекты, имеющие народно-хозяйственное значение, в том числе промышленные предприятия, мосты, вокзалы, а также памятники культуры. Армия Шёрнера готовилась к тому, чтобы опустошить таким способом большую часть чешских земель. Эти варварские замыслы гитлеровцев были сорваны [28, с. 278].

Пражская операция и Майское восстание чешского народа являются ярким выражением органической связи освободительного похода Советских Вооруженных Сил с антифашистской борьбой народов Чехословакии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Chtěli nás vyhubit. Dokumenty. Praha, 1961.
2. Rudé právo, 1984.
3. Český odboj a květnové povstání. Sborník dokumentů. 1943—1945. Praha, 1975.
4. Партийный архив Института истории партии ЦК Коммунистической партии Украины. Киев.
5. Za národní osvobození, za novou republiku 1938—1945. Vedoucí úloha KSC v národně osvobozenec kém boji. Praha, 1982.
6. Král V. Otázky hospodářského a sociálního vývoje v Českých zemích v letech 1938—1945. Sv. II. Praha, 1958.
7. Rude právo. 1939—1945. Praha, 1971.
8. Vojensko-historický archiv (Praha), f. Domací odboj. Krab. 24. Partyzani v Moravsko—Ostravsku, l. 12.
9. Redr R. Aby národ žil. Brno, 1948.
10. Dějiny socialistického Československa. Studie a materialy. Praha, 1982.
11. История второй мировой войны. 1939—1945. Т. 10. М., 1979.
12. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй мировой войне. Военно-исторический справочник. М., 1972.
13. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 4, кн. 2. М., 1983.
14. Nédorezov A. Ve spoločnom boji. Účast sovětských občanou na protifašistickem boji Čechů a Slovaků. Praha, 1973.
15. Mainus F. Totalní nasazení. Cesi na pracích v Německu. 1939—1945. Brno, 1970.
16. Десять лет народно-демократической Чехословакии. 1945—1955. Тезисы отдела пропаганды и агитации ЦК КПЧ.— Информационный бюллетень КПЧ, 1955, № 5.
17. Program vlády Národní fronty Čechů a Slovaků. Praha, 1945.
18. Archiv lidového soudu (Praha), f. TNs, 10/46—7.
19. Gottwald K. Spisy. Sv. XI. Praha, 1955.

20. Osвобоzení Československa Rudou Armádou 1944/1945. Sv. 1, 2. Praha, 1965.
21. Obrana lidu, 1958, 9 V.
22. *Конеа И.* Сорок пятый. М., 1966.
23. Archiv lidového soudu (Praha), f. Proces s K. N. Frankem, l. 371.
24. Květen 1945 ve středních Čechách. Sborník dokumentů a vzpomínek na revoluční dny 1945. Praha, 1965.
25. Svět v obrazech, 1961, 6 V.
26. Очерк истории КПЧ. Прага, 1980.
27. *Penička A.* Kladensko v boji za svobodu. Praha, 1951.
28. *Král V.* Osвобоzení Československa. Studie o mezinárodně politikých aspectech. Praha, 1975.
29. *Рязанский А.* В огне танковых сражений. М., 1975.
30. Pražská květnová revoluce 1945. Praha, 1946.
31. *Koucky V.* Ilegalní KSC a pražské povstání. Praha, 1946.
32. Archiv ústředního vyboru svazu protifašistických bojovníků (Praha), krab. Pražské povstání. Deník ošetrovny pri velitelství revolučních gard Praha II.
33. За освобождение Чехословакии. М., 1965.

ПУШКАШ А. И.

К 40-ЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ ВЕНГРИИ ОТ ФАШИЗМА

В Венгерской Народной Республике широко отмечается 40-летие освобождения от фашизма. Бои на территории Венгрии длились более шести месяцев — 194 дня. 22 и 23 сентября 1984 г. в с. Баттоня отмечали начало освобождения страны Советской Армией. Оттуда эстафета двинулась по городам и селам Венгрии, по местам кровопролитных боев с фашистскими армиями и завершится на окраине области Ваш в селении Немешмедвеш — последнем населенном пункте, откуда были изгнаны немецко-фашистские оккупанты и их венгерские приспешники — хортисты и нилашисты. 4 апреля 1945 г. венгерская земля полностью была освобождена от фашистских войск, и позднее этот день был провозглашен национальным праздником страны.

Преследуя потерпевшие поражение под Яссами и Кишиневом войска противника, 2-й и 3-й Украинские фронты в сентябре 1944 г. с боями продвигались к границам Венгрии и Югославии. 2-й Украинский фронт, развивая наступление в общем направлении на Клуж, прорвал оборону немецко-венгерских войск в Трансильвании и создал благоприятные условия для выхода советских войск на венгерскую равнину с востока, а также способствовал продвижению войск 4-го Украинского фронта к перевалам Карпат в юго-западном направлении, угрожая 1-й венгерской армии полным разгромом.

Действовавший в составе 2-го Украинского фронта 18-й танковый корпус под командованием генерал-лейтенанта П. Д. Говоруненко 22 сентября завершил окружение противника в районе г. Арад и вышел на венгеро-румынскую границу. 23 сентября части корпуса разгромили немецко-венгерские войска на юго-восточных окраинах сел Баттоня и Домбедьхаз. В последующие дни сентября танковый корпус частью своих сил отражал непрерывные контратаки немецких и венгерских войск, пытавшихся отеснить советские части за пределы Венгрии. Одновременно 110-я и 170-я танковые бригады корпуса продолжали наступление в направлении на Ходмезёвашархей. 26 сентября части корпуса освободили первый венгерский город Мако [1, ф. 680, оп. 17626, д. 32, л. 46].

В октябре 1944 г. войска 2-го Украинского фронта, выполняя замысел Ставки главного командования, осуществили так называемую Дебреценскую операцию, в которой участвовала и румынская добровольческая дивизия им. Тудора Владимиреску [2]. В результате была освобождена значительная часть Венгрии — территория на восток от Тисы и южные районы между Тисой и Дунаем, где проживала треть населения страны.

В связи с наступлением советских войск на венгерскую территорию командование Советской Армии обратилось к венгерскому народу с призывом всемерно содействовать советским войскам в их освободительной миссии. В воззвании подчеркивалось, что Советская Армия вступила в

Венгрию не с целью приобретения какой-либо части ее территории, а лишь в силу военной необходимости, «не как завоевательница, а как освободительница венгерского народа от немецко-фашистского ига» [3], разъяснялось, что на освобожденной территории страны будут сохранены венгерские органы власти, система экономического и политического устройства и существующие обычаи, что все права и ответственность граждан берутся под охрану советских военных властей.

Этот документ имел большое значение для установления нормальных отношений между советскими войсками и местным населением.

С перенесением военных действий на территорию Венгрии регент Миклош Хорти продолжал маневрировать с целью добиться прихода англо-американских войск в Венгрию. В конце сентября он предпринял несколько попыток заключить сепаратный мир с западными державами. 22 сентября М. Хорти отправил в расположенный в Казерте вблизи Неаполя штаб англо-американского командования генерала И. Надаи, поручив ему склонить англичан и американцев высадиться в Риеке, а оттуда через Загреб прорваться в южную часть Венгрии [4, 226. old.] Однако в условиях, когда советские войска уже вели бои непосредственно на границах Венгрии, правительства Великобритании и США предпочли выполнять соглашение с СССР. И хотя раньше они всячески обнадеживали М. Хорти, теперь им оставалось лишь посоветовать ему «обратиться к русским». Таков же был результат и тайных переговоров, которые вели хортисты с представителями западных держав в Стокгольме [5].

М. Хорти вынужден был обратиться к Советскому Союзу относительно условий перемирия. Командующему 1-й венгерской армией Беле Далноки Миклошу было сообщено советской стороной, что для переговоров о перемирии Венгрия может выслать через фронт своих представителей. Регент направил в Москву официальную делегацию во главе с инспектором жандармерии генералом Г. Фараго. Она была доставлена в Москву 1 октября через штаб партизанской бригады Е. П. Волянского, действовавшей в районе Банска-Быстрица в Словакии [1, ф. 244, оп. 2980, д. 163, л. 105; ф. 240, оп. 2761, д. 210, л. 50]. Регент передал И. В. Сталину письмо, в котором пытался снять с Венгрии ответственность за участие в войне, просил «пощадить Венгрию», прекратить военные действия, обеспечить свободный отход немецким войскам из Венгрии и участие англо-американских войск в оккупации страны [6; 4, 269, old.]. Последние два условия, а также предложение о недопущении армий «малых государств к участию в оккупации Венгрии» были главными в инструкции Хорти по ведению переговоров в Москве.

Г. Фараго по поручению регента выдвинул более широкие требования, включая и территориальные. Советское правительство, разумеется, не могло согласиться с этим. МИД СССР информировал представителей США и Великобритании о неприемлемости венгерских предложений и рекомендовал до начала переговоров о перемирии предъявить от имени трех государств-союзников хортистским правителям Венгрии предварительные условия и лишь после принятия и выполнения их повести прямые переговоры в Москве о перемирии. Такая договоренность была достигнута. Были также совместно выработаны условия перемирия¹.

8 октября Фараго был принят наркомом иностранных дел СССР В. М. Молотовым, который зачитал, а затем и передал ему от имени правительств СССР, Великобритании и США предварительные условия: эвакуировать венгерские войска и чиновников с оккупированных Венгрией территорий Чехословакии, Югославии и Румынии в пределы границ Венгрии, существовавших на 31 декабря 1937 г., и завершить эту эвакуацию в течение 10 дней под наблюдением союзной контрольной комиссии; порвать все отношения с Германией и немедленно объявить ей войну. Советское правительство для облегчения выполнения этих условий заявило также о готовности оказать Венгрии помощь войсками. Передав этот

¹ Донесение посла США в Москве А. Гарримана государственному секретарю США от 9 октября 1944 г. [7].

документ, нарком заявил, что если венгерское правительство и регент примут предварительные условия, то в Москве будут проведены переговоры между Венгрией и представителями трех союзных правительств. Отвечая на интересовавший Хорти вопрос, он разъяснил, что имеется в виду подписать условия перемирия более или менее сходные с содержащимися в «соглашении», подписанном с Румынией [8].

Получив такой ответ, 9 октября регент пригласил на совещание своих приближенных. Имея в виду, что Советская Армия, форсировав Тису, вышла в район Кечкемета, вела бои за Дебрецен и угрожала полным окружением 1-й и 2-й венгерских армий, присутствовавшие высказались за принятие предварительных условий [9, XVI, 12/50, 51. 1.]. Это соглашение было передано в МИД СССР во время второй, и последней, официальной встречи в ночь на 12 октября. Кроме того, в вербальной ноте содержалась и просьба приостановить наступление Советской Армии, что мотивировалось необходимостью подготовки к осуществлению предварительных условий [10].

Советское правительство приняло во внимание эту просьбу и приостановило наступление войск Советской Армии на три дня. Но венгерское правительство в эти дни не приступило к выполнению ни одного из предварительных условий. Хорти заявил одному из приближенных генералов относительно требования объявить войну Германии, что этот пункт «я как-нибудь обойду» [11]. Не желая участия Венгрии в войне против гитлеровской Германии, Хорти отказался выполнить принятые им условия. А когда нельзя уже было дальше продолжать игру в переговоры, он предпочел уйти в отставку, передать власть новому ставленнику германского фашизма в Венгрии Ф. Салаши и попросить убежища в Германии. По выражению венгерского профсоюзного деятеля, «хортистский режим так бесславно погиб, как и пришел к власти» [12].

Итак, одно из фашистских течений в Венгрии — хортизм перед надвигающейся расплатой за свои преступления уступил место другой фашистской группировке, которую Берлин в условиях последних месяцев 1944 г. считал более способной продолжать войну на его стороне. По своему классовому характеру илашизм, как и хортизм, был фашистской диктатурой финансовой олигархии и земельной аристократии. Их идентичность в этом отношении подтверждает тот факт, что с партией Ф. Салаши слились «Союз друзей восточного фронта», являвшийся опорой имредистской партии крупного капитала, а также Венгерская национал-социалистическая партия, представлявшая часть венгерской земельной аристократии. Осталась в коалиционном правительстве Ф. Салаши и партия хортистов — Венгерская партия жизни.

Непродолжительное правление Салаши на неосвобожденной части страны было одной из наиболее уродливых форм фашистской диктатуры, к которой когда-либо прибегали помещики и капиталисты для спасения своего господства. Будучи бессильными остановить победоносное наступление Советской Армии и революционный подъем в стране, илашисты стали и на путь массового террора и разграбления народного достояния. С помощью гитлеровских оккупантов они истребили десятки тысяч людей, разорили страну.

В Венгрии усиливалось движение сопротивления. Организатором и руководителем народной борьбы против илашизма была Венгерская коммунистическая партия (ВКП). Коммунисты призывали к борьбе против фашизма все патриотические силы. По предложению ВКП в Венгерский фронт вошла Национально-крестьянская партия (НКП). В сентябре был образован Исполком Венгерского фронта и началось создание его местных комитетов. 10 октября было достигнуто соглашение о единстве действий Компартии и Социал-демократической партии (СДП) [13]. Был создан Комитет связи двух партий, в состав которого вошли Дюла Каллаи и Арпад Сакашич. Реорганизовывалось на новой основе молодежное и студенческое движение.

С началом военных действий на территории Венгрии значительно усилилось партизанское движение в столице и ее окрестностях, а также в

шахтерских районах страны. К этому времени Военный комитет ВКП стал подлинным штабом партизанской борьбы. Большинство партийных организаций и отрядов Гвардии действия превратились в боевые вооруженные отряды. Под руководством коммунистов создавались партизанские отряды, группы минеров и подрывников, которые совершали смелые нападения на воинские гарнизоны оккупантов, взрывали автомашины, пускали под откос поезда. Особенно активно действовали партизанская группа «Марот», которой руководил Михай Падани, и партизанские группы под руководством Лайоша Фехера, Йожефа Фабри, Шандора Ногради и других [14].

Полицейские и жандармские чины доносили об успешных операциях партизан, особенно в октябре — ноябре 1944 г. В рядах партизан боролись тысячи венгерских патриотов. Население помогало им «продовольствием, деньгами, укрывало их» [9, IV, 21—32.1.]. В октябре—ноябре Компартия расширила свою деятельность в армии, где антигитлеровские тенденции значительно усилились в связи с нилашистским путчем и событиями на фронте. 16 октября командующий 1-й венгерской армией генерал Бела Далноки Миклош вместе со своим штабом на участке 4-го Украинского фронта перешел на сторону Советской Армии. Под мощными ударами советских войск и воздействием разъяснительной работы коммунистов 1-я венгерская армия распалась и перестала быть сколько-нибудь серьезной военной силой. За 10 дней, с 20 по 30 октября, она потеряла убитыми и ранеными более 14 тыс. человек, а пленными — 19 924 человека. Большими группами со своими офицерами во главе на сторону советских войск перешли свыше 10 тыс. солдат и офицеров этой армии [1, ф. 32, оп. 11306, д. 573, л. 26]. Подобным было положение и во 2-й венгерской армии.

В результате усиления деятельности коммунистов и Венгерского фронта были достигнуты определенные успехи в подготовке всенародного восстания против нилашистских властей и немецких оккупантов. По инициативе коммунистов был создан Повстанческий национально-освободительный комитет, или, как его иначе называли, Венгерский комитет освобождения. В нем были представлены партии Венгерского фронта и Общество друзей Советского Союза. Возглавил этот комитет Эндре Байчи-Жилински.

Организация ставила своей целью поднять вооруженное восстание в момент, когда Советская Армия начнет штурм Будапешта, ожидавшийся в декабре. Несмотря на нерешительность деятелей некоторых партий, входивших в Венгерский фронт, каждая из них подготовила значительное количество людей для непосредственного участия в восстании [1, ф. 32, оп. 11306, д. 583, л. 188—189].

22 ноября место заседания Комитета освобождения, по доносу провокатора окружили нилашисты. Им удалось схватить часть членов комитета, в том числе председателя, и почти все военное руководство во главе с генералом Яношем Кишем. Это был тяжелый удар по антифашистскому движению. Венгерский фронт сопротивления, обезглавленный гестаповцами, в начале декабря распался. Наиболее активные элементы в демократических партиях продолжали действовать. Когда стало ясно, что восстание не состоится, коммунисты взяли курс на создание небольших боевых групп, действовавших в Будапеште и его окрестностях.

Поддержанные трудящимися Венгрии войска Советской Армии в ноябре — декабре освободили значительную часть страны и окружили Будапешт.

Чтобы избежать дальнейшего кровопролития, оградить Будапешт от разрушений, сохранить его исторические памятники, командующие 2-м и 3-м Украинскими фронтами маршалы Р. Я. Малиновский и Ф. И. Толбухин предъявили командованию окруженной группировки противника (188 тыс. человек) ультиматум, в котором содержались гуманные условия ее капитуляции. Фашисты во главе с обергруппенфюрером СС К. Пфеффером-Вильденбрухом не приняли ультиматум. По советскому парламентарю капитану Миклошу Штеймнецу, который на участке 2-го

Украинского фронта в пригороде столицы Венгрии Кишпеште на машине с белым флагом приблизился к передовым позициям противника, был открыт огонь и он был убит. Второй парламентар — капитан И. А. Остапенко на участке 3-го Украинского фронта в районе Будаёрша доставил ультиматум в штаб окруженных немецких войск, он был отклонен. А при возвращении к линии фронта Остапенко также погиб [15].

На запад в обозе гитлеровцев бежали самые активные хортисты и нилашисты. На освобожденной части страны побеждала народно-демократическая революция, в ходе которой по инициативе коммунистов создавались национальные комитеты — органы революционной диктатуры рабочего класса и крестьянства. Компартия возглавила движение, направленное на возобновление производства и прежде всего на обеспечение населения продовольствием. Это было очень важно, поскольку в результате войны нарушилась связь между городом и деревней.

Центральный комитет ВКП в это время находился в оккупированном германскими войсками Будапеште. В октябре — ноябре на освобожденную территорию Венгрии из эмиграции возвратились руководители заграничных центров партии и создали Центральное руководство (ЦР) ВКП, которое возглавило революционное движение. В первые недели освобождения центром политической деятельности был г. Сегед. Отсюда ЦР руководило работой создававшихся парторганизаций и установило контакт через линию фронта с ЦК, находившимся в Будапеште.

Компартия прежде всего стремилась вооружить партийные организации научно обоснованной программой выхода из тяжелого положения, созданного войной. На совещании в Сегеде 2 ноября 1944 г., на котором присутствовали представители парторганизаций Сегеда, Орошказы, Ходмезёвашархея и Мако, выступавшие касались основных проблем, связанных с восстановлением хозяйства страны и строительством новой Венгрии. Война не была еще закончена, поэтому оставалась в силе и стратегическая задача — изгнание фашистских оккупантов и полное освобождение страны, а также обеспечение победы демократической революции во всей Венгрии. Осуществить эти цели партия предполагала путем создания широкой антифашистской коалиции [16].

ВКП, учитывая экономическое положение страны и международную обстановку, разработала программу демократических преобразований и открыто заявила, что она не отказалась от лозунга диктатуры пролетариата. Но на данном этапе ВКП считала, что глубокие демократические преобразования, в том числе аграрная реформа, создадут благоприятные условия для перерастания демократической революции в революцию социалистическую.

30 ноября партия обнародовала проект «Программы демократического восстановления и подъема Венгрии». В ней говорилось о необходимости создания широкой национальной коалиции для борьбы против немецкого и венгерского фашизма, для демократических преобразований в стране, предусматривалось образование Венгерского национального фронта независимости (ВНФН) и новой государственной власти, государственный контроль над деятельностью картелей и крупных банков, национализация нефтепромыслов, шахт, электростанций, установление 8-часового рабочего дня и оплачиваемых отпусков, ликвидация дискриминации в оплате женского и детского труда и повышение реальной заработной платы. Одним из основных требований было уничтожение полуфеодальной системы крупнопоместного землевладения путем конфискации владений предателей, военных преступников и проведения радикальной земельной реформы.

В политической области программа ставила перед венгерским народом следующие задачи: порвать военный союз с гитлеровцами и принять активное участие в войне против фашистской Германии; распустить все антинародные фашистские организации и предотвратить всякую возможность их возрождения в будущем, привлечь к уголовной ответственности изменников родины и военных преступников, очистить государственный аппарат, армию и суды от фашистов и других антинародных элементов, от-

менить все законы и распоряжения фашистского режима, служившие целям защиты реакции и противоречащие принципам демократии; искоренить из литературы и печати, системы народного образования и всей общественной жизни расовую и национальную ненависть; восстановить демократические свободы и политические права народа; гарантировать свободу печати, собраний и организаций; освободить из тюрем всех патриотов и борцов за национальное освобождение.

Внешнеполитическая часть программы провозглашала установление добрых отношений с соседними странами, прежде всего с Советским Союзом. Компартия определила и организационные формы нового государственного строя: национальные комитеты на местах как местные органы Всевенгерского национального фронта независимости; Временное национальное собрание как верховный законодательный орган власти, а также Временное национальное правительство ВНФН. В заключение ВКП призывала все демократические партии, организации и группы, всех патриотов поддержать эту программу [17, 10—14. old.]

Программа Компартии обсуждалась в парторганизациях и на народных собраниях во всех уголках освобожденной части страны и повсеместно была одобрена.

Переговоры между лидерами ВКП, СДП, НКП и ПМСХ закончились успешно, и 2 декабря 1944 г. в Сегеде был создан Венгерский национальный фронт независимости. В него вошли также профсоюзы и Буржуазно-демократическая партия (БДП). В основу своей деятельности ВНФН принял программу, предложенную Компартией [17, 9—10. old.]

В соответствии с этой программой на местах создавались национальные комитеты, которые брали власть в свои руки. Национальные комитеты таких городов, как Сегед и Дебрецен до образования Временного национального правительства приняли ряд постановлений, имевших силу по всей стране.

С начала декабря центр политической жизни на освобожденной части страны переместился из Сегеда в Дебрецен. 12 декабря там была создана подготовительная комиссия по созыву Временного национального собрания. Выборы депутатов в течение 8 дней были проведены на всей освобожденной территории.

Состав собравшегося в Дебрецене 21 декабря 1944 г. Временного национального собрания отразил резко возросшее влияние рабочих и крестьян в жизни страны. С освобождением территории всей страны число депутатов Временного национального собрания увеличилось с 230 до 498, но в классовом отношении состав его мало чем отличался от дебреценского. И в том и в другом — первой партией была ВКП, имевшая 26,1% мандатов. А совместно ВКП, СДП, НКП и профсоюзы, представлявшие интересы рабочего класса, трудящегося крестьянства и прогрессивной интеллигенции, в дебреценский период имели в Национальном собрании 62,6% мест, а после переезда в Будапешт — 65,8%. В коалиции же с ПМСХ они располагали 90,4% мандатов [18].

Первая сессия Временного национального собрания положила начало образованию центральных органов рождавшегося народно-демократического строя. Сессия приняла воззвание — дебреценскую декларацию к венгерскому народу, в которой намечались первоочередные задачи строительства новой Венгрии [19]. Вопрос о форме государственной власти в то время не решался, но был избран Политический совет, исполнявший функции главы государства.

Политический совет назначил премьер-министром бывшего командующего 1-й венгерской армией Б. Миклоша. Коалиционное правительство было сформировано из представителей основных партий ВНФН и четырех хортистов. Большинство в совете министров принадлежало представителям рабочих и крестьян.

24 декабря Временное национальное правительство Венгрии запросило у правительства СССР условия перемирия, а 28 декабря разорвало с Германией все связи и объявило ей войну [20, с. 26—28].

Соглашение о перемирии между СССР, Великобританией и США, с од-

ной стороны, и Венгрией, с другой, было подписано в Москве 20 января 1945 г. Оно обязывало венгерское правительство участвовать в войне против гитлеровской Германии силами не менее восьми пехотных дивизий, отвести свои воинские части и чиновников с захваченных территорий Румынии, Чехословакии и Югославии в пределы границ Венгрии, существовавших на 31 декабря 1937 г., разоружить и пленить немецкие войска в Венгрии, освободить военнопленных союзных государств и предоставить советским и союзным войскам в интересах завершения войны свободу передвижения по территории Венгрии. Венгерское правительство должно было участвовать в аресте и предании суду военных преступников, а также распустил на территории Венгрии все прогитлеровские или другие фашистские организации политического и военного характера, равно как и организации, которые вели враждебную пропаганду против Объединенных Наций, и впредь не допускать деятельности таких организаций в стране. Венгрия обязывалась частично возместить убытки, причиненные ею Советскому Союзу, Югославии и Чехословакии в период войны. Акт перемирия объявлял несуществующими так называемые венские арбитражи (1938 и 1940 гг.) [20, с. 39—44].

В этом документе указывалось, что контроль за выполнением условий перемирия будет осуществлять Союзная контрольная комиссия. Такая комиссия была создана 28 января 1945 г. под председательством К. Е. Ворошилова. В ее работе принимали участие представители Великобритании и США.

Между тем бои за освобождение Венгрии продолжались. Враг пытался с запада деблокировать окруженные в Будапеште войска, что затянуло ликвидацию окруженных в столице фашистских войск. С этим связаны и крупные бои в районе Секешфехервара и Балатона. В результате упорных боев 13 февраля 1945 г. Будапешт был освобожден.

В боях за Будапешт вместе с советскими частями участвовали отдельные роты венгерских добровольцев. В те дни формировался Будапештский добровольческий венгерский полк. Его ядро составили 300 солдат и офицеров 6-го пехотного полка венгров, перешедших на сторону советских войск 11 февраля во главе с подполковником Оскаром Варихази. После боев в Будапеште в полку уже было пять батальонов, насчитывавших 2534 человека [21].

Взятием Будапешта закончилась одна из великих битв на венгерской равнине. Группа армий «Юг» потерпела серьезное поражение. Советские войска получили возможность на южном участке подготовить и провести завершающий удар по врагу, в результате которого было не только завершено освобождение Венгрии, но и обеспечено их продвижение в Австрию и Чехословакию.

4 апреля 1945 г. советские войска изгнали гитлеровцев из последнего населенного пункта Венгрии. Народно-демократическая власть была распространена на всю страну.

Рабочие, крестьяне и антигитлеровски настроенная часть мелкой буржуазии Венгрии во главе с рабочим классом, используя благоприятную обстановку, сложившуюся в результате разгрома фашизма и освобождения страны Советской Армией, отстранили от власти монополистическую буржуазию и помещиков. Новая власть представляла собой революционно-демократическую диктатуру рабочего класса и крестьянства.

Основываясь на соглашении руководства ВКП и СДП о единстве действий, Компартия развернула деятельность по созданию единых профсоюзных организаций рабочего класса. 18 января 1945 г. был образован Временный профсоюзный совет Венгрии на паритетных началах из представителей ВКП и СДП, причем от последней в него вошли в основном левые деятели. В руководстве целого ряда крупнейших отраслевых профсоюзов оказались рабочие, преданные делу революции. Профсоюзы играли большую роль не только в восстановлении производства, но и в политической жизни страны. Единство рабочего класса, созданное в профсоюзах, сыграло положительную роль и в укреплении единства действий двух рабочих партий.

Совместные выступления ВКП и СДП по важнейшим политическим вопросам явились одним из решающих факторов становления народно-демократического строя, обеспечившим руководящую роль рабочего класса в народно-демократической революции. Сотрудничество ВКП и СДП было одной из важнейших предпосылок мирного перерастания общедемократической революции в социалистическую.

В правительственной коалиции сразу обозначились различия. Левое направление составили ВКП, левые деятели СДП, НКП и ПМСХ. На правом крыле заняли место ПМСХ, а также правые из СДП и НКП. Крайне правые группировались вокруг реакционных хортистских элементов. После того, как хортисты были оттеснены, ПМСХ стала объединять под флагом «западной демократии» все буржуазные силы. В отличие от СДП в ПМСХ в начале сильнее было правое крыло во главе с Б. Варгой, Ф. Надем и др. Левое же ее крыло, возглавляемое И. Доби, систематически подвергалось преследованиям со стороны руководства и в 1945 г. не смогло стать политической силой, которая оказала бы влияние на партию в целом.

В такой ситуации Коммунистической партии при осуществлении программы ВНФН пришлось вести решительную борьбу не только с хортистами, но и против врагов внутри Фронта. Правые в правительственной коалиции делали все, чтобы экономические и социальные преобразования, предусмотренные Дебреценской декларацией, были ограничены, сведены до минимума и не разрушили основ капиталистического строя, т. е. чтобы не допустить дальнейшего развития революционного процесса.

Первоочередной задачей Временного правительства являлось выполнение пункта соглашения о перемирии, предусматривавшего участие венгерских войск в войне против гитлеровской Германии. Однако некоторые министры — бывшие хортистские генералы саботировали это обязательство. Только в результате упорной борьбы Компартии стала создаваться новая венгерская армия. В результате до конца войны в Европе было сформировано и направлено на фронт всего лишь две дивизии венгерской армии, причем и они не успели принять участия в боях с гитлеровцами.

Перед Венгрией стояла также задача создания государственного аппарата. Правым в правительстве не нравилась активная деятельность национальных комитетов. 4 января Совет министров принял постановление о создании местных органов государственного управления, в связи с чем национальные комитеты лишались прав местных органов власти. Они должны были отныне содействовать созданию демократических по своему составу органов местного самоуправления, а на будущее им отводилась роль местных объединений представителей ВНФН, т. е. общественно-политических организаций [22]. Областное административное управление было распределено между партиями правительственной коалиции пропорционально их представительству в национальном собрании. Там, где начальниками комитатов, округов стали коммунисты или другие прогрессивные деятели, старые формы местного самоуправления наполнялись новым, демократическим содержанием.

По инициативе коммунистов создавалась новая, демократическая полиция. 10 мая 1945 г. была официально распущена ненавистная трудящимся королевская жандармерия. Прогрессивным силам страны пришлось вести длительную борьбу за передачу правосудия в руки рабочих и крестьян, которая завершилась только в начале 1946 г.

Наряду с вопросом о власти важнейшей задачей народно-демократической революции была ликвидация помещичьего землевладения и передача земли в руки трудящихся крестьян. С этой целью в ходе освобождения страны Компартия выдвинула на первый план также задачу проведения земельной реформы. В условиях народно-демократической революции и продолжавшейся войны, когда необходимо было сплотить народные массы и повести их на разгром фашизма, аграрный вопрос был прежде всего вопросом политической стратегии, от решения которого зависело укрепление союза рабочих и крестьян.

Еще в начале 1945 г. по инициативе и под руководством коммунистов

создавались комитеты безземельных, мелких и средних крестьян — «комитеты требующих землю», которые стали органами борьбы за ликвидацию полуфеодальной крупнопоместной системы. Общее число таких комитетов, созданных в период раздела земли, превысило 3200, число их членов достигло 35 тыс. человек [23].

Под решительным напором масс большинство противников реформы вынуждено было капитулировать. Проект правительственного указа о ликвидации полуфеодальной крупнопоместной системы и наделении крестьян землей был одобрен на межпартийном совещании 15 марта и утвержден советом министров 17 марта 1945 г. На следующий день он был опубликован и вступил в силу, а 5 сентября был утвержден в качестве закона Временным национальным собранием.

В период проведения аграрной реформы в стране шла острейшая классовая борьба. Компартия преодолевала ожесточенное сопротивление помещиков, крупных капиталистов — арендаторов и землевладельцев, опираясь на беднейшее крестьянство, идя на союз с середняком и нейтрализуя кулака. В селах царил величайший подъем. Крестьянские комитеты, местные организации Компартии и посланцы рабочего класса неимоверными усилиями в основном завершили раздел земли в течение шести недель.

Общая площадь конфискованной и изъятой земли составила 5599 тыс. гектаров, или 34,6% полезной земельной площади страны. У предателей и фашистских главарей было конфисковано 529 тыс. гектаров земли. 90,4% изъятых по реформе земель, или более 5 млн. гектаров, было отнято у помещиков и крупных землевладельцев [24].

Из всей конфискованной и изъятой земли 3 258 738 гектаров, т. е. 58,2%, были переданы в частную собственность безземельным и малоземельным крестьянам. В результате проведения реформы 584 893 батрака, сельскохозяйственных рабочих и владельцев карликовых хозяйств получили в среднем по 5,1 гектару земли [25]. Помещичьи землевладения свыше 100 гектаров и кулацкие свыше 200 гектаров перестали существовать. Страна латифундий и «трех миллионов нищих» была преобразована в страну мелкого товарного сельскохозяйственного производства.

Аграрная реформа уничтожила остатки феодализма, ликвидировала эксплуатацию крестьянской бедноты со стороны помещиков, упразднила издольщину, положила конец зависимости крестьян от крупных землевладельцев. По своему характеру она была демократическим аграрным преобразованием, а по существу выполнила задачу демократической аграрной революции.

Так в период освобождения Венгрии и в последующие месяцы в стране были не только уничтожены антинародные хортистский и нилашистский режимы и учреждены демократические органы управления государством, в которых ведущая роль принадлежала рабочему классу и его авангарду — Коммунистической партии, т. е. победила народно-демократическая революция, но и заложены как в городе, так и в деревне экономические основы власти рабочих и крестьян, а также созданы условия для перерастания народно-демократической революции в социалистическую.

Партия коммунистов успешно выполнила и стратегическую задачу перерастания народно-демократической революции в социалистическую мирным путем. В достижении этих целей она неизменно пользовалась поддержкой КПСС, Советского правительства.

Восстановив организационное единство рабочего класса, коммунисты, венгерский трудовой народ с энтузиазмом взялись за строительство основ социализма в стране. Безопасность Венгрии гарантировалась Договором о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, заключенным в феврале 1948 г. между СССР и Венгрией и участием ВНР с 1955 г. в Варшавском Договоре.

И когда в руководстве Венгерской партии трудящихся возникли разногласия, развернулась борьба между сектантами-догматиками и ревизионистами, позволившая внутренним и внешним контрреволюционным силам осенью 1956 г. поднять мятеж, верный своим союзническим обязательствам Советский Союз пришел на помощь венгерскому народу, помог

разгромить контрреволюционные банды. Всемирная поддержка со стороны СССР облегчила успешное строительство социализма в Венгрии.

Под руководством Венгерской социалистической партии с начала 60-х годов венгерский народ строит развитое социалистическое общество. 850 тыс. коммунистов находится в передовых рядах борцов за осуществление намеченных планов экономического и социального развития страны.

В тесном сотрудничестве с СССР и другими социалистическими странами трудящиеся ВНР за короткий исторический срок осуществили глубокие преобразования во всех областях жизни. Страна совершила гигантский скачок в своем экономическом, социальном и культурном развитии. За годы строительства социализма национальный доход возрос почти в 5 раз, объем промышленного производства в 8,5 раза, а сельскохозяйственного производства — более чем в два раза [26].

Венгерское сельское хозяйство достигло высоких рубежей. Валовый сбор пшеницы за одно десятилетие удвоился и в настоящее время ежегодно собирают с каждого гектара посева более 40 ц. Устойчивые сборы зерновых (около 15 млн т зерна в год) [27, 1984, 25 II] позволяют успешно развивать животноводство. Производство мяса на душу населения (132 кг) в два раза превышает потребление в стране (73 кг) [27, 1984, 4 I, 14 I].

За последние два десятилетия половина населения страны переселилась в новые квартиры.

В своей внешней политике ВНР выступает как союзник СССР, стран — членов Варшавского Договора, является последовательным борцом за мир во всем мире и социальный прогресс. Она пользуется заслуженным международным авторитетом и признанием.

Сегодня практически нет области в жизни советского и венгерского народов, в которой не осуществлялось бы тесное сотрудничество и плодотворный обмен опытом строительства нового общества. Все более возрастает роль устойчивых и долгосрочных связей, способствующих решению многих экономических и социальных задач. Наши страны заключили ряд двусторонних соглашений о специализации и кооперировании производства в автомобильной и химической промышленности, машино- и станкостроении, производстве электронно-вычислительных машин, сельскохозяйственной техники, дизельных двигателей, приборов и комплектного оборудования.

Завершено строительство высоковольтной линии электропередачи Винница — Альбертирша, соединившей энергосистему европейских стран СЭВ «Мир» с единой энергосистемой СССР. С помощью Советского Союза и других социалистических стран построены и вступили в строй два блока Пакшской атомной электростанции, обновляются и реконструируются десятки промышленных предприятий.

Значительная доля валовой продукции ВНР обменивается на внешнем рынке. За счет импорта ВНР удовлетворяет на 3/4 своей потребности в доменном коксе, на 4/5 — в железной руде и нефти, на 99% — в меди и т. д., причем значительную часть сырья и энергоносителей получает из Советского Союза. Примерно треть всех ввозимых в ВНР машин и оборудования также закупается на советском рынке.

СССР в свою очередь получает из Венгрии большое количество товаров, необходимых как для развития народного хозяйства, так и для удовлетворения потребностей населения. Советский Союз импортирует из Венгрии порталы кранов, буксиры-толкачи, комфортабельные автобусы «Икарус» (в 1984 г. 7600 штук) [27, 1983, 15 XII], машины и оборудование, продукты сельского хозяйства и легкой промышленности. Только в 1984 г. товарооборот между ВНР и СССР превысил 8,6 млрд рублей.

Динамично развивается советско-венгерское научно-техническое сотрудничество. В настоящее время в этом сотрудничестве с советской стороны участвует 60 министерств и 260 других организаций, а с венгерской — 17 министерств и 200 других организаций [28]. Они совместно разрабатывают более 350 проблем и тем.

Сейчас успешно осуществляется «Долгосрочная программа кооперации и производственного разделения труда Советского Союза и Венгрии на

1981—1990 гг.», которая является реальной основой народно-хозяйственного и научно-технического сотрудничества.

Решению этих проблем способствует тесное сотрудничество Академий наук СССР и ВНР во многих областях знаний, а также в области общественных наук. Сотрудничество между советскими и венгерскими обществоведами достигло значительных успехов. Оно концентрируется на разработке проблем руководства развитием социалистического общества, управления хозяйством и культурным строительством.

Развитие отношений между СССР и ВНР все в большей мере становится общенародным делом, советско-венгерская дружба ныне является достижением миллионов людей, строящих социализм и коммунизм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Центральный архив Министерства Обороны СССР.
2. История второй мировой войны. М., 1978, т. 9, с. 190.
3. Освобождение Венгрии. Сборник документов. Будапешт, 1975, с. 20—29; Факсимиле: Hazánk felszabadulása (1944—1945). Budapest, 1955, 16—17. old.
4. *Horthy M.* Emlékirataim. Buenos Aires, 1953.
5. Párttörténeti Intézet Archivuma, 685. f., 4. öe, 6, 8.l.
6. Századok, Budapest, 1970, 4. sz., 983—989. old.
7. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers 1944. Washington, 1966, v. 3, p. 898.
8. История Венгрии. Т. 3. М., 1972, с. 441.
9. Belügyi Minisztérium Irattára, V — 19430.
10. Országos Levéltár, Filmtár, 14086.
11. *Macartney C. A.* October Fifteenth. V. 2. Edinburgh, 1957, p. 393.
12. Népszava, 1984, 23 IX.
13. A Magyar Kommunista Párt és a Szociáldemokrata Párt határozatai. 1944—1948. Budapest, 1967, 30—33. old.
14. *Piniér I.* A Magyar Front és az ellenállás. Budapest, 1970; *Pintér I.* Magyar antifaszizmus és ellenállás. Budapest, 1975.
15. Освобождение Венгрии от фашизма. М., 1965, с. 193—195.
16. Felszabadulás. 1944 szeptember 26—1945 április 4. Dokumentumok. Budapest, 1955, 148—155. old.
17. A Magyar Népfront története. Dokumentumok. 1935—1976, 2. köt. Budapest, 1977.
18. Az 1944 évi december hó 21-ére Debrecenbe összegyűlt, majd később Budapestre összehívott Ideiglenes Nemzetgyűlés Naplója. Budapest, 1946.
19. Néplap, 1944, 24 XII.
20. Советско-венгерские отношения 1945—1948 гг. Документы и материалы. М., 1969, с. 26—28.
21. *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы второй мировой войны. М., 1974, кн. 2, с. 264—269.
22. *Szabó I.* A népi demokratikus államhatalom fejlődése.— In: Tanulmányok a magyar népi demokrácia történetéből. Budapest, 1955, 593. old.
23. Az MKP III. kongresszusának jegyzőkönyve. Budapest, 1946, 190. old.
24. Gazdaságstatisztikai Tájékoztató. Budapest, 1947, 2. sz., 60. old.
25. *Пушкаш А. И.* Борьба за аграрные преобразования в Венгрии, М., 1959, с. 132—136.
26. Magyar Statisztikai Zsebkönyv. Budapest, 1983.
27. Népszabadság.
28. A magyar-szovjet tudományos-műszaki együttműködés 35 éve. Budapest, 1984, 3. old.

40-ЛЕТИЕ СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОГО ДОГОВОРА О ДРУЖБЕ, ВЗАИМНОЙ ПОМОЩИ И ПОСЛЕВОЕННОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ

В ходе совместной борьбы против немецко-фашистских захватчиков сложилось и окрепло боевое содружество советского и польского народов. С установлением народной власти в Польше в июле 1944 г. создались благоприятные условия для развития дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и Польской Республикой.

Советское правительство признало Польский комитет национального освобождения (ПКНО). Были подписаны соглашения об отношениях между советским главнокомандующим и польской администрацией после вступления советских войск на территорию Польши, о советско-польской границе и другие акты, регулировавшие взаимоотношения СССР и Польши в духе взаимной помощи и дружбы. Советский Союз помог народной Польше установить связи с Чехословакией, Югославией и Францией.

31 декабря 1944 г. ПКНО был преобразован во Временное правительство Польши, которое сразу получило юридическое признание со стороны СССР [1, т. 8, с. 334]. В декларации Временного правительства указывалось, что народная Польша будет стремиться прежде всего к укреплению и развитию дружественных отношений со своим великим соседом — Советским Союзом: «Только союз с СССР и другими демократическими силами обеспечит безопасность после войны». Государственное, политическое, экономическое и культурное развитие Польши могло быть успешно осуществлено лишь при опоре на польско-советскую дружбу [1, т. 8, с. 329—333].

В ходе зимнего наступления 1945 г. Советской Армии (в январе—марте), в котором приняло участие Народное Войско Польское, вся территория Польши была освобождена от немецко-фашистских оккупантов. В результате этого польский народ обрел свободу и независимость, было обеспечено воссоединение западных и северных польских земель в рамках польского государства, упрочились позиции народной власти в стране. СССР оказывал всемерную поддержку польскому народу в решении его национальных задач. Польский народ рассматривал дружеские отношения с СССР как важное условие строительства новой жизни и своей безопасности. В феврале 1945 г. во время визита польской правительственной делегации в СССР польская сторона предложила закрепить новые отношения договором.

21 апреля 1945 г. в Москве был подписан Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Польшей [1, т. 8, с. 414—416]. Как указывалось в преамбуле договора, его участники стремились «довести войну против немецких захватчиков до полной и окончательной победы», желали «закрепить коренной перелом в истории советско-польских отношений в сторону дружественного, союзного сотрудничества, сложившегося между СССР и Польшей в ходе совместной борьбы

против германского империализма». В статье 1 договора говорилось, что стороны будут продолжать вместе со всеми Объединенными нациями борьбу против Германии до окончательной победы и обязывались в это время оказывать друг другу помощь всеми имеющимися средствами. Договор определял принципы взаимоуважения обеих стран, основанных на уважении независимости и суверенитета, а также невмешательстве во внутренние дела друг друга. В интересах безопасности и процветания своих народов стороны обязывались сохранять и укреплять как в период, так и после окончания войны, дружеское сотрудничество между странами, «предпринимать совместно все меры, находящиеся в их распоряжении, для устранения любой угрозы повторения агрессии со стороны Германии или какого-либо государства, которое объединилось бы с Германией непосредственно или в какой-либо иной форме» (статья 3). В случае, если одна из сторон окажется вовлеченной в военные действия с Германией, другая сторона немедленно окажет военную и другую помощь и поддержку всеми средствами, находящимися в ее распоряжении (статья 4). СССР и Польша заявляли, что не будут «заключать без взаимного согласия перемирия или мирного договора ни с гитлеровским правительством, ни с какой-либо другой властью в Германии, посягающей или которая посягала бы на независимость, территориальную целостность или безопасность каждой из Высоких договаривающихся сторон». СССР и Польша обязывались не заключать союзов и не принимать участия в коалициях, направленных против другой стороны.

СССР и Польша подчеркивали, что они будут участвовать в духе самого искреннего сотрудничества во всех международных действиях, направленных на обеспечение мира и безопасности народов и будут полностью вносить свой вклад в осуществление этих высоких целей. СССР и Польша обязались сотрудничать в целях дальнейшего развития и укрепления экономических и культурных связей между обеими странами и помогать друг другу в восстановлении хозяйства обеих стран.

Договор вступал в силу с момента его подписания. Он был заключен на 20 лет, и мог быть продлен на следующие пять лет, если одна из сторон за 12 месяцев до истечения срока не сделает письменного предупреждения о своем намерении отказаться от договора.

Подписавшие договор главы правительств обоих государств — И. В. Сталин и Э. Осубка-Моравский — подчеркнули большое историческое значение этого акта. И. В. Сталин усматривал его в том, что он знаменует коренной поворот в отношениях между СССР и Польшей — от элементов взаимной отчужденности, недружелюбия и нередко открытых военных конфликтов к союзу и дружбе, поворот, который сложился в ходе освободительной борьбы против гитлеровской Германии и получил формальное закрепление в договоре. В результате политика игры между Германией и Советским Союзом, которую проводили старые правители Польши, заменялась политикой союза и дружбы между Польшей и ее восточным соседом. Упраздняясь трамплин для нападения на СССР, коридор для нашествия на Восток. Договор являлся залогом независимости новой демократической Польши, залогом ее могущества и процветания. Создавался единый фронт против общего врага — немецкого империализма с востока. Глава Советского правительства выразил пожелание о дополнении его барьером с запада, в таком случае «немецкая агрессия будет обуздана и ей нелегко будет разгуляться» [1, т. 8, с. 417].

Э. Осубка-Моравский считал договор выражением «непреклонной воли и стремления польского народа к укреплению дружбы, взаимной помощи и сотрудничества, которое родилось в общей борьбе наших народов против немецких захватчиков». «Эти желания и чаяния дружбы и сотрудничества, — указывал он, — были и являются исторической необходимостью, реализация которых стала возможной только теперь, когда в нашей стране народ получил голос». Эта «здоровая политическая идея стала мощным фактором возрождения польской демократии и польского народа, гарантией его свободы и независимости» [2, с. 69].

Договор от 21 апреля 1945 г. стал основой для развития добрососед-

ского, дружественного сотрудничества во имя общих целей между советским и польским народами, в соответствии с их жизненными интересами. Заключение договора явилось победой внешней политики Советского Союза, а также одним из главных достижений внешней политики народной Польши. Он укреплял международные позиции Польши, гарантировал ее новые границы. Договор явился одним из основных звеньев в цепи союзов против возможной агрессии империализма и в деле укрепления экономического, культурного и политического сотрудничества стран народной демократии и СССР.

В соответствии с договором от 21 апреля 1945 г. осуществлялось дружеское и взаимовыгодное политическое, экономическое и культурное сотрудничество между СССР и ПНР и обоих государств на международной арене. Договором от 16 августа 1945 г. был урегулирован вопрос о советско-польской государственной границе в соответствии с национальными интересами братских народов. Была завершена репатриация населения.

Важное значение имели торговый договор (7 июля 1945 г.), соглашение о научно-техническом сотрудничестве (1947), протокол к этому соглашению (1961). Имея в виду большой ущерб, нанесенный Польше немецкой оккупацией, СССР отказался «в пользу Польши от всех претензий на германское имущество и другие активы, а также на акции германских промышленных и транспортных предприятий на всей территории Польши, включая и ту часть территории Германии, которая переходит Польше» [1, т. 7, с. 543]. По просьбе Польши в 1946 г. СССР поставил ей 900 тыс. *т* зерна. Поставки зерна в Польшу продолжались и в последующие годы. В 1947—1948 гг. они составили 500 тыс. *т*, в 1957 г. — 1 400 тыс. *т* [2, с. 204; 1, т. 11, с. 78].

СССР предоставил Польше в 1946—1949 гг. несколько займов, которые стабилизировали ее платежный баланс и позволили ей проводить торговые операции с капиталистическими странами. До создания в Польше собственной военной промышленности СССР взял на себя снабжение польской армии вооружением и боеприпасами на условиях беспроцентного кредита [2, с. 99].

В 1951 г. по просьбе польской стороны был проведен обмен участками государственной территории в районе Люблинского воеводства и Дрогобычской области УССР. В результате добыча нефти в Польше увеличилась на 20%. СССР получал более удобное железнодорожное сообщение [1, т. 10, с. 105—108, 123]. В январе 1948 г. было заключено соглашение о поставках Польше в кредит промышленного оборудования [1, т. 9, с. 246—249].

Экономическое сотрудничество между СССР и ПНР в 50—60-е годы успешно развивалось на двусторонней основе и в рамках СЭВ. В эти годы были сделаны первые шаги в области международного социалистического разделения труда. II съезд ПОРП (1954) отметил большой «исторический скачок вперед», который совершила Польша в своем социально-экономическом развитии, и значение помощи Советского Союза для прогресса страны. Создание мощной индустриальной базы позволило приступить к технической реконструкции народного хозяйства, к ликвидации тех диспропорций, которые образовались в ходе выполнения шестилетки в условиях разгара «холодной войны». В преодолении этих трудностей помог Польше Советский Союз. В сентябре 1956 г. было подписано соглашение о советском кредите в 100 млн. руб. золотом и об отсрочке на 4—5 лет платежей Польши по полученным в 1947—1949 гг. кредитам в виде поставок оборудования для строительства промышленных предприятий [1, т. 11, с. 68]. В ноябре 1956 г. СССР и Польша, регулируя свои финансовые расчеты за предшествующие годы, согласились считать погашенной задолженность Польши по состоянию на 1 ноября 1956 г. по использованным кредитам, предоставленным Советским Союзом [1, т. 11, с. 78].

В ПНР в ходе выполнения пятилетнего плана на 1961—1965 гг. были приняты меры для ускоренного развития производительных сил и совершенствования народно-хозяйственных пропорций, преодоления отставания сырьевой базы промышленности, повышения занятости населения,

роста внешней торговли и т. д. СССР всемерно содействовал осуществлению этих мероприятий. Были заключены соглашения о технической помощи в строительстве нефтеперерабатывающего завода на базе получаемой из СССР нефти, в расширении металлургических комбинатов «Нова Хута» и «Хута Варшава», о развитии нефтяной, газовой и меднорудной промышленности и т. д. В 1959 г. при техническом содействии СССР вступил в строй медеплавильный завод в Легнице [2, с. 266—267, 278—280] и т. д. Были увеличены поставки советской электроэнергии, газа и нефти в Польшу. В 1963 г. странами СЭВ построен нефтепровод «Дружба». В 1964 г. пущен нефтеперерабатывающий комбинат в Плоцке. В 1964 г. СССР поставлял Польше практически 100% нефти, 80% нефтепродуктов, 80% железной и марганцевой руды, 75% коксующегося угля, 54% хлопка, свыше 22% меди, 20% свинца [2, с. 377]. Объем торговли, который в 1945 г. равнялся 0,3 млрд валютных злотых, а через 10 лет — 2,3 млрд, в 1965 г. вырос до 5,8 млрд валютных злотых. СССР передал Польше безвозмездно более 5 тыс. комплектов технической и технологической документации, направил тысячи специалистов на строительство польских промышленных объектов и для монтажа оборудования, принял для повышения квалификации более 6 тысяч польских инженеров и техников [2, с. 377, 378].

За 20 лет Польша неузнаваемо изменилась. Ее промышленный потенциал по сравнению с довоенным увеличился в 10 раз. Если первое экономическое соглашение в октябре 1944 г. означало, главным образом, помощь со стороны Советского Союза соседу, то Польша 1964 г. занимала третье место среди торговых контрагентов СССР. 57% ее экспорта в СССР составляли машины и промышленное оборудование. За 20 лет СССР получил из Польши тысячи железнодорожных вагонов, более 350 морских судов, комплектное оборудование для 10 сахарных заводов и 10 заводов ячеистого бетона и т. д. Польша предоставила Советскому Союзу 2500 комплектов технической документации, ознакомила со своими достижениями примерно 2 тыс. советских специалистов [2, с. 377—378]. В 60-е годы началась специализация и кооперация советского и польского машиностроения. Советский рынок позволил Польше выпускать продукцию крупными сериями и обеспечивать устойчивые темпы роста производства во многих отраслях промышленности.

Изменение объемов сотрудничества, экономических потенциалов стран привело к необходимости совершенствования форм сотрудничества, повышения их уровня. 15 апреля 1964 г. правительства СССР и ПНР, «желая расширять, углублять и более тесно координировать экономическое сотрудничество, успешно развивающееся на основе Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве, заключенного в Москве 21 апреля 1945 г., и базирующееся на принципах пролетарского интернационализма, равноправия и уважения суверенитета, взаимной выгоды и товарищеской взаимопомощи» [2, с. 374], образовали Межправительственную советско-польскую комиссию по экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Эта комиссия и ее органы приняли на себя выполнение функций комиссии, созданной в соответствии с соглашением о научно-техническом сотрудничестве 1947 г. [2, с. 345, 343].

В широких масштабах осуществлялось культурное сотрудничество между СССР и Польшей. В первые послевоенные годы СССР оказывал большую помощь в восстановлении и модернизации материально-технической базы польской культуры, науки и просвещения, в подготовке кадров. Советские специалисты участвовали в составлении учебных программ. В СССР ежегодно обучалось по 200—400 польских студентов и 30—40 аспирантов. Происходил обмен театральными коллективами. За первое десятилетие в Польше побывало приблизительно 30 советских художественных коллективов. Польские коллективы начали приезжать в СССР с начала 50-х годов (Познанская опера). В эти же годы становились постоянными такие мероприятия, как организация выставок, фестивалей, взаимное участие в музыкальных конкурсах. Развивались научные связи. В 1963 г. в Польше было издано 192 названия советских книг, в том числе

37 научных работ, 25 учебников для высших учебных заведений, 2 — для средних, 30 — научно-популярных работ, 20 — профессиональных. Увеличивался и интерес советских читателей к польской книге. В 1959 г. в СССР было экспортировано польских книг более чем на 2,5 млн валютных золотых, в 1962 г. — на 5 млн. За 30 лет в СССР было издано в переводе с польского 1900 книг тиражом почти в 70 млн экземпляров.

В июне 1956 г. было подписано соглашение о культурном сотрудничестве, которое дало новый импульс развитию культурных связей. В марте 1957 г. было подписано первое соглашение о научном сотрудничестве между АН СССР и ПАН [3, с. 93, 105—107].

Установились и расpirялись связи между общественными организациями и коллективами предприятий, тружениками сельского хозяйства.

СССР и Польша тесно сотрудничали на международной арене в деле послевоенного урегулирования, решения германской проблемы на демократических началах, упрочения мира и безопасности народов. Они решительно выступали за всеобщее сокращение вооружений, запрещение атомного оружия, за решение международных конфликтов мирным путем, оказывали поддержку освободительным движениям народов. СССР и Польша благожелательно отнеслись к решению Немецкого Народного Совета о провозглашении Германской Демократической Республики, которая заявила о готовности выполнять Потсдамские решения и проводить политику мира и дружбы с СССР, Польшей и другими социалистическими странами [3, с. 28—29].

Укреплялось сотрудничество между СССР и ПНР и в рамках организации Варшавского Договора, являвшейся важным фактором безопасности мира в Европе и во всем мире. За 20 лет, прошедших со времени подписания договора от 21 апреля 1945 г., был накоплен большой опыт в развитии советско-польских отношений, существенно изменилась обстановка в Европе и мире. 5 апреля 1965 г. в Варшаву прибыла советская партийно-правительственная делегация во главе с первым секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым и Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным. В ходе переговоров с первым секретарем ЦК ПОРП В. Гомулкой и премьер-министром Ю. Циранкевичем «стороны констатировали, что тесные узы союза, дружбы и сотрудничества между обеими странами имеют огромное значение для дальнейшего развития обоих государств, для безопасности Польши и Советского Союза, для дела социализма и мира» [2, с. 386]. 8 апреля 1965 г. был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и ПНР [2, с. 370—372].

Договор отражал стремление обеих стран проводить политику мирного сосуществования и добиваться укрепления мира и безопасности в соответствии с целями и принципами Устава ООН, всеобщего и полного разоружения, окончательной ликвидации колониализма, сотрудничества с другими государствами в осуществлении этих целей. Подтверждались верность принципам социалистического содружества, участие в осуществлении многостороннего сотрудничества в рамках СЭВ и соблюдение обязательств, вытекающих из Варшавского Договора 1955 г.

В области взаимных отношений стороны подтверждали, что в соответствии с принципами социалистического интернационализма будут укреплять вечную и нерушимую дружбу, развивать всестороннее сотрудничество и оказывать друг другу взаимную помощь на основе равноправия, уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела другой стороны, углублять экономическое, научно-техническое и культурное сотрудничество.

Стороны констатировали, что, в то время как Германская Демократическая Республика, осуществившая принципы Потсдамского соглашения, эффективно способствует обеспечению безопасности в Европе и упрочению международного мира, западногерманский милитаризм угрожает безопасности в Европе. Поэтому обе стороны обязывались совместно применять все средства с целью устранения угрозы агрессии. В случае нападения на одну из договаривающихся сторон, говорилось в договоре, «другая Высокая договаривающаяся сторона, осуществляя право на индиви-

дуальную или коллективную самооборону в соответствии со статьей 51 Устава Организации Объединенных Наций, немедленно предоставит ей всяческую помощь, в том числе и военную, а также окажет поддержку всеми находящимися в ее распоряжении средствами».

Польша и СССР подтверждали, «что одним из основных факторов европейской безопасности является неприкосновенность государственной границы Польской Народной Республики по Одеру — Нейсе Лужицкой».

В статье 8 договора указывалось: «Высокие договаривающиеся стороны будут договариваться и консультироваться по всем касающимся их важнейшим международным проблемам». После обмена ратификационными грамотами договор вступил в силу 21 апреля 1965 г. В соответствии с ним успешно развиваются дружественные отношения между СССР и ПНР и их сотрудничество на международной арене в интересах социализма и мира во всем мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 7—11. 1939—1960. М., 1973—1983.
2. Советский Союз — Народная Польша. 1944—1974. Документы и материалы. М., 1974.
3. Внешняя политика Советского Союза. 1949 год. М., 1953.

КОРОВИЦЫНА Н. В.

НЕКОТОРЫЕ ПРОЦЕССЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ В СЛОВАКИИ В 70-е ГОДЫ XX ВЕКА

Особенностью исторического развития Словацкой Социалистической Республики (ССР) в условиях социалистического строительства стали ускоренные темпы социально-экономического и культурного роста. Ликвидация значительного экономического отставания аграрной в прошлом ССР от индустриальной Чешской Социалистической Республики (ЧСР) практически завершилась на рубеже 60-х и 70-х годов, т. е. к началу построения в Чехословакии развитого социалистического общества, программа которого была утверждена на XIV съезде КПЧ (1971).

Высокие темпы индустриализации ССР вызвали массовый отток населения из сельского хозяйства уже на этапе построения основ социализма. Активная урбанизация республики повлекла за собой крупные сдвиги в социально-классовой структуре ее населения: за счет снижения доли крестьянства в общей численности населения ССР в 1950—1970 гг. с 32,2% до 13,3% возросла доля рабочего класса с 49,5% до 56,4, служащих — с 11,1 до 23,5% [1; 2]. Рост рядов рабочего класса, формирование многочисленного отряда социалистической интеллигенции сопровождалось заметным подъемом уровня образования и культуры населения ССР.

В 70-е годы все эти процессы развивались уже на новом, качественно более высоком, уровне. Важные социальные сдвиги произошли прежде всего в структуре экономической активности населения ССР, изменявшейся в направлении постепенного снижения доли занятых физическим трудом. В социально-классовой структуре общества наблюдалась относительная стабилизация доли рабочего класса и кооперированного крестьянства при существенном увеличении доли служащих (в 1970—1980 гг. с 23,5% до 28,2% общей численности населения) [2]. Большинство в этой общественной группе составила социалистическая интеллигенция, численность которой в прошедшее десятилетие возросла особенно значительно¹.

Эти процессы были связаны с повышением уровня образования населения в ССР в 70-е годы. Наибольшим оказался прирост категорий населения с высоким уровнем образования: процент окончивших вузы увеличился в 1970—1980 гг. с 3,0 до 5,2, а имеющих полное среднее образование — с 12,8 до 18,0 [4]. К 1980 г. по доле этих групп ССР стала превосходить ЧСР, хотя это опережение происходило только за счет более молодых (до 40 лет) возрастных групп². Одновременно в республике сохраняется еще значительно большая, по сравнению с ЧСР, доля лиц, имеющих лишь ос-

¹ По данным социально-статистического исследования, осуществленного Чехословацкой Академией наук совместно с Федеральным статистическим управлением, в 1978 г. интеллигенция составила 23,2% экономически активного населения ССР и 22,3% — ЧСР [3].

² Молодежь в возрасте 15 — 34 лет составляла в 1980 г. 33,2% общей численности населения ССР.

новное (8-летнее) образование (51,7% при 44,6% в ЧСР) и, напротив, меньшая — профессиональное и среднее профессиональное, включая рабочую подготовку (соответственно 23,3% и 32,5%) [4].

В связи с дефицитом высококвалифицированных кадров для интенсивно развивающегося народного хозяйства ССР в 70-е годы там происходил ускоренный рост численности выпускников технических и экономических вузов [5].

Исследуемый период характерен дальнейшим выравниванием доли городского и сельского населения: к 1977 г. в городах проживало 48,8% населения ССР [6]. Причем в условиях пространственной близости населенных пунктов (среднее расстояние между ними — 3,5 км), хорошего транспортного сообщения, быстрого роста числа автовладельцев, особенно среди сельского населения³, среда обитания городских и сельских жителей практически перестала различаться. Высокий уровень занятости жителей словацкого села на предприятиях и в учреждениях городов, при отставании темпов урбанизации республики от темпов ее индустриализации, привел в начале 70-х годов к образованию значительного слоя «скрытого» городского населения: только половина трудящихся Словакии (без Братиславы) работала в местах своего постоянного жительства [8]. В 70-е годы сдерживающим фактором переезда сельских жителей в города выступали, в отличие от предшествующих десятилетий, уже не столько трудности в решении жилищного вопроса, сколько усилившаяся ориентация на собственный дом с садово-огородным участком [7, с. 180].

Главные тенденции социокультурного развития Словакии, характерные для периода 70-х годов, были обусловлены, таким образом, изменением социального положения и ростом уровня образования широких слоев населения республики. Они выразились в массовом росте образовательного уровня выходцев из рабоче-крестьянской среды, пополнивших ряды молодого поколения социалистической интеллигенции, в основном специалистов технического профиля⁴. Одновременно на ход культурных процессов наложило отпечаток формирование значительного слоя «скрытого» городского населения и заметное выравнивание стандартов городской и сельской жизни.

Как известно, между культурным обликом личности и характером использования ею свободного времени существует тесная зависимость. В связи с этим результаты проведенных в ССР в 70-е годы конкретно-социологических исследований, посвященных свободному времени: его бюджету, структуре, особенностям его использования отдельными социально-демографическими группами являются надежным материалом для анализа динамики культурного уровня населения ССР.

Свободным социологи называют время, остающееся у человека после вычета необходимого времени (т. е. после окончания его трудовой деятельности на предприятии, в домашних условиях и удовлетворения витальных потребностей) и используемое по личному усмотрению [10, с. 21]. Последующий культурно-социологический анализ включает изучение распространности среди населения Словакии таких важнейших видов деятельности в свободное время, как культурное потребление, социальная коммуникация, повышение уровня образования и квалификации, техническое творчество и спортивно-двигательная активность.

На культурное потребление — вид деятельности, связанный с непосредственным освоением культурных ценностей, — приходится около половины фонда свободного времени населения ССР. Результаты проведенного анализа показывают, что увеличение спектра культурных потребностей населения ССР в 70-е годы опережало развитие возможностей их удовлетворения. Проявлением этого стало усиление ориентации на освоение культурных ценностей преимущественно через каналы средств

³ Обеспеченность семей кооперированного крестьянства автомобилями в ЧССР существенно выше, чем семей рабочих и служащих: в 1979 г. их было соответственно 62,0 на 100 семей по сравнению с 53,5 и 56,7 [7, с. 266].

⁴ Доля студентов — выходцев из рабоче-крестьянских семей в технических вузах ССР составила в 1979 г. 63,0%, что вдвое больше по сравнению с 1969 г. [9].

массовой информации — телевидение, радио, периодическую печать, и в гораздо меньшей степени через каналы так называемой профессиональной культуры — художественную литературу, театральное и изобразительное искусство.

Расширение ориентации на общедоступные формы культурного потребления было подготовлено развитием средств массовой информации. Так, именно в 70-е годы телевидение полностью и повсеместно внедрилось в жизнь населения Словакии. К концу прошедшего десятилетия практически все телезрители ССР (95%) стали относиться к числу регулярных. Просмотр телевизионных передач составляет сейчас 70—80% фонда свободного времени населения ССР, приходящегося на культурное потребление в целом [13, s. 100—101; 14, s. 57, 68—69]. Причем почти весь прирост фонда свободного времени уходил в 70-е годы именно на увеличение его продолжительности [11, s. 37]. В итоге телевидение заняло бесспорно лидирующее место в культурном досуге жителей Словакии. К наиболее привлекательным передачам относятся кинофильмы, развлекательные, спортивные программы, хотя повышенное внимание уделяется и информационно-познавательным передачам («Новости дня», политические комментарии) [12, s. 49, 56—57; 16, s. 108].

Как показали результаты опроса телезрителей 1977 г., телевидение рассматривается ими преимущественно как источник развлечения и отдыха [15, s. 43]. Одновременно радиовещание, потесненное в структуре свободного времени телевидением, превращается в один из главных каналов распространения музыкальной культуры [10, s. 276—277; 17, s. 238].

Значительно возрос в 70-е годы интерес населения ССР к периодической печати, особенно к газетам — главному каналу распространения актуальной общественно-политической информации. Этот интерес к концу прошедшего десятилетия стал устойчивым и практически всеобщим: почти $\frac{9}{10}$ взрослого населения республики — регулярные читатели газет; преимущественной стала ориентация на 1—2 издания из числа наиболее распространенных [12, s. 33; 15, s. 24; 16, s. 103; 18]. Доля читателей прессы значительно превысила долю читателей художественной литературы, которых в конце 70-х годов насчитывалось до 65% населения, причем к числу активных читателей (посвящающих чтению более трех часов в неделю) словацкие социологи относили всего треть занятых в промышленности и пятую часть — в сельском хозяйстве [18; 19, s. 17]. Выше оказались и показатели распространенности чтения периодической печати по сравнению с книгами в свободное время ⁵.

В целом чтение составляет второй по продолжительности, после просмотра телепередач, вид культурного досуга. Рост его массовости связан главным образом с резким увеличением интереса населения к газетной периодике в прошедшее десятилетие. В центре читательских интересов трудящихся Словакии находится актуальная — общественная, политическая и др. — информация. Значительное увеличение потребности в ней у населения является наглядным свидетельством роста его политической культуры в условиях построения развитого социализма в ЧССР.

Большая доступность для трудящихся важнейших культурных учреждений — библиотек, театров, киноконцертных залов, музеев, галерей, клубов и домов культуры стала проявлением дальнейшей демократизации культуры. Среди организационных мер, предпринятых в ЧССР, следует назвать прежде всего улучшение социокультурной инфраструктуры села и районов городских новостроек, а также развитие коллективных форм посещения учреждений культуры. Однако, хотя доля населения,

⁵ По данным исследования, проведенного словацким социологом С. Бречкой среди телезрителей в период временного отсутствия телевизионных приемников, 49,7% опрошенных в освободившееся от просмотра телепередач вечернее время читают газеты и журналы и лишь 35,1% — книги. Одинаковые показатели читаемости художественной и периодической литературы были характерны лишь для жителей крупных городов и опрошенных, имеющих высшее образование [15, s. 24, 103—105]. В начале 70-х годов чтение художественной литературы было больше представлено в фонде свободного времени населения Словакии по сравнению с чтением периодической печати [13, s. 100—101; 14, s. 68—69].

потребляющая культурные ценности через эти каналы, существенно повысилась, интенсивность этого участия, т. е. частота посещения этих учреждений остается относительно низкой.

Так, в театрах побывало в общей сложности около 60% населения Словакии, как городского, так и сельского. Однако, как свидетельствуют данные одного из социологических исследований, например, свыше трети сельских «театральных зрителей» не посетило театра ни разу в течение целого года [10, с. 237—238]. Для сельского населения, предпочитающего знакомство с театральным творчеством по радио и телевидению⁶, более характерен интерес не к профессиональному, а к самодеятельному (любительскому) театру⁷.

Концерты классической музыки посещает 1/10 городского и еще меньше сельского населения. В подавляющем большинстве это контингент постоянных слушателей [10, с. 279]. Столько же опрошенных проявляет систематический интерес к изобразительному искусству [21]. Незначительна роль организованных форм распространения художественной литературы: половина занятых в промышленности и почти 3/4 — в сельском хозяйстве никогда не посещает массовых библиотек. Еще ниже посещаемость профсоюзных библиотек [19, с. 18]. Среди посетителей клубных учреждений преобладает молодежь, участвующая главным образом в музыкально-развлекательных мероприятиях клубов [10, с. 150—151].

В целом посещение учреждений культуры занимает в структуре свободного времени населения Словакии минимальное количество времени — не более 1% его фонда [13, с. 100—101; 14, с. 68—69]. Во всех сферах культурного потребления обнаруживается не только предпочтительное общедоступных, опосредованных, через средства массовой информации, и не требующих проявления социально-культурной активности форм этого потребления, но и доминирующее положение мотивов отдыха и развлечения по сравнению с мотивами интеллектуально-художественного обогащения. Это выражается часто в однонаправленном интересе — к легкой музыке, остросюжетным, развлекательным кинофильмам, приключенческой литературе⁸, к эстраде, комедийному жанру в театре [16, с. 123; 17, с. 97; 22; 23].

Одновременно словацкие социологи фиксируют заметный рост интереса населения к социальной проблематике в искусстве. Так же, как и увеличение числа регулярных читателей газет, это обусловлено подъемом политической культуры широких слоев населения республики, проявляющемся в росте его познавательной и общественно-политической активности. Однако в отличие от политической культуры, эстетическая культура большинства трудящихся Словакии, как показывают результаты социологических исследований, на этом этапе общественного развития находится еще в стадии формирования.

Вторую, после культурного потребления, совокупность видов деятельности населения Словакии в свободное время образует социальная коммуникация. К ней относятся все виды деятельности, связанные с общением между людьми и осуществляемые как в общественно-культурных учреждениях, местах коллективного отдыха и развлечения, так и в домашней среде — в кругу семьи и друзей. Социальная коммуникация занимает около четверти общего фонда свободного времени [13, с. 100—101; 14, с. 68—69].

⁶ В результате распространения телевидения количество слушателей оперных спектаклей в театрах Словакии сократилось: их перестали посещать трое из десяти человек [20].

⁷ Самодеятельный театр в ССР представляет собой одну из распространенных форм общественных контактов жителей села. Подавляющая часть репертуара любительских театров приходится на комедийные пьесы из сельской жизни, преимущественно словацких авторов [10, с. 254].

⁸ Наиболее читаемой книгой в Словакии оказалась «Анжелика» А. и С. Голон, тогда как с художественной классикой знакомо всего 15% рабочих, 26% ИТР и 6% крестьянства [19, с. 34—35]. Словацкие социологи также пришли к выводу, что «эстетические и идейные ценности национальной литературы не стали еще достоянием народа» [16, с. 154].

Почти половина времени, связанного с социальной коммуникацией, приходится на встречи со знакомыми и близкими [13, s. 100—101; 14, s. 86—87]. По результатам исследования 1977 г., эти встречи оказались единственным видом внедомашней деятельности, на который указало максимальное — свыше $\frac{1}{2}$ — число опрошенных, тогда как другие ее виды были упомянуты менее чем третью их [15, s. 21].

Второй по затратам времени вид социальной коммуникации, но только для мужчин и в сельской местности, как показали данные начала 70-х годов, — посещение кафе⁹, на что отводилось ими более трети свободного времени, приходящегося на социальную коммуникацию. Совсем не посещали кафе всего около $\frac{1}{10}$ сельских мужчин, а почти столько же посещали их ежедневно и еще около половины — чаще, чем еженедельно [14, s. 95].

Как видно из исследования мотивов посещения кафе, функция его в городской и сельской местности на рубеже 60-х и 70-х годов была резко отличной. В первом случае это было место встреч и активного «музыкально-танцевального» развлечения преимущественно молодежной и образованной части населения. Во втором — собирающий значительно большие, по сравнению с городом, массы населения — важный центр общения жителей села. Мужская часть сельского населения по сравнению с городским проводила в кафе в начале 70-х годов почти в пять раз больше времени [13, s. 230, 234—236; 14, s. 86—87, 96—97].

Социологическое исследование конца прошедшего десятилетия обнаружило, что посещение кафе как один из видов досуга упоминает уже всего 14% опрошенных сельских жителей, что очень немногим больше по сравнению с горожанами, но 34% учащейся молодежи [15, s. 91—93]. Очевидно, в 70-е годы в ССР произошло стирание различий в функциональной направленности сельских и городских кафе: наряду с уменьшением распространенности этой формы проведения свободного времени, особенно в сельской местности, она стала наиболее характерной для самой молодой возрастной группы населения, которая, как установлено, более склонна к предпочтению «городского» варианта мотивировки посещения кафе.

Еще один вид социальной коммуникации связан с посещением спортивных зрелищ. Популярность этого вида культурного досуга, как и посещение кафе, в течение прошедшего десятилетия падала, прежде всего, за счет высокообразованных слоев населения [15, s. 21].

Социальная коммуникация, помимо рассмотренных выше, развлекательных по характеру видов (встречи со знакомыми и близкими, посещение кафе и стадионов), включает и общественную работу. В 70-е годы значительно возросла активность населения ССР в общественно-полезной деятельности, которая постепенно, с ростом политической культуры трудящихся, превращается в распространенный вид деятельности в свободное время. Он был упомянут 28% опрошенных в 1977 г., а примерно каждый десятый даже заявил, что посвящает общественной работе большую часть своего свободного времени¹⁰. Одновременно сократились значительные в начале прошлого десятилетия различия в степени общественно-политической активности отдельных социально-демографических групп населения Словакии. Наиболее высокие показатели ее характерны сейчас для служащих старше 30 лет, имеющих высшее образование, особенно — для проживающих в сельской местности [15, s. 91—93, 95].

На деятельность, связанную с культурным потреблением и социальной коммуникацией, приходится большая, а в выходные дни — подавляющая часть свободного времени населения ССР.

⁹ В ЧССР «pohostinstvo» — учреждения общественного питания (кафе, столовые, рестораны и т. п.).

¹⁰ В начале рассматриваемого периода на общественную работу приходилось у сельского населения в среднем всего 1,5%, а у городского — 2,2% фонда свободного времени [15, s. 19, 21, 23].

Особый вид деятельности в свободное время образует учеба (посещение лекций, курсов и т. п.) и самообразование. Индивидуальные формы повышения уровня образования населения Словакии в свободное время явно доминируют над организованными, составляя более $\frac{9}{10}$ времени, приходящегося на этот вид деятельности [13, s. 100—101; 14, s. 57, 63—64]. В 1977 г. он был упомянут 22% опрошенных [15, s. 24]. Степень его распространенности не зависит от возраста, но увеличивается в соответствии с ростом уровня полученного образования. Поэтому среди жителей крупных городов, где средний уровень образования населения существенно выше, этот вид деятельности упомянуло более половины опрошенных, тогда как среди сельских жителей — всего 15% ¹¹.

Аналогичные различия проявляются и в занятиях, связанных с профессиональными интересами. В 1977 г. они были упомянуты 17% опрошенных, но больше их было среди жителей крупных городов, имеющих высшее образование, специалистов гуманитарного профиля (свыше половины), тогда как среди технических специалистов — уже почти вдвое меньше, а среди рабочих — около $\frac{1}{10}$ [15, s. 24, 107, 110, 111].

Еще один вид деятельности населения Словакии в свободное время — техническое творчество, главным образом — ручные работы, увлечение которыми связано с упоминавшимися выше значительным ростом заинтересованности в личном домовладении, с ведением приусадебного хозяйства, с развитием автомобилизации. Различные работы около собственного дома, дачи, садоводство и огородничество, автолюбительское дело и т. п. в настоящее время оказались наиболее предпочтительными (36%) именно как формы проведения свободного времени [18, s. 71—72]. Эти увлечения стимулируют в свою очередь усиление ориентации на домашний, семейный способ проведения свободного времени. Так, по результатам опроса населения 1977 г., было установлено, что более трети опрошенных очень редко (реже раза в месяц) проводят вечера вне дома, а еще более $\frac{1}{5}$ — реже раза в неделю. В меньшей степени это относится к молодежи, лицам с высоким уровнем образования и жителям крупных городов [15, s. 20, 87, 88].

Как правило, семейными формами отдыха являются и интенсивно распространявшиеся в 70-е годы занятия туризмом, физической культурой и спортом [10, s. 113—114]. Одновременно уменьшается доля свободного времени, приходящаяся на бездеятельный отдых, сон [24].

Достижение в СССР к концу прошедшего десятилетия высокого уровня образования населения, обусловленное крупными сдвигами в экономической и социальной структуре общества, стало основой повышения уровня политической культуры населения. Это нашло проявление в росте общественно-политической активности населения, в превращении его подавляющего большинства в регулярных читателей газетной периодики, в повышенном интересе к социальной проблематике во всех сферах культурного потребления.

Одновременно достигнутый уровень образования сопровождался развитием форм социальной коммуникации населения: заметно сократилась посещаемость наиболее массовых на рубеже 60-х и 70-х годов традиционных центров общения населения — стадионов, а особенно кафе, переставших отвечать возросшим духовным потребностям прежде всего сельского населения, образ жизни которого приблизился к городскому. Все более широкие слои населения Словакии стали включаться в общественно-полезную деятельность как вид социальной коммуникации в свободное время, хотя пока по-прежнему преобладают формы общения населения в домашней среде, в кругу семьи и близких друзей.

¹¹ Та же закономерность была выявлена в начале прошедшего десятилетия, когда фонд времени на образовательную деятельность у городского населения оказался втрое больше по сравнению с сельским [13, s. 100—101; 14, s. 57; 15, s. 107].

Рост уровня образования стимулирует, далее, познавательную активность населения, выражающуюся главным образом в самообразовании и занятиях, связанных с профессиональными интересами. Заметен и рост физической культуры, проявившийся в распространении активных форм отдыха.

Вместе с тем в потреблении культурных ценностей пока еще преобладают пассивные формы. Превращением телевидения в главный источник развлечения и отдыха объяснялось в прошедшее десятилетие замедление роста посещаемости учреждений культуры, т. е. социально-культурной активности. Предпочтение опосредованных форм восприятия произведений искусства и сохраняющаяся ориентация преимущественно на их развлекательную сторону можно рассматривать как свидетельство отставания роста эстетической культуры населения от его образовательного и политического уровня. Ускоренные темпы повышения уровня образования были необходимым, но, по-видимому, недостаточным условием достижения адекватного ему уровня развития художественных вкусов населения.

Рассмотренные особенности взаимоотношений личности и культуры были характерны для населения Словакии в целом. Вместе с тем, как показывает культурно-социологический анализ, в прошедшее десятилетие в ССР сохранялась значительная дифференциация форм культурного потребления и использования свободного времени в зависимости от уровня образования отдельных социально-демографических и профессиональных групп. Так, особенно отчетливо прослеживается повышенный интерес лиц с высшим образованием к занятиям, связанным с их профессиональными интересами и к самообразованию, к общественно-полезному труду. Они имеют более развитые культурно-художественные потребности: больше времени проводят за чтением художественной литературы, чаще посещают театры и концерты. Существенно выше общая продолжительность их внедомашней деятельности, обусловленная большей общественной, культурной и спортивно-двигательной активностью [13, s. 108—110; 14, s. 169, 175, 179, 183, 187, 196; 15, s. 94—95, 110—111].

Словацкие рабочие, уровень образования которых до конца 70-х годов оставался существенно более низким по сравнению, например, с чешским, значительно меньше свободного времени проводили вне дома. Причем очевидно отличие по этому показателю неквалифицированных рабочих от квалифицированных, приближающихся в этом отношении к служащим. Различия в способах использования свободного времени неквалифицированными рабочими и остальным населением, включая образованную часть рабочего класса, особенно отчетливо проявилось в ходе опроса 1977 г.: оно выразилось в большей занятости первых домашним хозяйством, в их малой заинтересованности повышением своего образования, занятиями, связанными с профессиональными интересами. Они редко участвуют в общественно-полезной деятельности, редко посещают театры, но гораздо чаще других ходят в кафе, проявляют больший интерес к радиопередачам [15, s. 94—105]. Характерно, что, по данным социологического обследования 1967 г., уровень культурно-художественной, общественно-политической и спортивной активности рабочих и служащих мало отличался [13, s. 102—104]. Значительный подъем культурного уровня служащих в 70-е годы, зафиксированный в ходе опроса 1977 г., вызван существенным ростом их образовательного уровня в прошедшее десятилетие.

Как показывают результаты социологического анализа, сельские жители ССР, средний уровень образования которых ниже по сравнению с остальным населением республики, а возможности использования свободного времени уже, сохраняют существенные отличия в способах его проведения. Это относится прежде всего к крестьянству, расходующему значительно меньше свободного времени по сравнению и с рабочими, и со служащими на образовательную, культурно-художественную и спортивную деятельность. Крестьянство, у которого рост материального уровня жизни в прошедшее десятилетие опережал развитие духовных потреб-

ностей¹², проводило свое свободное время на качественно более низком уровне, связывая его в гораздо большей степени с функцией восстановления физических сил, чем духовного развития. Так, в бюджете свободного времени крестьян преимущественное место занимают просмотр телепередач, посещение кафе и спортивных зрелищ, бездеятельный отдых и религиозная практика.

Проанализированные выше результаты конкретно-социологических исследований использования свободного времени населением Словакии в 70-е годы XX в., рассматриваемые в комплексе с другими социокультурными характеристиками населения, дают весьма ценный материал для воссоздания конкретной структуры культурности населения, выявления реальных процессов в сфере общественного сознания, уяснения неоднозначности действия сложных механизмов взаимосвязи и взаимообусловленности социальных и культурных процессов в обществе реального социализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Statistická ročenka ČSSR. Praha — Bratislava, 1971, s. 103.
2. Demografie, 1983, № 1.
3. Charvát F. K aktuálním problémům vyvoje sociálně třídni struktury naší společnosti.— Sociologia, 1982, № 1.
4. Kučera M., Ullmann O. Úroveň vzdělání obyvatelstva ČSSR v datech sčítání 1980.— Demografie, 1982, № 3.
5. Buzinkayová L., Kauerová V. Úroveň vzdelania obyvatelstva a kvalifikacie pracovníkov SSR.— Demografie, 1983, № 4.
6. Koncentrace a urbanizace obyvatelstva v ČSSR 1961—1977.— Demografie, 1980, № 3.
7. Ламсер Э., Сура И. Человек в социалистическом сельском хозяйстве. М., 1982.
8. Rychlé výsledky sčítání lidu, domů a bytu 1980.— Demografie, 1981, N 1, Příloha.
9. Šlívka K., Šlívková D. Tendencie vývoja technickej inteligencie v podmienkach budovania rozvinutej socialistickej spoločnosti.— Sociologie, 1981, № 6.
10. Kultúrny život obyvateľ'ov Slovenska (na základe sociologických výskumov). Bratislava, 1977.
11. Bezouška J. Výběrove šetření o využívání času a kulturním rozvoji obyvatelstva ČSSR.— Demografie, 1982, № 1.
12. Brečka S. Účinnosť televízneho spravodajstva. Predpoklady a možnosti. Bratislava, 1975.
13. Fábry V. Vol'ný čas a aktivita mestského človeka: Správa z vyskumu. Bratislava, 1970.
14. Fábry V. Vol'ný čas obyvateľ'ov dediny: Správa z vyskumu. Bratislava, 1972.
15. Brečka S. Zmeny v spôsobe každodenného života dnešného človeka vyvolané absenciou televízie. Bratislava, 1979.
16. Bakošova E. Masové komunikačne prostriedky na Slovensku. Bratislava, 1968.
17. Kultúrny a spoločenský profil dedinského obyvateľ'stva na Slovensku. Bratislava, 1974.
18. Paška P. Kultúrne potreby a aktivity pracujúcich na Slovensku.— Sociologia, 1982, № 1.
19. Čipka V., Horáková L. Citateľ'ská aktivita a kultura robotníkov a družstvených roľníkov na Slovensku.— In: Knižničný zborník. Martin, 1981, s. 9—49.
20. Fábry V., Blaho V. Navštevnosť opery Štátneho divadla v Košiciach. Bratislava, 1970, s. 172.
21. Kultúrny profil slovenských priemyselných centier malomestského typu. Bratislava, 1970, s. 214.
22. Formování socialistického způsobu života.— Sociologia, 1982, № 3.
23. Šloboda M. e. a. Rozhlas, televízia a film v živote dospelých. Bratislava, 1972, s. 41, 56, 64, 179.
24. Рыда Д. Использование фонда времени в категориях взрослого населения в ЧССР.— Demosta, 1981, № 3.

¹² Если еще в 1967 г. семьи кооперированного крестьянства ЧССР по уровню чистых денежных доходов на одного члена уступали семьям служащих и рабочих, то уже к середине 70-х годов они обогнали по этому показателю семьи рабочих и приблизились к семьям служащих, а, учитывая нагуральное личное потребление, существенно опережают и их [8, с. 200].

ДАНЧЕНКО С. И.

БОРЬБА ЗА НОВУЮ КОНСТИТУЦИЮ В СЕРБИИ И РОССИИ (80-е годы XIX в.)

Берлинский договор 1878 г. установил полную независимость Сербского княжества от Османской империи. Начался новый этап в историческом развитии Сербии.

С конца 70-х годов XIX в. в Сербии более быстрыми темпами развивался капитализм, хотя страна оставалась аграрной, а уровень развития производительных сил в промышленности и сельском хозяйстве довольно низким. Развитие капитализма привело к тому, что центральное место во внутриполитической жизни страны заняла торгово-промышленная буржуазия. Вместе с тем в начале 80-х годов активизировали свою деятельность мелкобуржуазные слои города и деревни. Развивающаяся сербская буржуазия выступила против засилья ростовщичества, за ограничение абсолютизма и бюрократии, требуя проведения буржуазных преобразований, в том числе и введения новой конституции, которые бы позволили ей занять ведущее положение в управлении страной. Эти процессы протекали в условиях борьбы Австро-Венгрии и России за усиление своего влияния в этом регионе.

Вопрос о конституционном движении в Сербии в 80-е годы XIX в. уже достаточно разработан в югославской довоенной и современной историографии. Он рассматривался как в обобщающих трудах по истории государства и права, так и в ряде статей, авторы которых исследовали различные его аспекты [1—13]. Вместе с тем югославским историкам не были известны документы, хранящиеся в советских архивах и освещающие позицию официальной России по отношению к конституционной реформе в Сербии. Вне поля зрения историков Югославии остался и такой аспект этой проблемы, как освещение в русской периодической печати событий внутриполитической жизни Сербского государства рассматриваемого периода.

В советской историографии специальных работ по этой теме практически нет. Общие положения содержатся лишь в «Истории Югославии» [14], в учебниках по истории южных и западных славян, курсах лекций.

С 1869 г. в Сербии действовала конституция, представлявшая собой политическое кредо умеренных либералов. По конституции 1869 г. Сербское княжество было наследственной конституционной монархией с народным представительством. Законодательная власть делилась между князем и скупщиной, при этом прерогативы князя были гораздо шире: он назначал всех чиновников, окончательно утверждал законы. Личность князя объявлялась неприкосновенной, и он не был ответственным в своих действиях перед скупщиной. Последняя созывалась ежегодно. Без ее одобрения нельзя было изменять или отменять существующие законы, а также издавать новые. В то же время министры были ответственны перед скупщиной лишь в случае совершения уголовных преступлений, политическая ответственность министров не вводилась. Избирательное

право было ограниченным, четвертая часть всех депутатов не избиралась, а назначалась князем [12, с. 185—203]. В конце 60-х — начале 70-х годов на основании конституции 1869 г. были приняты законы о выборах в народную скупщину, о печати, об ответственности министров. Они также носили умеренный характер [13, с. 26—36].

Песмотря на свою ограниченность, конституция 1869 г. была шагом вперед по сравнению с турецким Уставом 1838 г., так как предоставляла нарождающейся сербской буржуазии большие возможности для участия в управлении государством и открывала свободу для развития Сербии по пути к буржуазному парламентаризму.

Правящие круги России вначале отрицательно отнеслись к идее введения новой конституции в Сербии [15, ф. Отчеты, 1868, л. 179—179 об.], полагая, что «либеральная партия, стремящаяся к новизне и негодующая на все старые порядки» [15, ф. У—А₂, д. 255, л. 72], будет требовать слишком радикальных перемен. Однако, убедившись в весьма умеренном характере конституции 1869 г. и видя стремление правящих кругов Сербии к улучшению сербско-русских отношений, русская дипломатия стала оказывать поддержку либеральным правительству.

Уже в начале 70-х годов конституция 1869 г. стала подвергаться критике со стороны левых сил. С позиций революционной демократии против конституции выступил Св. Маркович [16]. В последующий период вопрос об изменении конституции 1869 г. не раз ставился различными политическими группировками. Так, под влиянием Св. Марковича члены небольшой социалистической группы (Дж. Льюич, А. Чумич, Е. Маркович, В. Пелагич и др.) 2 августа 1871 г. подписали социально-политическую программу, предусматривавшую изменение конституции. Она содержала пункты об общинной и окружной автономии и самоуправлении, полной свободе печати, собраний, союзов, о реформе в области образования и т. д. [12, с. 233].

В 1873 г. группа левых либералов (Л. Калевич, У. Кнежевич и др.) начала выпускать газету «Будущность». На ее страницах была изложена программа, которая могла быть реализована лишь в результате конституционной реформы. В программе содержались требования свободы союзов, общинного самоуправления, всеобщего права голоса, отделения законодательной власти от исполнительной, независимости судов, ответственности министров перед народным представительством, укрепления национальной обороны [12, с. 233—234].

Вопрос о преобразованиях в области законодательства и изменении действующей конституции бурно обсуждался в скупщине в 1874—1875 гг. В своих выступлениях депутаты подчеркивали насущную необходимость принятия новых, прогрессивных законов [12, с. 234—235, 238—242, 242—243]. Несмотря на то, что в 70-е годы конституционная реформа не была осуществлена, предложения, вносимые депутатами скупщины, оказали значительное влияние на принятие прогрессивных законов об общинах и печати в 1875 г. [13, с. 55—80].

С начала 80-х годов конституционная реформа стала самой насущной проблемой политической жизни независимого сербского государства. В этот период шел процесс образования буржуазных политических партий, игравших определяющую роль в конституционном движении Сербии 80-х годов.

Либералы, эволюционировавшие вправо еще в конце 60-х годов, в 1881 г. создали свою партию, программа которой предусматривала расширение прерогатив народного представительства, развитие народного образования, экономию в сфере государственных расходов, укрепление армии. Во внешнеполитической области либералы требовали объединения всех земель, населенных сербами; поддержания и укрепления дружеских отношений с соседними народами [7, с. 190—191; 11, с. 445—446]. Социальной базой либеральной партии являлись крупные торговцы, заинтересованные в расширении внутреннего рынка и развитии внешней торговли, богатые крестьяне (газда), представители высшего духовенства, чиновники.

К концу 70-х годов происходит резкое падение политического авторитета либералов, более десятилетия находившихся у власти в Сербии. Они начинают терять поддержку своей главной опоры — торговцев и богатых крестьян, выступавших против налоговой политики либерального правительства и его планов начать таможенную войну с Австро-Венгрией. Недовольны правлением либералов были и широкие народные массы. Вынесшие на своих плечах все тяготы разорительных войн с Турцией 1876—1878 гг., они и после их окончания находились в тяжелом экономическом положении.

В этот период правящие круги Сербии во главе с князем Миланом оказали поддержку младоконсервативной политической группировке, образовавшейся в результате разделения консервативного общественно-политического течения и оформившейся в 1881 г. как напредняцкая партия. Возглавляемая представителями буржуазной интеллигенции — М. Пирочанцем, М. Гарашанином, Ч. Миятовичем, Ст. Новаковичем и др., эта партия в 80-е годы выражала интересы верхушки сельской и торговоростовщической буржуазии, связанной с австрийским рынком, предпринимателей, а также высшей чиновничьей бюрократии. Югославский историк Д. Янкович, посвятивший изучению сербских политических партий специальную монографию, назвал напредняцкую партию «вторым изданием» либеральной партии в новых условиях внутри- и внешнеполитического развития Сербии после 1878 г. [7, с. 212].

Напредняки находились у власти с 1880 по 1887 гг. Их правление характеризовалось открытым попранием демократических прав и свобод — это и коррупция в связи с заключением договора о строительстве железной дороги, и борьба с оппозицией в скупщине, и создание конной полиции для борьбы с крестьянскими волнениями, и гонения на политических противников.

Наиболее многочисленной и самой популярной в народе была радикальная партия, отражавшая на первом этапе своего развития (1881—1883) интересы всего крестьянства. Симпатии и поддержку широких крестьянских масс основатели и вожди партии завоевали благодаря активной пропаганде буржуазно-демократических требований и защите интересов мелких производителей в условиях развивающегося капитализма. После подавления Тимокского крестьянского восстания 1883 г. начался процесс постепенного перерождения радикальной партии из прогрессивной, отражавшей интересы мелкобуржуазных слоев, в партию сельской буржуазии, крупных торговцев, предпринимателей и банкиров. Основатели партии, бывшие сторонники Св. Марковича (Н. Пашич, П. Тодорович, Р. Милошевич и др.), в конце 70-х — начале 80-х годов эволюционировали от революционного демократизма к буржуазному радикализму. Продолжая называть себя последователями Марковича, радикалы выхолостили революционное содержание его программы переустройства Сербии.

Вопрос об образовании и деятельности сербских политических партий широко обсуждался на страницах русской периодической печати в 1881—1882 гг. Так, 6 ноября 1881 г. в «Московских ведомостях» была опубликована статья «Партии в Сербии» русского ученого-слависта П. А. Кулаковского, профессора русского языка и литературы в Великой школе в Белграде¹. Кулаковский писал: «Новое министерство Пирочанца—Гарашанина выдвинуло и новую партию в Сербии, партию, отчасти сохранившую связь с консерваторами.., отчасти изменившую программу и задачи последних». Сначала вокруг нее объединились все силы прежней оппозиции правительству Й. Ристича, но затем одни вернулись «в прежний свой лагерь», «другие сконцентрировались, образовав партию радикальную и издав особую программу; третьи.., оставшись верными правительству, сгруппировались в одно целое и назвали себя напредняками, т. е. прогрессистами». Довольно высокую оценку дал автор статьи деятельности либеральной партии во главе с Й. Ристичем: «Все важней-

¹ Об этом см. подробно [17].

шие задачи Сербии и внутри и вне в течение последних 15 лет были исполнены этой партией». О радикальной партии Кулаковский писал следующее: «Несмотря на некоторые пункты, в которых эта партия выражала свои радикальные желания, программа ее в сущности очень умеренна... и указывает правильный путь внешней политике Сербии... она не представляет в себе ничего крайнего или разрушительного, как обыкновенно подразумевают при имени радикальная партия».

С подобным отношением к радикальной партии мы встречаемся и позднее. 10 июня 1882 г. в газете «Московские ведомости» была помещена корреспонденция из Белграда, подписанная N (один из псевдонимов Кулаковского). Сообщая о работе сербской скупщины, автор заявлял, что «названием радикальной партии ... не должно смущаться, ибо ряды этой партии теперь постоянно пополняются просто патриотами, сербскими националистами. Между радикалами много священников и притом самых даровитых, самых видных...». Такая позиция была характерна и для журнала «Русский вестник» [18, 1883, № 4, с. 755—756].

Орган либерального направления журнал «Вестник Европы», защищая лидеров радикальной партии, обвинявшихся напредняками в стремлении осуществить в Сербии революцию, отмечал: «Радикалы, которым приписываются самые превратные и вредные тенденции, сходятся во многом с требованиями здравого либерализма». При рассмотрении составленного ими проекта конституции, подчеркивает журнал, становится ясным, что «намеков на революцию тут нет никаких» [19, 1883, № 12, с. 856—857].

Таким образом, уже в 1881 г. радикальная партия привлекала внимание дворянско-монархических и буржуазных слоев русского общества. В 1882—1883 гг. наблюдается рост интереса к радикалам. Возникает вопрос: почему даже самые реакционные периодические издания того периода — «Московские ведомости» и «Русский вестник» (издания М. Н. Каткова) — положительно оценили деятельность радикальной партии? На наш взгляд, причина заключается в следующем. Начало 80-х годов XIX в. характеризовалось ухудшением отношений между Россией и Сербией в связи с проавстрийской ориентацией сербских правящих кругов. В 1881 г. князь Милан без ведома скупщины и правительства заключил тайную политическую конвенцию с Австро-Венгрией, по которой Сербия без предварительного соглашения с ней не могла вступать в переговоры и заключать договоры с другими государствами. За этот фактический отказ Сербии от суверенитета австрийское правительство обещало поддерживать династию Обреновичей на престоле.

После Берлинского конгресса Австро-Венгрия стала более широко использовать экономические и политические рычаги проникновения на Балканы, что обеспечило ей преобладающее положение в Сербии в 1878—1903 гг. [20, с. 21]. Правящие круги Австро-Венгрии не были заинтересованы в укреплении и развитии сербского государства. Сильная Сербия, имеющая дружественные связи с другими балканскими странами, представляла серьезную угрозу для их агрессивных планов.

Одновременно с усилением на Балканах влияния Австро-Венгрии с конца 70-х годов происходит постепенное ослабление там позиций России. Это было связано с изменением международной обстановки и положением внутри самой Российской империи после войны с Турцией 1877—1878 гг. Россия пребывала в состоянии дипломатической изоляции. Англия и Австро-Венгрия были ее прямыми противниками. Резко ухудшились и русско-германские отношения [21, с. 143]. Результатом русско-турецкой войны было ухудшение финансового и экономического положения. Серьезное беспокойство русских правящих кругов вызывало и развитие революционного движения в стране. В этих условиях Россия не могла проводить активную политику на Балканах.

Вместе с тем русское правительство стремилось мирными средствами ослабить усиливавшееся австрийское влияние в балканском регионе. Развитие и укрепление славянских государств, способных противостоять экспансионистской политике монархии Габсбургов, вполне соответство-

вало этой задаче. Кроме того, за балканскими государствами, и прежде всего за Сербией, признавалась роль будущих возможных союзников России на случай международных осложнений. Таким образом, объективно интересы России на Балканах и потребности исторического развития балканских государств, в данном случае Сербии, во многом совпадали. Это имело важное значение для процесса развития сербской буржуазной государственности, так как обеспечивало ему поддержку России.

Задачами борьбы с австрийским влиянием на Балканах объясняется и стремление России опереться на те политические силы в Сербии, которые выступали против Австро-Венгрии. В данном случае ими были сербские радикалы. Действия напредняков, связанных торговыми и промышленными интересами с Австро-Венгрией и проводивших проавстрийский курс, не вызывали одобрения в Петербурге. Либералы во главе с И. Ристичем, пользовавшимся авторитетом в русских общественных и славянофильских кругах, в 80-е годы не имели почти никакого влияния на политическую жизнь Сербии. Что же касается радикальной партии, то в начале ее деятельности отношение к ней в правящих кругах России было настороженным и даже негативным. Но постепенно оно менялось. Так, в 1883 г. министр-резидент России в Белграде А. И. Персиани писал в МИД: «Радикальная партия в Сербии ничего общего не имеет ни с так называемым русским нигилизмом, ни даже с духом крайних либеральных партий Запада» [15, ф. Политархив, 1883, д. 424, л. 134].

Русским правящим кругам импонировала антиавстрийская направленность деятельности радикалов. После подавления Тимоцкого восстания 1883 г., когда под влиянием репрессий и гонений в радикальной партии усиливается оппортунистическое течение, выражавшее готовность к компромиссу с другими партиями в целях достижения власти, радикалы начинают признаваться той силой, на которую Россия может опереться внутри самой Сербии в борьбе с австрийским влиянием, и с помощью которой могут быть восстановлены дружеские русско-сербские отношения. Как свидетельствуют документы, хранящиеся в Архиве внешней политики России, в ряде случаев русское правительство оказывало поддержку радикалам (например, в период эмиграции лидеров партии после 1883 г.), сочувственно относилось к их планам ограничения произвола короля Милана и проведения конституционной реформы, но неизменно сдерживало в стремлении совершить внутренний переворот в Сербии, считая его преждевременным, могущим привести к нежелательным внешнеполитическим осложнениям [15, ф. Политархив, 1886, д. 434, л. 207; 1886, д. 437, л. 8; ф. Генеральное консульство в Белграде, 1887, д. 70].

Действия князя (с 1882 г. короля) Милана, направленные на укрепление личного режима, наталкивались на все возраставшее стремление сербской буржуазии к усилению своего влияния в политической жизни страны. В начале 80-х годов напредняцкая и радикальная партии вырабатывают свои проекты новой конституции, неоднократно поднимают вопрос на заседаниях народной скупщины о необходимости изменения действующей конституции.

Идеалом политической системы для напредняков была конституционная монархия. В каждом проекте и предложении этой партии с конца 70-х годов, когда она выступала еще как политическая группировка, присутствовало положение о создании в Сербии двухпалатного народного представительства (скупщина и сенат) вместо однопалатного (скупщина). В этом наглядно проявился антидемократизм напредняков: согласно их проекту в сенат могли избираться лишь представители крупной буржуазии и чиновничьей бюрократии. Еще более реакционными были положения об избирательной системе, согласно которой основная масса сербского народа лишалась избирательных прав. В своем проекте напредняки настаивали также на расширении буржуазных прав и свобод, усилении государственного контроля за деятельностью общин, предоставлении избирательного права чиновникам и адвокатам [12, с. 254—265].

В начале 80-х годов приступили к выработке проекта конституции и лидеры радикальной партии. Большое значение они придавали теоре-

тическому изучению вопросов о буржуазном парламентаризме, политических партиях и их роли в жизни общества, о конституционной реформе. На сербский язык был переведен ряд трудов западных философов и юристов по этой проблематике [9, с. 61, 66—68, 69].

В августе 1882 г. в г. Крагуеваце состоялась главная скупщина радикальной партии, на которой присутствовало около 600 человек. Перед Главным комитетом партии, избранным на скупщине, была поставлена задача выработать проект новой конституции [12, с. 444]. Подготовленный проект с сопроводительным письмом П. Пашича был разослан местным комитетам для ознакомления и замечаний.

Проект конституции радикальной партии 1883 г. носил более прогрессивный характер по сравнению с проектом напредняков. В нем предусматривались равенство сербских граждан перед законом, свобода союзов и собраний, неприкосновенность жилища и конституционные гарантии. Радикалы, решительно выступившие против предложения напредняков о создании в Сербии верхней палаты (сената), стремились к значительному, по сравнению с конституцией 1869 г., расширению prerogатив народной скупщины и уравниению ее в правах с королем. По их проекту ни один закон не мог быть издан, отменен или изменен без одобрения скупщины. Королю на утверждение поступает каждый проект закона в том виде, в каком приняла его скупщина, но он обладает не абсолютным, как ранее, а лишь частичным правом вето.

Депутаты в скупщину должны избираться всеми сербскими гражданами-налогоплательщиками путем свободных выборов сроком на три года. Проект 1883 г. устанавливал ответственность министров — не только уголовную, но и политическую, что являлось основным условием буржуазного парламентаризма. Все эти положения носили, безусловно, прогрессивный характер [12, с. 266—275].

В то время как напредняки выступали за ограничение местного управления, радикалы настаивали на его расширении, посвятив этому вопросу один из главных разделов своего проекта, где подчеркивалось, что страна делится на общины и срезы. В срезе высшей властью является срезская скупщина, в общине — собрание. Срезская скупщина избирает чиновников на 10 лет, которые составляют срезскую управу. Полицейских органов в срезе нет. Эту функцию частично осуществляют судебные органы, частично — общинные власти. В срезе нет никакого государственного органа, а в срезской скупщине — правительственного комиссара. Связь срезса с государством выражается в том, что срезская скупщина обязана всякое свое решение сообщать правительству, которое высказывает по нему свое суждение [5, с. 273].

Таким образом, радикалы, бывшие соратники Св. Марковича, свели его принцип самоуправления как систему всей политической структуры общества лишь к организации местного самоуправления. Вместе с тем, в условиях внутриполитического развития Сербии конца 70-х — 80-х годов, когда сербское крестьянство и ремесленники выступали против засилья бюрократии, требование радикалов расширения местного самоуправления находило поддержку народа.

Таким образом, анализ основных положений проекта конституции радикальной партии 1883 г. позволяет определить его как значительный шаг вперед в конституционном развитии Сербии 80-х годов XIX в.

Что касается либералов, то в начале рассматриваемого периода они не выступали с особыми конституционными проектами. Их политические идеи получили в основном воплощение в конституции 1869 г.

В противовес проектам буржуазных партий демократы и социалисты предлагали свои проекты переустройства Сербии. В начале 80-х годов за реформу общественной жизни, включающую и изменение конституции, выступала небольшая социалистическая группа во главе с Д. Ценичем. Программа сербских социалистов, рассчитанная на ближайшее время, как и проект радикалов, предусматривала предоставление высшей законодательной власти народной скупщине, расширение буржуазных прав и свобод. Вместе с тем она содержала пункты, которых не было в проекте

радикальной партии: всеобщее избирательное право, экономические реформы в интересах крестьян и ремесленников, неограниченное право участия народа в государственных делах — контроль за деятельностью скупщины, за исполнением государственного бюджета и др. Проведение этих реформ предполагалось при сохранении в Сербии монархии [22; 23].

За переустройство сербского государства на демократических началах выступал в начале 80-х годов и известный революционер и социалист В. Пелагич. Его программа содержала пункты о предоставлении народной скупщине высшей законодательной власти, всеобщем избирательном праве, расширении самоуправления общин [24, с. 117—119].

Следует отметить, что в начале 80-х годов соотношение сил было не в пользу сторонников изменения конституции. Обеспокоенный ростом популярности радикальной партии, король Милан стремился расширить прерогативы своей власти, опираясь на поддержку правящих кругов Австро-Венгрии. В период усиления реакции во внутривластной жизни сербского государства после подавления Тимоцкого восстания 1883 г. вопрос о конституционной реформе не поднимался.

Поражение в войне с Болгарией в 1885 г. изменило соотношение политических сил в Сербии в пользу сторонников конституционной реформы. Под влиянием внешнеполитических неудач и падения авторитета внутри страны Милан был вынужден пойти на уступки. Проявлением нового курса стало помилование 1 января 1886 г. членов Главного комитета радикальной партии, осужденных после подавления Тимоцкого восстания. Король решил привлечь радикалов к проведению в стране конституционной реформы. Стремление их лидеров к власти в условиях постепенного перерождения радикальной партии в партию, отражавшую интересы крупной буржуазии, являлось достаточной гарантией того, что они пойдут на компромисс со двором, и их требования при составлении новой конституции будут более умеренными по сравнению с проектом 1883 г.

В целях укрепления позиций радикальной партии ее руководство в апреле 1886 г. заключило соглашение с либералами, один из разделов которого касался конституционной реформы. Основные требования тех и других сводились к следующему: право законодательной инициативы принадлежит королю и скупщине, состоящей из депутатов, избранных народом; обеспечение конституцией политических прав и свобод сербских граждан; политическая и уголовная ответственность министров; обеспечение независимости судов; отмена полевых и чрезвычайных судов и смертной казни за политические преступления; организация общин на началах самоуправления под контролем правительства и др. [15, ф. Политархив, 1886, д. 434, л. 107—109 об.]. Заключив такое соглашение, радикалы значительно отошли от своего конституционного проекта 1883 г.

Соглашение 1886 г. с одобрением было встречено в России. В одном из своих донесений из Белграда А. И. Персиани писал: «Слияние двух... партий дает возможность оппозиции вступить в серьезную борьбу с правительством. В состав либеральной партии входят интеллигентный класс, большинство духовенства и купечества, а радикальная партия подкрепляет ее громадным контингентом народной недовольной массы» [15, ф. Политархив, 1886, д. 434, л. 102—102 об.].

1 июня 1887 г. ушло в отставку правительство напредняков, находившихся у власти почти семь лет. Был создан коалиционный радикально-либеральный кабинет во главе с Й. Ристичем.

Министр иностранных дел России Н. К. Гирс приветствовал «знаменательный переворот, совершившийся во внутренней жизни Сербии и имевший результатом полное торжество национальной партии» [15, ф. Миссия в Белграде, 1887, д. 78, л. 1].

Представители дворянско-монархических и дворянско-буржуазных слоев русского общества также с одобрением отнеслись к правительственной перемене в Сербии, тем более, что глава нового кабинета был известен в России как видный государственный и политический деятель, сторонник укрепления дружественных русско-сербских связей, неоднократно бывавший в Москве и Петербурге. В русском обществе была памятна речь

И. Ристича на торжественном обеде 25 марта 1886 г. в честь русского медицинского отряда, действовавшего в Сербии во время сербско-болгарской войны, в которой он отметил, что «дружба с Россией и на поле брани, и в мирное время, всегда оказывалась для нас (сербов — С. Д.) спасительной, всегда служила залогом будущности нашей» [15, ф. Политархив, д. 434, 1886, л. 87 об. — 88].

Приход к власти коалиционного радикально-либерального кабинета оживленно обсуждался на страницах русских газет и журналов²: «Вестника Европы» (1887, № 7, с. 400), «Русского вестника» (1887, № 6, с. 972), «Московских ведомостей» (6 VII 1887 г.) и др. Журнал «Русская мысль» признавал, что перемены в Сербии могут иметь «очень большое влияние на дальнейший ход событий» [25, 1887, № 6, с. 170].

Новое сербское правительство предприняло ряд мер для проведения в стране конституционной реформы, которая признавалась большинством представителей политических партий назревшей необходимостью. Созданная специальная комиссия призвана была осуществить всю подготовительную работу [12, с. 280]. Однако в 1887 г. конституционный вопрос в Сербии так и не удалось решить. В этот период обострилась политическая борьба между бывшими союзниками — либералами и радикалами; становилось все более очевидным, что их дальнейшая совместная деятельность невозможна. В этих условиях король Милан поручил формирование кабинета радикалам. Новое сербское правительство возглавил видный член партии генерал Сава Груич. Бывший сербский посланник в Петербурге, награжденный русскими орденами, он пользовался авторитетом при русском дворе [15, ф. Славянский стол, д. 8848, л. 6].

Хотя русский министр-резидент в Белграде Персиани понимал, что радикальный кабинет С. Груича недолговечен³, он считал необходимым поддерживать деятельность радикалов, направленную на стабилизацию внутриполитического положения в Сербии. Примечательны его слова, относящиеся к 1887 г.: «Будущность принадлежит этой (радикальной. — С. Д.) партии и с нею придется считаться. Хотя я знаю недоверие, которое питает к ней императорское министерство, и держусь... в стороне от радикалов, долгом совести считаю уверить... что между ними можно насчитать более искренних приверженцев России, чем даже между либералами» [15, ф. Политархив, 1887, д. 437, л. 167 об. — 168].

Дальнейшие события показали справедливость прогнозов Персиани. Королю Милану, стремившемуся, чтобы действия нового кабинета ограничивались лишь утверждением бюджета, не понравилась та законодательная деятельность, которую развернули радикалы в правительстве и скупшине. Их проекты законов об общинах и устройстве армии он расценил как подготовку к бунту и захвату власти и отказался их утвердить. Правительство Груича ушло в отставку.

Через шесть месяцев после прихода к власти нового кабинета во главе с Н. Христичем вновь встал вопрос об изменении конституции. В связи с очередным правительственным кризисом Милан решил осуществить конституционную реформу и передать власть радикалам при условии, что они гарантируют сохранение престола за династией Обреновичей. В октябре 1888 г. из представителей политических партий был создан специальный комитет в количестве 81 человека под председательством короля. Вице-председателями стали И. Ристич, С. Груич и М. Гарашанин. На первом его заседании был избран так называемый Узкий конституционный комитет, которому предстояло разработать проект [9, с. 84; 12, с. 283].

В период с 24 октября по 14 ноября 1888 г. Узкий комитет обсудил ряд принципиальных вопросов, прежде всего о народном представительстве, конституционных правах сербских граждан, о выборах, о государ-

² «Сербская» тема нашла свое отражение в рассматриваемый период лишь на страницах органов монархической и буржуазно-либеральной печати.

³ 22 января 1888 г. Персиани писал в МИД: «...я сомневаюсь в долговечности кабинета. По всем признакам король не питает к нему никакого доверия и терпит его лишь потому, что он нуждается в нем для проведения в скупшине бюджета на текущий год» [15, ф. Политархив, д. 439, 1888, л. 7 об. — 8].

ственном совете, об административном делении страны и др. [12, с. 284—285; 9, с. 97, 132—133]. Затем проект был рассмотрен и обсужден Большим конституционным комитетом [26, с. 269—270, 274, 278, 287].

Накануне конституционной реформы вновь произошло сближение радикалов и либералов. Этому в немалой степени содействовал русский посланник Персиани, понимавший значение реформы для развития сербского государства. Во время встреч с лидерами радикалов он старался убедить их в необходимости более умеренных конституционных требований [15, ф. Политархив, 1888, д. 439, л. 246 об.—247].

Завершая дискуссии в конституционном комитете, король Милан заявил, что, поскольку в подготовке новой конституции приняли участие представители всех партий, великая народная скупщина должна ее принять в целом, не внося никаких поправок. Король опасался, что радикалы, имевшие преобладающее большинство в скупщине, смогут изменить выработанный проект.

20 декабря начала свою работу великая народная скупщина. Созданный в ее рамках специальный комитет для рассмотрения проекта конституции разделился на большинство и меньшинство [1, с. 122—124]. В отчете большинства подробно анализировалась новая конституция и отмечались ее положительные черты по сравнению с конституцией 1869 г. [9, с. 146—147]. В отчете меньшинства, отражавшего точку зрения представителей крестьянской демократии во главе с Р. Тайсичем, подчеркивалось, что хотя конституция 1888 г. имеет известные преимущества, но она лишена недостатков, которые безусловно будут препятствовать развитию сербского государства. Особое внимание в этом отчете уделялось экономическим вопросам. В новую конституцию, по мнению меньшинства, необходимо было включить статьи о развитии сельского хозяйства и ремесла, о помощи государства крестьянам и ремесленникам, которые составляют $\frac{9}{10}$ населения Сербии. Представители меньшинства выступали также за включение в раздел о государственной власти положения «народ есть источник власти», за ликвидацию антидемократических статей об избирательном цензе и «квалифицированных» депутатах [1, с. 124; 9, с. 147—148].

22 декабря конституция была утверждена великой народной скупщиной и стала Основным законом сербского государства.

При анализе конституции 1888 г. следует выделить несколько групп статей.

1. О народной скупщине. Значение новой конституции заключалось в том, что она значительно расширила прерогативы скупщины. Ее права были уравнены с правами короля.

По конституции 1869 г. право законодательной инициативы имел только князь. По новой конституции предложения о законопроектах могли исходить как от монарха, так и от скупщины. Без согласия скупщины не могло быть произведено никакого изменения в законодательстве. Расширилась и финансовая власть скупщины, устанавливалась ее контроль над исполнением бюджета, чего не было в конституции 1869 г. Конституция 1888 г. содержала положения об ответственности министров в своей деятельности перед скупщиной. Таким образом, были созданы условия для введения в Сербии парламентского режима.

Выборы и состав скупщины по новой конституции не зависели от влияния исполнительной власти. Институт правительственных депутатов ликвидировался; прямые выборы вводились не только в городах, но и в срезях. Открытое голосование заменялось тайным.

С этими положениями соседствовали и такие статьи: устанавливался избирательный ценз—право голоса имели сербы, достигшие 21 года и платившие не менее 15 дин. прямого налога в год, а депутатами могли стать лишь те, кто платил не менее 30 дин. налога. Недемократичным было положение о «квалифицированных» депутатах: от каждого округа в скупщину должны были избираться два депутата с университетским или высшим специальным образованием.

2. О местном самоуправлении. Конституция 1888 г. создала основу для введения буржуазного окружного самоуправления. Она предусматри-

вала создание в округах наряду с органами государственной власти постоянных окружных комитетов как органов самоуправления. О самоуправлении срезом, за что выступали в начале 80-х годов радикалы, в конституции ничего не говорилось, а в общинах в качестве выборных органов предусматривались общинный суд, общинный комитет и общинное собрание.

3. О правах и свободах сербских граждан. Отменялась смертная казнь за политические преступления, за исключением случаев покушения на короля и членов королевского дома; сербский гражданин не мог быть изгнан из страны, его жилище объявлялось неприкосновенным. Особое внимание обращалось на политические свободы (печати, союзов и собраний), которые, в отличие от конституции 1869 г., гарантировались законодательной властью.

Подводя итоги, следует выделить элементы буржуазного парламентаризма в новой конституции: а) введение избирательной системы, более прогрессивной, чем по конституции 1869 г., б) обеспечение контроля скупщины над бюджетом, в) введение политической ответственности правительства перед скупщиной, г) утверждение законодательной инициативы скупщины.

И в период работы конституционного комитета, и после принятия конституции 1888 г. король Милан неоднократно заявлял, что он «даровал» сербскому народу конституцию «по своей собственной воле» [6, с. 145—146]. Конечно, формально инициатива исходила от короля, но он был вынужден в сложившейся к концу 80-х годов внутривластной обстановке пойти на уступки. Принятие конституции 1888 г. означало убедительную победу сербской буржуазии, получившей большие возможности для своего участия в управлении государством. «Конституция 1888 г., — подчеркивает Д. Янкович, — означала серьезное, одно из тяжелейших поражений абсолютизма Обреновичей» [6, с. 146]. Он и его коллеги высоко оценили значение конституции 1888 г. для исторического развития Сербии. Так, известный хорватский историк Ф. Чулинович писал: «Она (конституция. — С. Д.) в первую очередь представляла собой победу прогрессивных буржуазно-демократических элементов над абсолютистско-полицейским режимом короля Милана» [3, с. 61]. Сербский историк М. Попович подчеркивал, что «конституционной реформой 1888 г. был совершен огромный переворот в политической и конституционной жизни Сербии» [10, с. 68].

Следует отметить, что конституция 1888 г. не отвечала в полной мере интересам крестьянских масс, главной движущей силы радикального движения в 80-е годы. В ней провозглашались лишь политические права, но отсутствовали статьи, затрагивающие экономические вопросы (развитие народного хозяйства, помощь государства земледелию, животноводству и ремесленному производству). Крестьянский депутат С. Милошевич заявил на скупщине в связи с этим, что ему как народному представителю придется принести в качестве «рождественского подарка» своим избирателям лишь известие об автокефальности сербской церкви [6, с. 144]. Вместе с тем, как справедливо замечает Д. Янкович, «хотя буржуазный демократизм и парламентаризм, введенные конституцией 1888 г., служили прежде всего буржуазии, они в значительной степени способствовали тому, что угнетенные народные массы активно вошли в политическую жизнь страны и заняли в ней свое место» [6, с. 146].

Русские правящие круги одобрили принятие конституции 1888 г., считая, что она упрочит внутривластный строй и будет способствовать дальнейшему развитию сербского государства [15, ф. Политархив, 1889, д. 439].

С вниманием следило за ходом конституционной реформы в Сербии и русское общество. Газеты и журналы подробно информировали своих читателей об основных ее этапах. Так, «Московские ведомости» изложили содержание новой конституции, обратив особое внимание на те пункты, по которым король сделал уступки радикалам [27, 1888, 25 XI, 19 XII].

Анонимный корреспондент С из Белграда (судя по содержанию его статьи, он был сербом) сообщал о работе конституционного комитета

[27, 1888, 14 XI], выборах в великую народную скупщину, на которых полную победу одержали радикалы [27, 1888, 18, 22 XI]. Характеризуя работу этой скупщины, С резонно отмечал, что фактически по большинству вопросов представители сербских партий пошли на поводу короля, который «может поздравить себя с победой — его цель совершенно и вполне достигнута: брошенная сербским политикам игрушка принята ими с восторгом». В заключение статьи сербский корреспондент «Московских ведомостей» выражал сомнение в долговечности этой довольно прогрессивной конституции [27, 1889, 4 I].

В «Вестнике Европы» была опубликована статья «Новая сербская конституция» за подписью В. Д. Сравнивая две конституции — 1869 и 1888 гг. — и довольно положительно оценивая последнюю, автор писал: «Громадное значение получают в новой конституции уставные права сербских граждан...». Выделяя то новое, что отличало конституцию 1888 г., он писал: «Наиболее крупное изменение предположено в системе выборов в народные представители... Новый Устав отменяет представителей по назначению короля и вводит выборы непосредственные, закрытую подачу голосов...». Вместе с тем журнал не без основания отмечал, что «между подписанием и претворением (конституции. — С. Д.) лежит пока чуть не целая бездна» [19, 1889, № 2, с. 875—876, 879].

А вот что писал в отношении новой сербской конституции обозреватель «Русской мысли»: «Сербский народ и народное представительство получили... обширные права. Если не помешают какие-либо несчастные случайности, то перед Сербией открывается теперь счастливая будущность» [25, 1889, № 1, с. 149].

Подводя итоги, следует констатировать, что Россия была заинтересована в поступательном развитии Сербии и укреплении ее суверенитета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борђевић М. Преглед развитка политичких и правних установа Србије од краја XVIII до почетка XX в. Нип, 1977.
2. Ћирић-Богетић Л. Novija politička istorija jugoslovenskih naroda (Tematski pregled do 1912. godine). Beograd, 1971.
3. Сулиновић Ф. Državnopravna historija jugoslovenskih zemalja XIX i XX vijeka. Knj. druga. Zagreb, 1959.
4. Istorija Jugoslavije. Beograd, 1972.
5. Istorija država i prava jugoslovenskih naroda (do 1918. godine). Beograd, 1967.
6. Јанковић Д. Историја државе и права Србије у XIX веку. Београд, 1955.
7. Јанковић Д. О политичким странкама у Србији XIX в. Београд, 1951.
8. Јовановић Сл. Влада Милана Обреновића. Књ. I—III. Београд, 1934.
9. Поповић М. Порекло и постанак Устава од 1888 године. Београд, 1939.
10. Поповић М. Борба за парламентарни режим у Србији. Београд, 1939.
11. Продановић Ј. Историја политичких странака и струја у Србији. Књ. I. Београд, 1947.
12. Продановић Ј. Уставни развитак и уставне борбе у Србији. Београд, 1936.
13. Стојишић Сл. Уставни развитак Србије. 1869—1888. Лесковац, 1980.
14. Историја Југославије. Т. I. М., 1963.
15. Архив внешней политики России (АВПР).
16. Марковић Св. Избранные сочинения. М., 1956, с. 87—116.
17. Дамченко С. И. Деятельность П. А. Кулаковского в Сербии (Из истории русско-сербских научных связей последней четверти XIX в.). — Балканские исследования, вып. 6. М., 1980.
18. Русский вестник.
19. Вестник Европы.
20. Чубриловић В. Србија и Аустрија у XIX веку. — В кн.: Међународни научни скуп «Велике силе и Србија пред први светски рат», одржан 13—15 септембра 1974. Београд, 1976, с. 21.
21. Историја дипломатије. Т. II. М., 1963.
22. Илић Д. Мита Џенић. Београд, 1960.
23. Раденић А. Мита Џенић као издавач социјалистичких листова 80-тих година у Београду — В кн.: Годишњак града Београда, књ. IX—X. Београд, 1962—1963.
24. Поплико Д. Ф. Васа Пелагић. Основне етапе његовог идејног развитка. Нови Сад, 1982.
25. Русская мысль.
26. Тимочка буна 1883. године. Успомене Р. Милошевића. Београд, 1923.
27. Московские ведомости.

СЛАВЯНСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ И ЕВРОПЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Как известно, главные характерные черты славянской письменности, ставшей во второй половине IX в. важным компонентом культурного развития Европы, были обусловлены ее функцией фиксации текстов на славянском языке с помощью специально созданного для передачи его звуков алфавита. В этом отношении славянская письменность в Европе IX в. не представляла собой уникального, неповторимого явления. Можно говорить о существовании во второй половине IX в. уже целой литературы на древненемецком и древнеанглийском языках. Правда, и в германских землях Каролингской империи, и в англо-саксонской Англии пользовались при этом латинским алфавитом, но в Европе IX в. существовали и народы, обладавшие собственной оригинальной системой письма. Например, народы Скандинавии, чья руническая письменность в раннем средневековье имела распространение и за пределами Скандинавского полуострова. Однако, несмотря на это, все же можно утверждать, что славянская письменность IX в. как культурное явление обладала своей особой, действительно неповторимой спецификой. Чтобы выяснить, в чем она заключалась, следует определить сферу действия и общественные функции письменности на национальном языке в различных европейских странах.

Анализ вопроса рационально начать с выяснения положения в главном политическом образовании тогдашней Европы — Каролингской империи. Как известно, появление во второй половине VIII в. первых письменных текстов на различных диалектах старонемецкого языка было тесно связано с реформами, осуществлявшимися в это время совместно государственной властью и церковными учреждениями. Главная цель реформ заключалась в приобщении всей массы населения к наиболее общим представлениям о христианском вероучении и нормах поведения христианина. С этой целью церковные соборы санкционировали перевод на немецкий язык текстов «Credo» и «Pater Noster», формул, которые должен был произносить грешник при публичном покаянии, а также образцов вопросов, которые священник должен был задавать верующему на исповеди и примерных ответов на них. Наконец, решения соборов предусматривали, что духовенство должно постоянно проповедовать народу «слово божье», и с этой целью был составлен образец подобной проповеди, известной под условным названием «Exhortatio ad plebem christianam» [1, с. 233—241].

Чтобы выявить, какую сферу общественной жизни должна была охватывать письменность на местном языке, следует подробнее коснуться некоторых моментов каролингского законодательства. Оно предписывало, чтобы «Credo» и «Pater Noster» знало наизусть все население страны. В связи с этим в решениях соборов подробно разъяснялось, как следует добиваться достижения этой цели. В решениях Майнцского собора 813 г. указывалось, что членам общины следовало отдавать детей в школу — в мо-

настырь или к священнику, чтобы те, выучив латинские тексты молитв, могли научить им членов семьи. Лишь для тех, кому это никак не удавалось, разрешалось чтение молитвы «на своем языке» [2, р. 271; 3, р. 240]. Таким образом, перевод молитв на немецкий язык не распространялся и не рекомендовался, а лишь допускался по необходимости. Тем самым предусматривалось, что распространение письменности на национальном языке будет ограничено весьма узкой сферой действия, определенной выше. Латынь и далее должна была оставаться языком богослужения, образования, внутрицерковной жизни и, наконец, деловой письменности (насколько она в то время существовала).

Правда, действительность уже в IX в. вышла за намеченные рамки, и вслед за переводами молитв и обрядовых формул к середине IX в. появились переводы таких сложных литературных текстов, как «Диатессарон» Татиана, трактат Исидора Севильского «De fide catolica», проповеди Августина. Появление этих текстов означало фактически новый важный этап в развитии немецкой письменной традиции, рождение немецкого литературного языка. Однако следует отметить, что ни капитулярии, ни решения церковных соборов, которых от конца VIII — первой половины IX в. сохранилось весьма много, не содержали рекомендаций о переводе текстов такого содержания. Появление этих переводов есть все основания рассматривать как плод инициативы отдельных очагов образованности на территории Восточно-Франкского королевства, инициативы, направленной на удовлетворение их собственных потребностей. Исследование рукописей, в которых сохранились интересующие нас тексты, позволило выяснить вопрос о назначении этих переводов: они должны были помочь читателю освоить сложный текст латинских оригиналов, помещенных в рукописях параллельно с немецким текстом. Неслучайно и порядок слов, и грамматические конструкции немецкого текста педантично следовали за латинским [4, s. 263—276; 1, s. 245—246]. Аналогичным целям служила и деятельность сен-галенского монаха Ноткера, который в конце X в. осуществил перевод на немецкий язык цикла пособий, использовавшихся для обучения в средневековой школе. Об этом убедительно говорит сам смешанный характер перевода, где немецкие слова и выражения часто соседствуют с латинскими [1, s. 396—402; 5, р. 423—424]. Таким образом, в IX—X вв. немецкий язык широко проник в сферу образования, но выступал в ней в роли лишь вспомогательного, инструментального элемента.

К этому следует добавить, что наметившееся в IX в. формирование национальной письменной традиции в последующее время сильно замедлилось. В X в. деятельность Ноткера оказалась изолированным эпизодом, не влиявшим на общее положение дел. Как констатируется в современном курсе немецкой литературы, «столетие образования немецкого государства было одновременно столетием, когда не был создан ни один оригинальный памятник на немецком языке» [1, s. 402]. Количество переводов также резко сократилось. В этом нельзя не видеть стойкого воздействия традиций, отводивших «местному» языку второстепенное, не самостоятельное место в системе средневековой образованности и культуры.

Положение в англо-саксонской Англии в ряде пунктов существенно отличалось от того, что мы можем наблюдать на континенте. Прежде всего, здесь национальная письменность зародилась гораздо раньше и развивалась интенсивнее. «Верую» и «Отче наш» перевел на древнеанглийский язык еще Беда Достопочтенный в VII в. (распространение этого перевода было затем санкционировано церковными соборами), а к VIII в. относится уже возникновение целого цикла поэм, в которых христианские сюжеты и темы были изложены с использованием образов и поэтической техники народного эпоса [6, р. 444—447, 533]. Интересно, что здесь серьезные заботы об укреплении и развитии национальной письменной традиции проявляла государственная власть. В 80—90-х годах IX в. по инициативе короля Альфреда Великого был осуществлен перевод таких капитальных памятников средневековой образованности, как «Liber pastoralis» и «Диалоги» Григория Великого, «Об утешении философией» Боэция, некоторые сочинения Августина. Обоснование правомерности и необходи-

мости таких переводов было дано в предисловии к «Liber pastoralis», написанном от имени самого короля: «Закон сначала был создан на еврейском языке, а затем, когда греки изучили его, они переложили его, а также и все другие книги на свой собственный язык. А затем подобным же образом и римляне, когда они изучили их, переложили их с помощью мудрых переводчиков... на свой собственный язык. Поэтому кажется мне правильным..., чтобы мы также перевели несколько книг, которые нужно знать всем, на язык, который мы все можем понять» [7, р. 380]. Из этих высказываний, пожалуй, можно было бы сделать вывод о сознательном стремлении реформатора утвердить английский язык в тех сферах общественной жизни, где ранее безраздельно господствовали латынь и греческий. Однако такой вывод был бы преждевременным, так как в заключительной части предисловия разъяснялось, что те, кто желает стать клириками, выучившись английскому, должны продолжить свое обучение и научиться латыни. Положение латыни как языка богослужения и средневековой образованности реформами Альфреда не было поколеблено. В дальнейшем развитии национальной письменной традиции и здесь натолкнулось на препятствия (уже в X в. инициатива перевода Библии, вышедшая из среды англо-саксонской аристократии, встретила сопротивление церковных кругов), а в XI в. наступил ее упадок. Неизвестный клирик конца XI в. писал: «Святой Беда родился в Британии среди нас и прилежно переводил книги, с помощью которых получал наставления английский народ... Теперь обучение оставлено и народ заброшен» [5, р. 378].

Общеизвестна значительная специфика культурного развития народов Скандинавии вообще, и Исландии в особенности, наиболее ярко проявившаяся именно в период раннего средневековья. Хотя широкое распространение письменности (уже с латинским алфавитом) в этом регионе имело место в основном после 1000 г., формирование национальной письменной традиции происходило здесь с невиданным размахом. Именно на почве Исландии была произведена уникальная в Европе того времени письменная фиксация разных видов устного народного творчества, что в конечном счете и сделало древнеисландскую литературу явлением всемирно-исторического значения. И все же знакомство с исландским письменным наследием показывает, что исландская письменность обслуживала (хотя и очень широким образом) потребности лишь светской части общества и лишь в том, что касалось ее светской жизни. В сфере богослужения, внутрицерковной жизни и религиозной образованности латынь господствовала еще более безраздельно, чем на континенте. Так, на исландский язык не было переведено ни одно из средневековых школьных пособий, а в поэзии на христианские темы почти полностью отсутствуют библейские сюжеты, что говорит о малом знакомстве исландцев с этим произведением. Перевод Нового завета на исландский язык относится лишь к XVI в., к эпохе Реформации [8, s. 287].

Охарактеризовав главные особенности процессов зарождения и развития национальной письменности в отдельных европейских странах, обратимся к аналогичному процессу у славян.

Первые известные в настоящее время записи на славянском языке представляют собой переводы с латинского или старонемецкого, осуществленные немецкими миссионерами, действовавшими на территории Хорутании и Великой Моравии в первой половине IX в. Набор переведенных текстов («Оглашение», «Верую», записи вопросов, которые следовало задавать верующим на исповеди и возможных ответов на них) довольно точно соответствовал тому кругу сочинений, распространение которых на местном языке было санкционировано решениями каролингских церковных соборов. Само создание первых славянских текстов означало появление нового важного элемента в европейском культурном развитии, но на первом этапе своего существования эта письменность по своему характеру ничем принципиально не отличалась от письменности на старонемецком или староанглийском языке [9].

Положение резко изменилось с приходом в Моравию Константина и Мефодия и началом их переводческой практики. Представляется принци-

пально важным, что их деятельность началась с перевода евангелия-апракос, т. е. текстов, выбранных из евангелий, читавшихся во время богослужения [10, s. 100]. Разумеется, в резком противоречии с традициями латинского Запада был выбор для перевода текста из самой авторитетной и священной части Писания. Однако для рассматриваемой темы еще более существенно, что речь шла о тексте, предназначенном для публичного чтения перед верующими во время церковной службы. Такой выбор свидетельствовал о сознательном стремлении заменить латинские и греческие тексты славянскими при отправлении духовенством одной из его главных общественных функций. Это полностью подтверждается всем дальнейшим ходом переводческой работы, которая вскоре после приезда Константина в Моравию завершилась тем, что он, по свидетельству его «Жития», «весь церковный чин перевел», и все богослужение стало отправляться на славянском языке [10, s. 102].

Переводческая деятельность Константина и Мефодия была продолжена Мефодием и его учениками в Великой Моравии в 70—80-х годах IX в. Из числа переведенных ими текстов следует особо выделить юридические памятники, как, например, «Заповеди святых отцов» — епитемийник, в котором устанавливались церковные санкции для духовных и светских лиц за нарушение норм христианского правопорядка, или «Номоканон» Иоанна Схоластика — сборник постановлений церковных соборов, определявших как нормы внутрицерковной жизни, так и характер взаимоотношений церкви с остальным обществом. Перевод этих текстов позволил осуществлять управление церковной организацией, опираясь на тексты на славянском языке. Тем самым славянская письменность стала обслуживать еще одну важную сферу общественной жизни, в которой в странах Западной Европы господствовала (почти безраздельно) латынь [11].

Изучение первых памятников славянской литературы и историографии — «Житий» Кирилла и Мефодия — показывает, что расширение области применения славянской письменности отражало сознательное стремление и самих ее создателей, и тех общественных сил, которые их поддерживали, к формированию такой славянской письменной традиции, которая могла бы обслуживать потребности общества во всех тех сферах его жизни, где было необходимо использование письменного текста. Разумеется, в Великой Моравии 60—80-х годов IX в. столь обширного корпуса текстов еще не было создано, но в целом, если говорить о сфере богослужения, церковной жизни и образования, эта задача была в полном объеме решена совместными усилиями учеников Мефодия и болгарских книжников Первого Болгарского царства в последних десятилетиях IX — первых десятилетиях X в. Появление на славянском языке циклов проповедей и похвальных слов, переведенных и составленных Климентом Охридским и Константином Преславским, переводов богословских сочинений и памятников византийской историографии, создание оригинальных исторических и полемических сочинений — вот наиболее заметные признаки полного утверждения славянской письменности в этих областях общественной жизни [12].

Следующий важный этап расширения рамок славянской письменной традиции, который можно считать завершающим для периода раннего Средневековья, может быть прослежен на восточнославянском материале. Появление берестяных грамот (наиболее ранние из ныне известных датируются уже XI в.) означало зарождение деловой письменности на славянском языке, и тем самым окончательное превращение славянского письма в инструмент, обслуживающий нужды общества во всех сферах его жизни — от торжественного богослужения до будничной повседневности [13; 14].

Разумеется, нельзя не учитывать неравномерность формирования национальной письменной традиции в отдельных славянских странах, равно как и немалые препятствия, возникавшие подчас на пути ее развития. Эти препятствия, как известно, привели к серьезным временным трудностям в развитии славянской письменности в Хорватии и Болгарии (времен византийского завоевания), к упадку славянской письменности в Чехии

второй половины XI—XII вв. При более близком рассмотрении, однако, становится очевидным, что все эти препятствия, если их рассматривать в широком плане, были результатом действия политических сил и культурных традиций, внешних по отношению к славянскому миру. В тех случаях, когда действие этих внешних факторов не имело места, как у восточных славян, происходил непрерывный процесс поступательного развития национальной письменной традиции, при котором наряду с национальной письменностью, обслуживающей всю совокупность общественных потребностей в письме, не существует другой письменной традиции, занимающей сколько-нибудь самостоятельное место. Правда, в отдельных монастырях — очагах средневековой образованности Киевской Руси — книжники внимательно штудировали, как мы теперь знаем, достаточно широкий круг не только греческих, но (в XI в.) и латинских текстов, однако и их деятельность практически не умаляла доминирующей роли славянской письменности, подобно тому, как деятельность книжников Фульды или Рейхенау, переводивших на немецкий язык богословские тексты в IX в., не могла поколебать доминирующей позиции латыни.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Geschichte der deutschen Literatur*. Bd. I, Hb. 1. Berlin, 1963.
2. *Monumenta Germaniae Historicae. Legum sectio III. Tomus II. Concilia aevi Carolini I. Hannoverae et Lipsiae*, 1906.
3. *Clercq de C. La législation religieuse franque de Clovis à Charlemagne*. Louvain — Paris, 1936.
4. *Ehrisman G. Geschichte der deutschen Literatur bis zum Ausgang des Mittelalters*. Bd. I. München, 1918.
5. *The Cambridge history of the Bible*, t. II. *The West from the Fathers to the Reformation*. Cambridge, 1969.
6. *Riché P. Education et culture dans l'Occident barbare. VI-e — VIII-e siècles*. Paris, 1962.
7. *Laistner M. L. W. Thought and Letters in Western Europa ad 500—900*. London, 1957.
8. *Lange W. Studien zur Christlichen Dichtung der Nordgermanen (1000—1200)*. Göttingen, 1958.
9. *Isačenko A. V. Začiatky vzdělanosti vo Vel'komoravskejříši*. Turčianský Sv. Martin, 1948.
10. *Magnae Moraviae Fontes Historici*. T. II. Brno, 1967.
11. *Вашица Й.* Кирилло-Мефодиевские юридические памятники. — В кн.: *Вопросы славянского языкознания*, вып. 7. М., 1963.
12. *Георгиев Е.* Разцветът на българската литература в IX—X вв. София, 1962.
13. *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969.
14. *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту... М., 1975.

СВЕТЛИЧНАЯ Е. И.

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ЙОРГОСА СЕФЕРИСА

Близость исторических судеб балканских народов, переживших многовековое турецкое владычество, определила многие общие черты в их экономическом, историческом и культурном развитии. Этим, отчасти, объясняется широкий интерес носителей балканских культур к истории, культуре и литературе друг друга. Понимание специфики развития соседних стран дает возможность глубже осознать самобытность культуры и исторического пути своего собственного народа. Литературоведов особенно занимают две проблемы: сохранение и продолжение в современном искусстве и литературе национальных традиций, главным носителем и хранителем которых на протяжении длительного периода чужеземного ига был народ, и история культурных взаимоотношений между отдельными балканскими народами.

Показателен в этом отношении и не случаен большой интерес, который проявляет болгарское литературоведение к новогреческой культуре и литературе. Болгарско-греческие культурные взаимоотношения уходят своими корнями в глубокое прошлое, к эпохе формирования национального самосознания балканских народов и их борьбы за национальную независимость, когда на широкие круги болгарской интеллигенции оказывали прямое воздействие идеи греческих просветителей о национальном самоопределении, возврате к народным традициям и народному языку и героической деятельности на благо родины и нации. После освобождения от турецкого ига эти отношения, хотя и не всегда однозначно и ровно, продолжались по-прежнему. Во многом этому способствовало то обстоятельство, что обоим народам в процессе национального самоутверждения приходилось решать сходные проблемы. К тому же через Грецию на протяжении довольно длительного времени проникали в Болгарию лучшие культурные достижения западных стран.

Интерес двух народов друг к другу углубился и возрос в период героической борьбы балканских народов с фашистскими оккупантами и социалистической революции в Болгарии. После 1944 г. в Болгарии были изданы произведения греческих прозаиков и поэтов. На болгарском языке увидели свет стихотворения К. Паламаса, М. Авьериса, Ф. Ангулеса, К. Варналиса, романы Н. Карвуниса, Т. Корнароса, П. Превелакиса, В. Василикоса и других греческих авторов. Значительным событием в литературной жизни страны стал выход в свет в 1960 г. двухтомной «Антологии новой греческой поэзии», в которой, в частности, было представлено творчество выдающегося современного греческого поэта Йоргоса Сефериса¹. После присуждения Сеферису Нобелевской премии интерес к его твор-

¹ И. Сеферис (псевдоним Й. Сефериадаса, 1900—1971) — выдающийся новогреческий поэт, лауреат Нобелевской премии 1963 г., многочисленных национальных и зарубежных литературных премий. Родился в г. Смирне в семье известного греческого ученого, поэта и переводчика. Получил юридическое образование в Париже.

честву очень возрос, появились многочисленные переводы на различные языки мира и целый ряд посвященных ему монографий. В Болгарии хорошо известны груды М. Жечева по истории развития новогреческой литературы, в которых исследуется и творчество Й. Сефериса. В его книге «Греческие литературные параллели» творчеству Сефериса посвящена отдельная глава — «Й. Сеферис или красота зрелого творчества» [1, с. 149—157], и помещено интервью, данное автору греческим поэтом незадолго до смерти². Большое внимание исследователь уделяет поэзии Сефериса и в книге «Взгляд на современную греческую литературу» [2]. М. Жечев особо подчеркивает в исследованиях глубоко национальный характер творчества греческого поэта, относя его к числу наиболее выдающихся мастеров европейской поэзии. Он характеризует Сефериса как «самого яркого продолжателя традиции в греческой поэзии» [1, с. 157]. В плане традиций и новаторства изучает творчество поэта и болгарский литературовед и переводчик Ст. Гечев [3]. Такая направленность в изучении поэзии Й. Сефериса не случайна, потому что именно на основе органического соединения греческой литературной и народно-песенной традиции с принципами современной европейской поэзии ему удалось создать лучшие свои произведения, оказав при этом глубокое воздействие на всю новогреческую поэзию и во многом определив пути ее дальнейшего развития.

В произведениях Й. Сефериса отразилось новое понимание таких важнейших для современной Греции понятий, как греческая нация, греческая традиция, греческая история и миф. Античный миф перестал быть простым набором тем, сюжетов и образов или объектом подражания, став, по меткому замечанию одного из критиков, самой жизнью. Творчество новогреческого поэта относится к тому направлению современной литературы, которое использует миф как специфический метод построения художественного произведения. По тематике, основным идеям и способу внутренней организации текста его поэзия близко примыкает к творчеству Т. С. Элиота, но отличается от него ярким национальным своеобразием, выраженным в особой чувствительности Сефериса к культурному наследию и традициям Греции античной и византийской.

Мифологизирующая литература XX в. сложна и неоднородна — в ней выделяются, по крайней мере, два типа литературной техники, которые можно назвать мифологематизмом и мифотворчеством. Мифологематизм — это использование готовых мифологем — сюжетов, образов и мотивов, заимствованных из традиционной, обычно античной, мифологии (или канонизированных произведений художественной литературы), свободно сочетаемых с авторскими оригинальными образами, с целью сообщения описываемым событиям современной действительности и образам современного человека архетипического значения. Мифотворчество же — это создание на основе принципов мифического структурирования оригинальных образов и мотивов, складывающихся в необычный сюжет, посредством которого автор выражает свое ощущение современной истории, образа современного человека и его сознания как архетипических явлений. Примером мифологематического творчества могут служить произведения Т. С. Элиота, Т. Манна, Дж. Джойса; примером мифотворчества — произведения Кафки. Творчество Сефериса в основном мифологематично, хотя одновременно в нем содержатся и яркие примеры самостоятельного авторского мифотворчества.

В течение длительного времени состоял на греческой дипломатической службе в различных странах мира. Автор поэтических сборников «Поворот» (1931), «Миф-история» (1935), «Вахтенный журнал, 1» (1940), «Тетрадь упражнений» (1940), «Вахтенный журнал, 2» (1945), «Вахтенный журнал, 3» (1956), «Три сокровенные поэмы» (1966), «Тетрадь упражнений, 2» (1976), поэм «Водоем» (1932) и «Дрозд» (1946), нескольких прозаических произведений и ряда литературоведческих эссе.

² В этом интервью Сеферис говорит, в частности, о своей давнишней неосуществившейся мечте получить как дипломату назначение на работу в Россию, чтобы иметь возможность выучить русский язык и в подлиннике читать произведения русской литературы, многие из бесценных богатств которой, по его мнению, до сих пор остаются недостаточно оцененными.

Мы предлагаем вниманию читателя анализ одного из лучших стихотворений поэта из сборника «Миф-история» (1935), в котором им впервые был применен мифологизирующий метод структурирования. Оно показатель-но в плане обращения поэта к древним традициям своего народа и даст довольно ясное представление о том, в какой форме вводятся в ткань современного художественного произведения мифические образы и мотивы, как они функционируют в нем и какой семантической значимостью наделены.

4

Аргонавты

- 1 И душа
- 2 если она хочет познать себя
- 3 в душу
- 4 должна посмотреть:
- 5 чужого и врага мы увидели в зеркале.
- 6 Спутники были хорошие парни, не жаловались
- 7 ни на усталость ни на жажду ни на холод,
- 8 они вели себя как деревья и волны
- 9 которые принимают ветер и дождь
- 10 принимают ночь и солнце
- 11 не мнясь в измененьи.
- 12 Они были хорошие парни, целыми днями
- 13 потели на веслах с опущенными глазами
- 14 ритмично дыша
- 15 и кровь окрашивала их покорную кожу.
- 16 Иногда они пели, с опущенными глазами
- 17 когда мы проплывали мимо безлюдного острова с инжирными деревьями
- 18 на запад, за мыс собак
- 19 которые лают.
- 20 Если хочет познать себя, говорили они,
- 21 в душу должна посмотреть, говорили они
- 22 и весла разбивали золото моря
- 23 на закате солнца.
- 24 Мы миновали мысов множество множество островов море
- 25 которое ведет в другое море, чайк и гюленей.
- 26 Несчастные женщины время от времени с рыданиями
- 27 оплакивали погибших своих сыновей
- 28 а другие озверевшие искали Александра Великого
- 29 и почести затонувшие в глубинах Азии.
- 30 Мы причаливали к берегам наполненным ночными ароматами,
- 31 с поющими птицами, водой которая оставляла на руках
- 32 память большого счастья.
- 33 Но они не кончали путешествия.
- 34 Души их стали едины с веслами и уключинами
- 35 с суровым лицом на носу корабля
- 36 с желобком на руле
- 37 с водой которая разбивала их отраженья.
- 38 Спутники кончали друг за другом,
- 39 с опущенными глазами. Весла их
- 40 указывают место где они спят на побережье.
- 41 Никто их не помнит. Справедливость.

Это стихотворение — четвертое из 24 стихотворений цикла, составившего сборник «Миф-история». Место заглавия во всех произведениях цикла занимает порядковый номер, что подчеркивает тесную взаимосвязь стихотворений как специфическую особенность данного сборника, в котором каждое произведение дополняет, продолжает и интерпретирует остальные.

Стихотворение разбито на три части (5, 35 и 1 строка). Без первой и третьей части его содержание можно было бы рассматривать как простое описание путешествия по морю на весельном корабле. В этом описании только одно место (строки 33—37), где действие выходит за пределы реально происходящего, настораживало бы нас и заставляло бы искать в нем скрытое символическое или аллегорическое значение. Однако первая часть стихотворения в самом начале раскрывает его многоплановость и определяет угол восприятия при дальнейшем чтении. Первые четыре строки —

невыделенная цитата из Платона, вводящая одну из основных проблем стихотворения — проблему самопознания. Вне контекста слова Платона содержат в себе некоторую неопределенность: в какую душу должна посмотреть душа — свою или чужую? Решение этого «или» имеет существенное значение для интерпретации их содержания³. В первом случае речь будет идти о том, что познать себя можно только через самого себя, т. е. о том, что каждый человек в своей индивидуальности неповторим; во втором — о том, что познать себя можно путем познания другого человека, т. е. о некоей духовной общности одного человека с другим или другими. Сеферис использует платоновскую фразу грамматически буквально, сохраняя ее амбивалентность и внося лишь внешне формальные изменения. У Платона это место представляет собой часть прозаического диалога: «...Καὶ ψυχὴ εἰ μέλλει γινώσκειν αὐτὴν εἰς ψυχὴν αὐτῆ βλεπτέον...» Сеферис разбивает его на четыре строки:

Καὶ ψυχὴ
εἰ μέλλει γινώσκειν αὐτὴν
εἰς ψυχὴν
αὐτῆ βλεπτέον:

При таком расположении строк слова *ψυχὴ* и *ψυχὴν* в первой и третьей строке оказываются параллельными. Двукратное выделение слова «душа» дает возможность предположить его ключевое значение в тексте. Этот повтор подчеркивается образом зеркала в пятой строке: τὸν Γένο καὶ τὸν ἐχθρὸ τὸν εἶδαι εἰς τὸν καθ'ἑαυτῆ (чужого и врага мы увидели в зеркале). Последняя строка первой части подчеркнута выделена на фоне четырех предыдущих: 1) графически и интонационно: после четырех коротких она — первая длинная; 2) синтаксически: стоит после двоеточия, т. е. заключает в себе значение результативности; 3) лексически: фраза из Платона дана по-древнегречески, а последняя строка написана на димотике. Этот языковой контраст обращает читателя от древности (или отвлеченно-обобщенного времени) к современности и одновременно осуществляет внутреннюю связь времен в первой части, придавая действию в пятой строке временную перспективу и выделяя многозначность местоимения «мы»; 4) грамматически: в первых четырех строках два раза повторяется подлежащее «душа» в таком неопределенном контексте, что неясно, своя или чужая душа имеется в виду; в пятой строке подлежащим является местоимение «мы», что придает тексту субъективную окрашенность. В первых четырех строках сказуемое стоит в безличной и вневременной форме («должна посмотреть»), в пятой предикат имеет личную и временную форму («увидели»). В силу этих особенностей пятая строка читается как вывод из платоновских строк, не предусмотренный Платоном. Там, где Платон считал проблему исчерпанной, человек нового времени видит не конец, а продолжение сомнения. Амбивалентность платоновских слов предполагает и амбивалентность ответа: 1) «Чужого и врага» мы увидели в другой или других душах, что равнозначно тому, что мы живем среди чужих и враждебно настроенных к нам людей, т. е. отчуждению людей в обществе, их разобщенности. 2) «Чужого и врага» мы увидели в своей душе, т. е. чужого по отношению к нам самим, к нашей сущности. Увидели отчуждение по отношению к самим себе.

Первая часть стихотворения близка к тому, чтобы оторваться от следующего текста и стать эпиграфом: в ней есть и цитатный характер, и завершенность действия, и отличие по содержанию и форме от второй части. Переступить эту грань ей мешает пятая строка, непосредственно связывающая ее со следующей частью. Вводя первую часть в стихотворение не как эпиграф, а как его равноправный элемент, Сеферис эту связь

³ В диалоге Платона «Алкивиад, 1» говорится о том, что человек должен смотреть в свою собственную душу, в ту ее часть, где содержится мудрость и добродетель. Сократ говорит Алкивиаду: «Стало быть, эта часть души подобна чему-то божественному, и кто смотрит в нее и узнает все божественное, тот и себя самого всего больше может познать этим способом» [4, с. 111].

усиливает и обнажает, заставляет нас искать вначале не простую медитацию на тему познания, а разъяснение, иллюстрацию, аллгорию или символ утверждаемого в последней строке первой части. Ключи к пониманию дальнейшего текста мы уже получили: душа, чужой, враг, зеркало.

Вторая часть представляет собой описание действующих лиц (строки 6—16, 20—23), описание их путешествия по морю (17—19, 24—33) и их смерти (34—40). Характеристика начинается с утверждения в действующих лицах положительного начала, причем это утверждение повторяется два раза (6 и 12 строки). Но положительность эта ограничена пассивными качествами: они терпеливы (не жаловались на трудности)⁴, неприхотливо-естественны («...вели себя как деревья и волны»), покорны обстоятельствам («...принимали ветер и дождь, принимали ночь и солнце»), трудолюбивы («...цельми днями потели на веслах»). Автор ничего здесь не говорит об их активности. Ведущим в характеристике действующих лиц является мотив опущенных глаз (με χαμηλωμένα μάτια), повторяющийся в строках 13, 16, 39: они плыли, пели и умирали с опущенными глазами⁵. В соотношении с подзаголовком стихотворения — «Аргонавты» — такая характеристика действующих лиц кажется странной. В поход за золотым руном в Колхиду вместе с Ясоном отправились великие греческие герои: Геракл, Тесей, Кастор и Полидевк, Калаид и Зет, Анкей, Адмет, Теламон. Сеферис заставляет нас сравнить этих героев и их знаменитые деяния с теми, кого он называет «спутниками». При таком сравнении авторская горечь по отношению к последним становится очевидной. Присущие им качества и само слово «спутники», предполагающее какое-то главное действующее лицо, напоминают скорее Одиссея и его спутников, чем участников похода аргонавтов. Поэтому вовсе не кажется странным определение, которое дал им сам автор в статье «Письмо о „Дрозде“»: «Они не герои, они Эльпеноры» [5, с.л. 218]. В строках 20—23 «спутники» начинают говорить, и их дальнейшие действия получают значение осознанных. Они повторяют платоновскую фразу и веслами разбивают «золото моря на закате солнца». Образ освещенной заходящим солнцем глади моря напоминает образ зеркала в первой части стихотворения, а так как последний соотносится с душой, то мы вправе продолжить эту линию: вода — зеркало — душа. Они ударяют веслами по водной глади, разбивая свои отраженья (в воде — зеркале — душе) и этим лишая себя возможности познать себя. Сознательность действия «спутников» проявляется в том, что они понимают и думают, что «если хочет познать себя... в душу должна посмотреть...» (строки 20—24). Они намеренно не хотят смотреть на окружающий их мир (опущенные глаза) и на собственные отражения, ибо боятся увидеть в них «чужого и врага». Зеркало воды здесь названо золотым (это первое и единственное упоминание золота, если не считать, что уже сам подзаголовок стихотворения несет в себе намек на золотое руно — цель аргонавтов). В поэтике Сефериса образ золота семантически связан с образом света и солнца как началом просветляющим, животворящим и осуществляющим высшую историческую и духовную связь времен. Эти образы часто появляются в его поэзии как символы греческой традиции, под которой Сеферис понимает единство истории, культуры, искусства и судьбы греческой нации во все века ее существования. Поэтому удар весел по «золоту моря на закате солнца» значит нежелание аргонавтов Сефериса познать не только себя и мир, но и время и свое место во времени.

⁴ Сеферис выделяет глагол δε φωνάζαν (не кричали, не жаловались) путем enjambement. Отрывая его от седьмой строки и оставляя в шестой, он уравнивает по значению две части шестой строки: «они были хорошие парни» = «не жаловались». Тем самым ограниченность их положительных качеств становится более явной: они хорошие не вообще, а именно потому, что не жалуются, в силу своей терпеливости и молчаливости.

⁵ Сеферис выделяет этот лейтмотив не просто повтором, а повтором, в котором заметен момент нарастания степени выделенности. Строка 13: «с опущенными глазами» стоит в конце строки и синтаксически или интонационно не выделяется; строка 16: выражение остается в конце строки, но синтаксически и интонационно выделено запятой; строка 39: вынесено в начало строки и четко выделено запятой передним и точкой после. Кроме того, если в строках 13 и 16 определение «с опущенными глазами» стояло в середине предложения, то теперь оно его заканчивает.

Таким образом, в связи с проблемой познания, поставленной в первой части, Сеферис выделяет в характеристике действующих лиц стихотворения три момента: 1) огущенные глаза, символизирующие отказ от познания мира; 2) разбивание веслами воды-зеркала, символизирующее отказ от познания самих себя; 3) разбивание «золота моря на закате солнца», символизирующее отказ от познания своего места в истории. Осознанность такого отказа и его последовательность заставляют предположить, что в нем, возможно, заключается их спасение, источник сил, дающий возможность доплыть туда, где они уснут «на побережье»⁶.

Описание самого путешествия (строки 17—19, 24—33) вполне подходило бы к любому путешествию по морю, в том числе и аргонавтов. Корабль описан как древний (весла, руль, вырезанный на носу образ). Точно не известно, откуда, куда и сколько плывут герои: употребляемое автором местоимение «мы» произносится, по-видимому, от лица «аргонавта», но приближено и к образу современного человека димотичной пятой строкой. Можно предположить: они выплыли тысячу лет назад и плывут до сих пор⁷. В обобщенной неопределенности их пути обрастают на себя внимание как более конкретные, но неясные при первом прочтении три момента: 1) «мыс собак которые лают» (строки 18—19); 2) направление пути на запад (строка 18); 3) упоминание имени Александра Великого (строка 28).

Появление в тексте «мыса собак» вызывает в памяти мифологические образы: с одной стороны — Сциллу и Харибду из «Одиссеи» Гомера; с другой — собаку как священное животное богини Гекаты, с которой тесно связан образ Гекубы, жены троянского царя Приама. Одна из существующих версий постигшей ее после разорения Трои судьбы утверждает, что она была превращена в собаку и бросилась в Геллеспонт. Древние помещали ее могилу на мысе Киноссема, в «шестем кургане» в Галлиполи, и считали это место памятником богине Гекате. Таким образом, возникает ассоциативная связь «мыса собак» с образом Гекаты — Гекубы, а через него с Троянской войной и, еще больше, с ее последствиями. Такая ассоциация заставляет снова вспомнить Одиссея и его спутников, для которых именно Троянская война стала причиной многолетних скитаний в поисках родины. Далее, Одиссей, как и герои стихотворения, плыл на запад, тогда как аргонавты плыли на восток. Но третье — упоминание имени Александра Великого — загадочно: в мифологический план оно не укладывается. Чтобы понять его, обратимся к истории современной Греции и к биографии поэта.

Начало нашего века на Балканском полуострове было отмечено непрекращающимися мелкими войнами, переросшими в 1912 г. в большой военный конфликт. Греция, активно принимавшая в нем участие, добилась военных успехов и присоединила к себе значительную территорию. Воодушевленная победами, греческая буржуазия, во главе с премьер-министром Венизелосом определявшая в это время политическую жизнь страны, провозгласила идею создания Великой Греции, предполагавшую расширение государственных границ в пределах Византийской империи. Имя Александра Македонского стало самым популярным в греческой пропаганде. Под знаком этой идеи Греция вступила в 1917 г. в первую мировую войну на стороне Антанты и после подписания мирного договора с Болгарией и Турцией присоединила к себе всю Фракию, европейский берег Дар-

⁶ В диалоге Платона незнание самого себя расценивается как качество отрицательное:

«Сократ: Вот это-то само незнание, или постыднейшее невежество и не есть ли причина зол?»

Алкивиад: Да.

Сократ: И не тогда ли оно всего зловреднее, когда касается самого важного?» [4, с. 111].

⁷ Необходимо отметить, что в тех строках стихотворения, где речь идет о характеристике «спутников», поэт говорит только от третьего лица, ни разу себя не отождествляя со своими героями. При описании самого путешествия Сеферис переходит с третьего лица на первое, таким образом, причисляя себя к «спутникам» и отождествляя себя с ними.

данелл и город Измир (Смирну). Однако греческое правительство начало в 1919 г. новую захватническую войну, трагически закончившуюся для Греции в 1922 г. Греческая армия была полностью разгромлена, 150 000 мирного населения изгнано с западной территории Турции, а родной город Й. Сефериса Смирна сожжен. С горечью он говорил: «Наиболее потрясшим меня событием была Малоазиатская катастрофа». Упоминание в 26—29 строках имени Александра Великого и «почестей затонувших в глубинах Азии» относит нас к этим событиям нашего времени, ставшим причиной обездоленности, бездомности и отчужденности тысяч людей и среди них «спутников» Сефериса и его самого.

В связи со сказанным выше становится объяснимым и выбор Сеферисом направления движения на запад. Лишенный родины, он, как и многие другие, искал убежища на Западе — во Франции, Англии, в Афинах, — но дома себе там так и не нашел⁸.

Таким образом, очевидно, что Сеферис в стихотворении реально сопоставляет своих героев именно с Одиссеем и его спутниками, а не с аргонавтами⁹. И спутники Одиссея и «спутники» Сефериса — не герои (в отличие от аргонавтов), и те и другие плывут на запад (аргонавты — на восток), и те и другие бездомны, ищут или хотели бы найти родину (аргонавты плывут на чужбину), причина их скитаний по миру одинакова — война, и, наконец, ни «спутникам» Сефериса, ни спутникам Одиссея родины достичь не дано (аргонавты же возвращаются на родину с золотым руном и славой). Как прямая параллель с «Одиссеей» воспринимаются также строки 30—32:

«Мы причаливали к берегам наполненным почвыми ароматами,
с поющими птицами, водой которая оставляла на руках
память большого счастья».

Описанная картина напоминает посещение Одиссеем острова феаков и его встречу с Навсикаей, его пребывание у нимфы Калипсо и на острове волшебницы Кирки. Это единственное место в тексте, где речь идет о счастливых моментах в плавании-жизни действующих лиц. Счастье это носит характер эротический¹⁰. Чувственная любовь — единственное, что манило пловцов и заставляло их причалить к берегу. Но не удерживало, так же как и не удержало Одиссея. Счастье невозможно для аргонавтов Сефериса. Оно может быть лишь мигом забвения, от которого остается только «память большого счастья»¹¹.

«Но они не кончали путешествия» (строка 33) — его закончила только смерть. И только в смерти они освободились от отчуждения и обрели единение с миром — духовное и физическое.

«Души их стали едины с веслами и уключивами
с суровым лицом на носу корабля
с желобком на руле
с водой которая разбивала их отраженья»¹².

Смерть героев опять напоминает нам смерть спутников Одиссея¹³. И теперь автор подтверждает наши ассоциации, прямо соотнося конец второй

⁸ Родиной для себя он ощутил только Кипр (и то лишь отчасти), который впервые посетил в 1953 г.

⁹ В диалоге Платона ссылки на аргонавтов отсутствуют, но упоминается «Одиссея» и «Илиада» Гомера в связи с проблемой соотношения справедливости и войны.

¹⁰ Не только по ассоциации с соответствующими местами из «Одиссеи», но и потому, что пение птиц и благоухающие ароматы являются у Сефериса почти постоянными элементами эротических описаний.

¹¹ В данном контексте образ воды наполняется новым содержанием. Здесь это уже не вода-зеркало, а источник жизни и счастья.

¹² Вспомним выделенный нами выше образный ряд: вода — зеркало — душа. В строке 37 вода выступает как сила, разбивающая отражения спутников, т. е. разбивающая их души. Вода становится носителем смерти.

¹³ Говори о смерти спутников, Сеферис снова переходит с первого на третье лицо, проводя четкую границу между собой и ними. Они умирают, он остается жить.

«Холм гробовой надо мною насыпьте близ моря седого;
В памятный знак же о гибели мужа для поздних потомков
В землю на холме моем то весло водрузите, которым
Некогда в жизни, ваш верный товарищ, я волны тревожил».
(Пер. Н. Гнедича.)

Сравните в стихотворении Сефериса:

«...Весла их
указывают место где они спят на побережье».

Историческая перспектива, намеченная в первой части (через сопоставление двух лексических пластов — древнего и современного), а во второй — в образе золота как связи времен — получает свое окончательное разрешение в тройной соотношенности: аргонавты — Одиссей и его спутники — действующие лица стихотворения, к которым автор причисляет и себя. Общим для них является выпавшее на их долю далекое и длительное странствие по морю, наполненное трудностями и перипетиями.

В строке 11 Сеферис говорит, что его герои плывут «не меняясь в измененьи». При отсутствии уточнений эта фраза имеет несколько значений: 1) Не меняясь в своем собственном измененьи — повзрослении, возмужании, старении — что равносильно духовной смерти; 2) не меняясь в окружающем измененьи, т. е. не реагируя никаким образом на события, происходящие во всех сферах человеческой жизни, перемены в окружающем их мире, — оставаясь социально пассивными; 3) не меняясь исторически, т. е. сохраняя в себе и в своей жизни основные черты человеческой жизни вообще, свойственные всем народам и эпохам, или по крайней мере, исторически присущие греческой нации.

Из сопоставления героев стихотворения с аргонавтами и Одиссеем очевидно, что такой общей чертой поэт считает обреченность на скитания по миру.

Убедившись в том, что реально автор сопоставляет своих героев со спутниками Одиссея, а не с аргонавтами, мы остаемся в недоумении: почему же все-таки в подзаголовок он вынес имя аргонавтов? Мы найдем этому объяснение, если вспомним, что в фольклоре любое путешествие в далекий и чужой мир рассматривается как путешествие в подземное царство мертвых. Содержание мифа об аргонавтах также часто трактуется как путешествие в царство Аида. Эта ассоциация не только не нарушает исторической параллели аргонавты — Одиссей — герои произведения, а наоборот, усиливает ее. Во-первых, потому что оно объясняет некоторые оставшиеся непонятными для нас моменты в самом тексте, во-вторых, потому что и в «Одиссее» содержится описание посещения Одиссеем царства мертвых.

В строках 18—19, о которых мы говорили выше в связи с образами Гекубы — Гекаты, остается неясным, почему автор говорит о собаках во множественном числе и называет мыс мысом «собак которые лают». Но несомненно, что в этом образе заключен какой-то очень важный для автора момент в содержании стихотворения. Об этом свидетельствует хотя бы то, что Сеферис отрывает путем enjambement вторую часть этой фразы и выделяет ее в отдельную строку, акцентируя этим не столько существительное (собаки), сколько глагол (лают). Ассоциации Геката—Гекуба оказывается недостаточно для того, чтобы полностью объяснить содержание этих строк. Во вступительной статье к трагедии Еврипида «Гекуба» в переводе И. Анненского Ф. Зелинский проводит параллель между Гекабой — Гекубой, которая может помочь нам понять смысл данного места в произведении Сефериса: «„Курган Псицы“ хранит память о страшной спутнице страшной Гекаты; Геката же, как мы видим, была первоначально тождественна с троянской царицей Гекабой — Гекубой. И вот должна была возникнуть легенда о превращении этой Гекубы в псицу, но и тут не было забыто, что эта псица — не обыкновенная собака: в ее образе были оставлены те чудовищные черты, которые были приличны зверю — спутнику царицы теней» [6, с. 317].

Богиня Геката, осуществляющая связь между живым и мертвым миром, ипостась Артемиды, — богиня охотница. В охоте ее сопровождает свора собак, но только охота ее носит другой характер. Это мрачная, подземная охота среди мертвецов и призраков царства Аида¹⁴. Герои стихотворения плывут там, где охотится богиня Геката, — в царстве мертвых. К тому же, проплывая мимо «мыса собак», они «иногда пели с опущенными глазами». Эта деталь в тексте не случайна. В путешествии аргонавтов участвовал знаменитый певец Орфей, с которым опять-таки связан миф о посещении подземного мира. Герои Сефериса, как и Орфей, живыми побывали (или пребывают) в царстве мертвых. Ассоциации с подземным миром появляются также в строке 15:

«и кровь окрашивала их покорную кожу».

Чья это кровь, в тексте не сказано. Может быть, их собственная, проступившая от напряженного труда, страха или стыда; может чужая; а может, это кровь жертв, которую пьют в подземном царстве души умерших, потому что в данном контексте слово «кровь» ассоциируется со словом «душа» в 1-й и 2-й строках, т. е. несмотря на то, что «спутники» еще живы физически (кровь окрашивает их кожу), внутренне они уже мертвы, они уже сейчас в царстве Аида (кровь для них не является источником жизни)¹⁵. Из сказанного логично сделать заключение, что «спутники» плывут (живут) в преисподней, что Сеферис саму окружающую их действительность рассматривает как царство мертвых, что современный мир, в котором живут его герои и он сам, представляется ему адом¹⁶. Теперь становится ясным, почему в подзаголовке автору необходимо было упоминание об аргонавтах, а не об Одиссее, как можно было бы предположить. Это дало возможность Сеферису дать характеристику не только действующим лицам стихотворения и их путешествию, но и окружающему их миру, на который они не хотят смотреть, опустив глаза. Все путешествие-жизнь «спутников», как и путешествие аргонавтов, есть пребывание в преисподней (в отличие от «Одиссеи», где посещение царства мертвых — только эпизод). История повторяется, современный человек так же обречен на скитания, как аргонавты и Одиссей, судьбу которых он исторически продолжает, но характер его скитаний уже другой, потому что в самом современном мире все поменялось местами. Низ, темный подземный мир, стал миром живых; верх, некий прообраз рая, несущего успокоение, переместился вниз. В жизни «спутникам» не было места, они блуждали, как души в царстве мертвых; в смерти они обрели, по крайней мере, покой. Круг их жизни и судьбы замыкается в третьей части¹⁷. Этот замкнутый круг повторяется и на уровне внешней и на уровне внутренней (содержательной) структуры стихотворения (содержание распределяется по трем частям следующим образом: философско-отвлеченное размышление — символическое описание — философско-отвлеченное размышление).

«Никто их не помнит. Справедливость».

По своему философско-обобщенному характеру последняя часть примыкает к первой. В ней — итог, оценка и постановка новых проблем. Первое

¹⁴ Служительницей Гекаты была Медея, одна из главных героинь цикла мифов об аргонавтах.

¹⁵ Ср. совмещение двух понятий — жизнь и смерть — в образе воды и в образе крови в данном стихотворении.

¹⁶ Может быть, потому такой странной оказывается их смерть. Их душам некуда уходить (спускаться вниз, в Аид), им остается только раствориться в мире, в котором они живут. К тому же их души сливаются с окружающим миром, представленным образами мертвой, а не живой природы (весла, уключины, образ на носу корабля, руль и вода, несущая смерть). При этом необходимо добавить, что Сеферис практически отождествляет подземное царство Аида древнегреческой мифологии с христианским адом, характеризуя современный мир одновременно как то и другое.

¹⁷ Круг замыкает также повое прямое обращение к Платону: стихотворение повторяет сюжетное развитие мысли в диалоге Платона, но только в обратном порядке. Платон начинает «Алкивиада» с рассмотрения проблемы справедливости и от нее переходит к проблеме самопознания, заканчивая диалог рассуждением о соотношении этих двух понятий. Сеферис начинает с самопознания и заканчивает справедливостью.

предложение поднимает уже затрагиваемую выше проблему памяти (строка 32), но если раньше речь шла о внутренней памяти отдельного человека, памяти индивидуальной, то теперь понятие памяти получает значение социальное и историческое. «Никто их не помнит» потому, что они не герои, ничего не оставили по себе, потому, что в самих себе и в мире они были «чужими». Их уход из мира был безболезненным для него и, практически, незаметным (вода-жизнь разбила их отраженья (= души), став водой-смертью, с которой они слились).

Особое место занимает в стихотворении последнее слово — «Справедливость». Неожиданная форма номинативного предложения, категоричная краткость, конечная позиция, отвлеченность значения (очень ощутимая в силу того, что слово это стоит рядом с довольно конкретным утверждением «Никто их не помнит») и кажущаяся нейтральность выделяют его как особо значимое. Ощущение значительности усиливает также некоторая присущая ему избыточность информации как утверждения, сделанного уже после того, когда все логически необходимое сказано. Мы предполагаем в нем авторскую оценку, но чувствуем, что этим его содержание не исчерпывается (ведь, вероятно, неслучайно поэт не воспользовался более однозначно-оценочной формой этого слова — «справедливо»). Мы слышим в его сдержанно-отрывистой интонации наиболее горькую горечь, но одновременно и какой-то стоицизм. В его обобщающей философской глубине есть независимость от контекста (предполагающая, как в словаре, объяснение значения понятия), но одновременно в нем звучит и авторский призыв к читателю размышлять вместе с ним. Оно — толчок, заставляющий нас вернуться к началу стихотворения и осмыслить его в соответствии с заданной им проблемой. Вместе с тем это вопрошающе-оценивающее слово окончательно определяет позицию автора по отношению к своим «спутникам» и разницу между ними и им. Как мы видели, Сеферис отождествляет себя со своими героями не полностью (см. употребление в стихотворении первого и третьего лица глаголов). Он вместе с ними видит «чужого и врага» в зеркале, вместе с ними плывет и переживает счастливые моменты в плавании-жизни, но четко отделяет себя от них там, где речь идет о характеристике их внутренних качеств и их смерти. Позиция его по отношению к героям стихотворения похожа на позицию Одиссея: он плывет вместе с ними, но судьбу их разделяет лишь отчасти. И главное его отличие в том, что в то время, как спутники отказываются от любого познания, он ставит перед собой задачу понять и осмыслить свою жизнь и судьбу, судьбу своих современников и нации вообще, определить нити, связывающие современность и прошлое, и дать в какой-то мере свое понимание философских категорий познания, справедливости и судьбы. Такое отличие есть отличие поэта от толпы, и Сеферис ощущает его очень четко и глубоко.

Речь в произведении идет о справедливости двух типов, тесно примыкающих друг к другу: справедливости, предопределенной внутренними качествами самого человека¹⁸, и справедливости, предопределенной внешними обстоятельствами, от самого человека не зависящими¹⁹. Понимание Сеферисом судьбы похоже на древнегреческое. Он принимает ее как нечто непреложно данное человеку, чего избежать нельзя, что можно только познать и смириться. Судьба происходит из самого человека, определяется его этосом, поэтому в первой части познать себя значит — познать

¹⁸ Ни у Платона, ни у Сефериса слово судьба не называется, но текст стихотворения содержит в себе прямой намек на него в образе «сурового лица на носу», а в диалоге Платона о нем заставляют вспомнить, в частности, следующие строки: «Но смотря в это божественное, вы увидите и узнаете, что такое вы сами и в чем ваше благо» [4, с. 113]. Наличие в диалоге помимо тем справедливости и самопознания еще одной темы отмечает также В. Соловьев в своих комментариях к диалогу, хотя и не называя ее определенно, а определяя как обращение к чему-то высшему и божественному.

¹⁹ В. Соловьев определяет одну из основных тем «Алкивиада» именно как тему социальной справедливости: «В части А нашего диалога главная мысль имеет чисто сократический характер. Это — мысль о справедливости как основании правильного и преуспевающего общества или гражданства» [4, с. 120].

свою судьбу. Как некую внеличную или безличную, Сеферис признает справедливость судьбы. Судьба аргонавтов справедлива. Она определена тем отчуждением, которое они увидели в себе и, с другой стороны, их принадлежностью к греческой нации. Это признание рождает те стойкие нотки, которые мы слышим в авторской интонации последнего слова. Но справедливость как явление социальное Сеферис отрицает. Тот «чужой и враг», которого увидели внутри себя герои стихотворения, — не врожденное их качество. Как говорит автор во второй части, сами по себе они были «хорошие парни», и заложенные в них начала были положительными: трудолюбие, выносливость, простота и естественность, терпеливость. Отчуждение, живущее в них, — качество чужеродное, порожденное внешними обстоятельствами, притом связанными не с природными (ибо природа или нейтральна по отношению к ним (строки 9, 10, 17, 24, 25), или положительна (строки 30—33), или сливается с ними в одно целое (строки 34—37)), а социальными моментами. Оно порождено окружающей их социальной действительностью²⁰, приравненной поэтом к аду. Но о какой справедливости можно говорить в аду? Этот вопрос-ответ встает перед читателем так же, как и перед автором, рождая ту интонацию сдержанной горечи, которая, перекрывая стоическую, слышится в слове «Справедливость».

«Аргонавты» Сефериса являются как бы продолжением диалога Платона, в котором современный поэт пересматривает положения древнего философа на материале современности. И там, где Платон считает, что социальная справедливость возможна (если каждый гражданин в государстве во главе с правителем будет справедлив), Сеферис утверждает, что в современном мире она невозможна, ибо безумен сам этот мир.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жечев М. Гръцки литературни паралели. София, 1979.
2. Жечев М. Поглед към съвременната гръцка литература. София, 1975.
3. Жечев Ст. Сеферис — национален и модерен. — Литературна мисъл, № 1, 1975.
4. Творения Платона. Т. 1. М., 1899.
5. Για τον Ξεφερή. 'Αθήνα, 1961.
6. Театр Еврипида. В переводах И. Анненского, со вступительной статьей Ф. Зелинского. Т. 1. М., 1916.

²⁰ Ср. у Платона:

«Сократ: А из этого следует, что кто не знает своего, тот не знает и чужого.

Алкивиад: Несомненно.

Сократ: Не зная чужого, не будет знать и того, что относится к государствам» [4, с. 112].

К ВОПРОСУ О МЕЖСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТАХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА (на материале Псалтыри Авраамия Фирсова)

1.1. Изучение польско-русских языковых контактов второй половины XVII в. представляет особый интерес. В XVII в. среди русского дворянства распространяется знание польского языка, в Московской Руси появляются многочисленные переводы с польского языка, растет интерес к польской культуре [1; 2; 3]. Замечательно, что великорусские книжники второй половины XVII в. дают порой противоположную оценку польскому влиянию, что в целом связано с их принадлежностью к грекофилам или латинофилам. Так, например, опубликованный М. Сменцовским [4, с. VI—XXVI] трактат «Учитися ли намъ полезнѣе грамматики, риторики, философии...» (предполагаемый автор — инок Евфимий) предостерегает современников от латинско-польского влияния (как на язык, так и на нравы): «...начинаются латинскія и полскія пословицы славенскаго языка въ писаниихъ появлятися; древне же огнюдь таковыхъ глаголаній славяне удаляхуса, зане реченіемъ обыкоша и нравы послѣдовати. Таково-бо латинское ученіе прелестно, яко ножъ медомъ намазанныи: изначала лижущимъ сладокъ и безбѣденъ мнится и елико болши облизуется, толико ближше гортаню ближится и удобно лижущаго заколетъ и смерти предасть» (с. XIV).

В это же время среди великорусских книжников бытует и противоположное мнение о значении польского языка, подчеркивающее изначальное родство польского и «славенского» языков. Так, автор написанного в 1670 г. в Москве «Лексикона языковъ, полскаго и славенскаго» пишет: «Из единого славенскаго языка бѣ разность языковъ и помѣшанія множество, (глю и полскаго) удаляющагося оца своего природства, славы славнѣйшаго древняго славенскаго языка, вмѣшеніемъ латинскаго и французскаго и протчихъ языковъ... Но слово славенско явственню, и во ухитрованіи познаваемо, і сзя ради вины написахъ лексиконъ прежде полскимъ понемъ славенскимъ языкомъ. Да прочитающіи ихъ или преводящіи изъ тѣхъ языковъ увѣдятъ силу ко уразумѣнію правописателства и положеніи реченія, в коемъ языкѣ како имать быти согласіе, въ общую ползу обоихъ въ единстве народовъ» [5, с. 101—102].

Как видим, великорусские книжники конца XVII в. не только констатируют польское влияние, но и дают ему оценку, причем если для одних книжников польский язык был своеобразным проводником «латинской» ереси, то для других он олицетворял «европеизированную разновидность славянской речи» [6, с. 40], использование которой как бы обогащало «славенский» язык.

1.2. Отношение великорусских книжников к польскому языку во второй половине XVII в. вызывает особый интерес также в связи с постепенным изменением в это время языковой ситуации в Московской Руси — переходом от церковнославянского-русской диглоссии к церковнославянско-русскому двуязычию (см. [7]).

Разрушение церковнославянско-русской диглоссии в Московской Руси проявляется как в смешении функций церковнославянского и русского языков (на церковнославянском языке начинают разговаривать), так и в появлении «просторечия» как особой формы литературного языка. Начиная

с конца XVII в. в произведениях некоторых великорусских авторов мы встречаем указание на то, что их сочинения написаны на «простом» языке. Поскольку этот «простой» язык не был кодифицирован, каждый автор создавал его индивидуально. При этом «простота» могла достигаться путем отклонения (порой незначительного) от норм книжного церковнославянского языка, что само по себе было значимым.

1.3. Сам факт появления произведений, написанных на «простом» языке, не является оригинальным для Московской Руси. Еще раньше — в XV—XVI вв. аналогичный переход осуществился в Юго-Западной Руси; в функции литературного языка здесь наряду с церковнославянским языком (югозападнорусской редакции) используется так называемая «проста или руска мова». В целом «проста мова» отличается как от церковнославянского языка, так и от живой диалектной речи. В ее основе лежит актовый канцелярский язык Юго-Западной Руси [7, с. 68]. На этом языке в XVI—XVII вв. пишутся произведения самого различного характера (как церковно-поучительные, так и светские), что способствует нормированию «простой мовы». Перевод на «просту мову» книг Св. Писания (см. [8; 9]) способствует закреплению этого языка в качестве литературного.

1.4. Языковая ситуация Юго-Западной Руси в свою очередь калькировала латинско-польское двуязычие в Польше, причем функциональным эквивалентом польского языка в Юго-Западной Руси являлась «проста мова» [7, с. 70]. Многие произведения, написанные на «простой мове», являлись переводами с польского языка. Как для переводных, так и для оригинальных произведений на «простой мове» характерно большое количество полонизмов на всех языковых уровнях (см. [8; 10; 11]). Зачастую тексты на «простой мове» приближались к кириллической транслитерации польского текста. Влияние польского языка на «просту мову» заметно и в написанной в 1643 г. в Париже Иоанном Ужевичем «Грамматыке словенской» [12].

1.5. Во второй половине XVII в. — первой половине XVIII в. великорусская книжная традиция испытывала сильное влияние со стороны книжной традиции Юго-Западной Руси (см. [13; 7]). При этом в Московской Руси заимствуется именно языковая ситуация Юго-Западной Руси, в том числе понятие «простого» языка как языка, противопоставленного не только церковнославянскому, но и живой разговорной речи. Связь между двумя «простыми» языками (великорусским и югозападнорусским) поэтому несомненна, однако ограничивается ли эта связь только наименованием языков или же между этими языками имеется сходство? Мы попытаемся ответить на этот вопрос путем сравнения языка двух переводов Псалтыри на «простой» язык, один из которых был сделан в Московской Руси, а другой — в Юго-Западной Руси.

II.1. Псалтырь Аврамия Фирсова (1683 г., далее ПФ), известная нам в четырех рукописях¹, является одним из первых памятников, написанных на «простом» языке, и первой в Московской Руси попыткой перевода текста Св. Писания на этот язык. Переводчик в своем Предисловии ставит перед собой именно языковую задачу: перевести Псалтырь на «простой, обыклов, словенской языкъ» (л. I). Текстологический анализ показывает, что перед нами компиляция канонического церковнославянского текста и переводов, сделанных с нескольких польских вариантов Псалтыри. Причем среди последних Фирсов отдает предпочтение Псалтыри из Брестской (Радзивиловской) библии 1563 г., которая послужила источником перевода аргументов к псалмам (кратких изложений содержания псалма перед его полным текстом), многих глосс, стихов и целых псалмов.

II.2. Язык ПФ мы будем сравнивать с югозападнорусским переводом Псалтыри (далее ЮЗП), выполненным в том же XVII в. и, что весьма существ-

¹ Наиболее ранняя из них (оригинал 1683 г.) хранится в ОР ГИМ (Син. 710). Три другие рукописи (ЛОИИ, ф. 238, оп. 1, № 385; ОР ГБЛ, ф. 310, № 9; ЦГИА, ф. 834, оп. 3, № 3974) являются более поздними списками, отражающими несколько иной и, на наш взгляд, более ранний вариант перевода Псалтыри, при этом две последние рукописи (обе — списки середины XVIII в.) восходят к общему протографу. Цитаты в данной статье приводятся по рукописи ГИМ.

венно, сделанным с той же польской Брестской библии. Этот памятник хранится в настоящее время в ОР ГБЛ (ф. 178, № 1017); он был подробно исследован Е. Ф. Карским [8]. Следует отметить, что Карскому известны две рукописные Псалтыри, переведенные на «простую мову»: уже упомянутая ЮЗП и Псалтырь XVI в., также хранящаяся в ОР ГБЛ (ф. 256, № 335). Переводы текстуально отличаются друг от друга, так как переводчики использовали разные польские тексты Псалтыри, однако они обнаруживают значительные языковые сходства, позволяющие говорить о языке этих переводов как о «простой мове».

Тексты ПФ и ЮЗП дают хороший материал для сравнения, так как сравниваемые фрагменты являются переводами одного и того же польского оригинала. Вот почему наблюдения над этими переводами позволяют сравнить не только их язык, но и отношение каждого из переводчиков к польскому оригиналу.

III.1. Для того, чтобы сравнить отношение к польскому тексту великорусского и югозападнорусского переводчиков, сопоставим (выборочно) три текста: польский (из Брестской библии), текст ПФ и текст ЮЗП. Следует отметить, что наибольшее влияние польского текста на текст Псалтырей следует ожидать в аргументах к псалмам, которые, будучи характерны для латинско-польских Псалтырей, совершенно на свойственные греческим и церковнославянским Псалтырям, поэтому переводчики обеих Псалтырей должны были переводить их сами, не опираясь на церковнославянский текст.

Текст некоторых аргументов ²:

Брестская библия	ПФ	ЮЗП
58:2. Uskarżanie przeciw niesprawiedliwości przewrotnych przełożonych.	57:2. Гнѣвается на непотоянныя владѣтели.	57:1. Дѣвдъ се жалуетъ противъ несправедливости превротныхъ преложенныхъ.
58:7. Żąda aby byli pokarani.	57:7. Желаетъ на нихъ казни.	57:7. Жедаетъ абы были покарани.
58:12. Ukazuje jaki pożytek rząd sprawiedliwi wziąć mają.	57:12. Указуетъ каковыя пожитокъ с того праведныя примуть.	57:10. Указуетъ якии пожитокъ тутъ справедливыя взяти мають.
54:3. Będąc scisnionym od nieprzyjaciół modli się chutliwie aby miał wspomóżenie od Pana.	53:3. Стисненъ будучи отъ неприятели молится прилжно, дабы имѣль помощь отъ гсда	53:1. Дѣвдъ будучи утиснены отъ неприятели молится хутливе, абы мѣль споможене отъ гсда.

Вот примеры некоторых псалмов:

60:13. Dajże nam ratunek w utrapieniu naszym abowiemci jest omylny ratunek ludzki.	59:13. Даи же намъ гсди помощь в печали, понеже омылна есть надежда члвческая.	59:11. Даиже намъ ратунокъ в смутку нашемъ бо есть омыльны ратунокъ людский.
73:14. Będąc ubit na każdy dzień a cierpiąc karanie na każdy poranek.	72:14. Понеже мене бѣють весь день, и казнь терплю на всякое утро	72:14. И былъ есмь битъ на каждыи день, терпячи каране на каждыи поранокъ.
96:10. Opowiedajcie między narody iżci Pan kroluje a iż jest utwierdzon okrąg świata tak iż nie będzie wzruszon i będzie sądził narody w sprawiedliwości.	95:10. Возвѣщаите в народѣхъ, иже гсдъ прствуетъ, иже есть утвержень кругъ всего свѣта, такъ, иже не подвигнется, судить народы праведно.	95:10. Повѣдаите межи народы же гсдъ царствуетъ, бо утвердилъ округъ свѣта такъ иже ся не порушить.
108:14. Za pomocą Bożą докаżemy męstwa a on sam poprzece nieprzyjaciółu nasze	107:14. За помощю бжѣю, покажемъ мужество, онъ поразить неприятели нашихъ.	95:11. и будетъ судити люди в справедливости.
116:3. Ogarnęły mię były boleści śmierci i zięły mię utrapienia grobu i potkał mię wciśk i bolesć.	114:3. Обяли были мене болѣзни смертныя, и бѣды адовы с'ѣли мене. Болѣзни гробовы, и поткаль мя и утисненія пришли на мя.	107:14. За помощю бжою докажемъ мужества, а онъ самъ поточчетъ неприятели нши.
		114:3. Огорнули мене болести смерти, и зняли мя бѣды гробовы, и поткаль мя и болестъ.

² В приводимых в статье текстах и словах польскую графику мы приближили к современной; в славянских текстах заменили *ѣ* на *у*, *ѡ* на *о*, *ѣ* на *я* (в силу их функционального тождества), выносные буквы внесли в текст, титла оставили. Цифры указывают номер псалма и стиха соответственно.

III.2. Даже при достаточно беглом взгляде на приведенные выше отрывки видно, что переводчик ЮЗП не особенно заботится о переводе польских слов и грамматических оборотов, в то время как Авраамий Фирсов это, как правило, делает.

Выделим некоторые случаи (на уровне лексики), когда в тексте ЮЗП оставлен полонизм, а в ПФ это слово переведено: *sprawiedliwi* — *справедливые* — *праведныя* (арг. 57 : 12)³, *wspomożenie* — *споможене* — *помощь* (арг. 53 : 3), *czyni dzięki* — *чинитъ дяки* — *теоритъ блгодарение* (арг. 53 : 6 : 8), *ratunek* — *ратунокъ* — *помощь* (59 : 13), *poranek* — *поранокъ* — *утро* (72 : 14), *karanie* — *каране* — *казнь* (72 : 14), *ogarnęły* — *огорнули* — *обяли* (114 : 3), *będzie porażował* — *будеть поправовати* — *будеть исправлять* (118 : 9), *potęsi* — *помститъ* — *отмститъ* (139 : 13), *będzie zachował* — *будеть заховывати* — *будеть сохраняти* (118 : 9), *stowarzyszyłem się* — *стоварищился есми* — *содружился азъ* (118 : 63), *nasienie* — *насьне* — *сьмена* (125 : 6), *rozżarzył się ogień* — *розжарился огонь* — *разгорблся огонь* (38 : 4).

Тем не менее, в ПФ также встречаются полонизмы, которые порой сближают этот перевод с югозападнорусским⁴. Вот некоторые примеры: *pożytek* — *пожитокъ* — *пожитокъ* (арг. 57 : 12), *w ciężkości* — *в тяжкостми* — *в тяжкостми* (80 : 8), *od nieprzyjaciół* — *отъ неприятелю* — *отъ неприятелю* (арг. 53 : 3), *wiatr zewschodni* — *вѣтръ зе востоу* — *вѣтръ со востоу* (77 : 26), *obliczy* — *обличитъ* — *обличитъ* (86 : 6). В обоих переводах встречаются также одинаковые синтаксические полонизмы, например: *za pomocą* *Bożą* — *за помощью бжюю* — *за помощью бжюю* (107 : 14).

Таким образом, в языке обоих переводов Псалтыри встречаются полонизмы, однако если для ЮЗП они являются своеобразной языковой нормой, то в «простом» языке ПФ употребляются, как правило, окказионально. Мы считаем, что в целом нормой для Фирсова было переводить польские слова и грамматические обороты, однако ему, видимо, не всегда удавалось вырваться из стихии польского текста. Вот почему полонизм *pożytek*, встретившийся (в разных грамматических формах) в ПФ 10 раз (из них 9 раз — в аргументах), всегда поддерживается польским *pożytek*; то же относится и к другим лексическим полонизмам: *всходъ* (1 раз), *тяжкостъ* (1 раз), *послуга* (1 раз), *похлѣбникъ* (4 раза) и др., которые мы можем считать лексическими окказионализмами.

III.3. Тем не менее, не все лексические и семантические полонизмы ПФ надо рассматривать как окказионализмы. Иногда Фирсов явно предпочитает полонизм церковнославянскому. Так, слово *дѣдичество* (пол. *dziedzictwo*) он употребил в своем переводе 13 раз, предпочитая его церковнославянскому слову *достояние*, которое в его переводе встретилось лишь 3 раза. То же мы можем сказать о слове *неприятель* (пол. *nieprzyjaciół*), которое встретилось в ПФ 109 раз, в то время как церковнославянское *врагъ* всего 70 раз. В целом таких примеров немного, и полонизмы в данном случае, видимо, входят не только в один семантический синонимический ряд с церковнославянскими, но и в один с ними стилистический ряд, т. е. воспринимаются как функциональные церковнославянизмы (слова *дѣдичество* и *неприятель*, отметим, оформлены славянскими суффиксами)⁵.

III.4. Синтаксические полонизмы ПФ, как правило, также употребляются окказионально и поддерживаются польским текстом. Приведем несколько примеров с польским глагольным управлением: *приклони... ко*

³ Нумерация дана по ПФ.

⁴ Е. Ф. Карский приводит список лексических полонизмов (199 слов), встретившихся в текстах двух югозападнорусских переводов Псалтыри [7, с. 133—146]. 24 лексических полонизма из этого списка есть и в ПФ.

⁵ А. Золтан любезно указал нам на то, что однокоренное слову *дѣдичество* существительное *дѣдичь* (пол. *dziedzic*) уже в середине XV в. зафиксировано в великорусских грамотах, вышедших из канцелярии митрополита Ионы, в составе титула Великого князя *отчичь* и *дѣдичь*. Это сочетание оставалось элементом великокняжеской титулатуры и в XVII в. Вхождение слова *дѣдичь* в великокняжеский титул придавало ему высокий стилистический статус; так же могло восприниматься и слово *дѣдичество*.

мнѣ уха твоего — nakłóń ku mnie ucha twego (30 : 3), *онъ стрежетъ вѣсѣхъ костей его — strzegąc wszystkich kości jego* (33 : 21), *проситъ о оборону и о помощь его — prosi o obronę i o ratunek jego* (арг. 107 : 13), *слушайте... закона моего — słuchaj zakonu mego* (77 : 1).

Однако и среди синтаксических полонизмов следует выделить некоторые конструкции, регулярное использование которых в ПФ не позволяет считать их окказионализмами. Это относится, например, к польской синтаксической конструкции «до + Р. п. существительного», например: *до тебе соберется — zbierzy się do ciebie* (7 : 9), *не приидетъ до него — nie przyjdą do Pana* (31 : 6). Эта синтаксическая конструкция встретилась в ПФ 33 раза, причем 10 раз Фирсов употребил ее сам, не опираясь на польский текст, например: *вопилъ до гсда — wolał ku Panu* (арг. 30 : 2). Такая высокая частотность употребления данной синтаксической конструкции, а также то, что она не всегда поддерживается польским текстом, свидетельствует о том, что это не окказионализм, а полонизм, усвоенный Фирсовым и являющийся одним из элементов «простого» языка. Впрочем, использование этой конструкции сближает язык Фирсова и с югозападнорусским деловым языком, легшим в основу «простой мовы», где она использовалась очень широко, ср. в ЮЗП: *приведутъ до царя...*, *приведутъ до тебе* (44 : 15); *реку до бога* (41 : 9) и др. К концу XVII в. в Московской Руси, возможно, уже была своеобразная традиция использования этой конструкции, по крайней мере — в деловом языке. Во всяком случае, в великорусских документах она встречается с середины XV в. — в грамотах митрополита Ионы в Литву и в Казань [14]. Эта же конструкция зафиксирована и в ответном послании Ивана Грозного к Стефану Баторию, см. [15]. В Грамматике И. Ужевича [12, л. 68] конструкции «до + Р. п. существительного» (*до бога*) и «к + Д. п. существительного» (*ку богу*) даются как вариативные, вероятно, потому, что в польском языке также существовали оба варианта. В ЮЗП также употребляются обе конструкции, ср.: *взывали до гсда* (106 : 6, 19) — *взывали ку гсду* (106 : 13).

Итак, для «простой мовы» конструкция «до + Р. П. существительного» — несомненный полонизм. Полонизмом эта конструкция является и для «простого» языка Авраамия Фирсова, однако сам факт широкого и свободного использования этой конструкции в его переводе свидетельствует, на наш взгляд, о том, что для него эта конструкция не была чем-то инородным, т. е. Фирсов был знаком с традицией использования этой конструкции в деловом языке Московской Руси. А это в какой-то мере может подтверждать традиционное мнение о Фирсове как о переводчике Посольского приказа⁶.

III.5. Еще одним интересным синтаксическим полонизмом является конструкция, состоящая из инфинитива и вспомогательного глагола *имѣти* в форме настоящего (будущего) или прошедшего времени (бессвязочный перфект). Такие конструкции встретились в ПФ 29 раз, причем все они поддерживаются аналогичной польской синтаксической конструкцией. Вот некоторые примеры: *имамъ видѣти — tam oglądać* (26 : 13), *имать пребывати — ma trwać* (73 : 9), *имать быти — ma być* (глосса 80 : 3, арг. 98 : 1), *имѣлъ жити — miał żyć* (48 : 10). Следует отметить, что эта конструкция является не только синтаксической, но и семантической калькой с аналогичной польской конструкции, ибо спрягаемая форма глагола *имѣти* вносит в нее тот же оттенок долженствования, что и польский глагол *mieć*. Любопытно, что дважды Фирсов переводит глаголом *имѣти* польский глагол *musieć* 'быть должным' в составе этой конструк-

⁶ Источником этого мнения является Словарь русских писателей Евгения Болоховитинова [16, с. 230]. Впоследствии все авторы, упоминавшие ПФ, пишут о Фирсове как о переводчике Посольского приказа. Это мнение, однако, не подтверждается документами: ни в списках переводчиков Посольского приказа (ЦГАДА, ф. 138), ни в расходных столбцах Посольского приказа (ЦГАДА, ф. 159, оп. 1), ни в списках подъячих всех приказов (ЦГАДА, ф. 210, оп. 2 и ба) А. Фирсова нет.

нии: *имуть скакать* — *skakać muszq* (гlossa 28 : 6), *имѣль пребывати* — *musiat mieszkać* (арг. 119 : 5).

Как трактовать этот полонизм? Тот факт, что все аналогичные польские конструкции Фирсов переводит одинаково, свидетельствует о том, что для него такой перевод был нормой. На наш взгляд, не следует рассматривать эту конструкцию только как синтаксическую кальку с польской конструкции. Следует учесть, что аналогичная конструкция уже существовала в кодифицированном церковнославянском языке — это форма сложного будущего времени (*имаь писати, имашь писати...*), отличие которой от анализируемой здесь конструкции состоит в том, что вспомогательный глагол, во-первых, не мог выступать в форме прошедшего времени и, во-вторых, не выражал семантический оттенок долженствования. Поэтому, на наш взгляд, в языковом сознании Фирсова польская синтаксическая конструкция в силу определенного формального сходства контаминировала с церковнославянской формой сложного будущего времени. Являясь по существу полонизмом, она имела формальные признаки церковнославянизма. Сказанное выше позволяет нам считать и этот полонизм функциональным церковнославянизмом.

III.6. Следует отметить, что влияние польского языка на язык ПФ больше всего ощущается на уровне лексики и синтаксиса. Если не брать в расчет окказионализмы, хотя и часто встречающиеся в языке Псалтыри, однако являющиеся скорее случайными, чем запрограммированными элементами «простого» языка А. Фирсова, все остальные полонизмы можно разделить на две группы. В первую группу мы выделим полонизмы, выступающие в качестве своеобразных субститутов церковнославянизмов (например, слова: *дѣдичество*, *непріятель*, синтаксическая конструкция инфинитива и спрягаемой формы глагола *имѣти*). Эти полонизмы дополняют церковнославянскую лексику, несколько видоизменяют церковнославянский синтаксис, но не упрощают церковнославянский язык.

Полонизмы, которые мы относим ко второй группе, выполняют в «простом» языке Фирсова прямо прогивоположную функцию — они призваны упростить церковнославянский язык, в особенности архаичный церковнославянский синтаксис. К этой группе полонизмов относятся, на наш взгляд, те лексические и синтаксические полонизмы, которые, будучи известны великорусскому деловому языку, могли использоваться Фирсовым именно с целью упрощения языка Псалтыри⁷. Следует отметить, что Фирсов избегает употреблять традиционные для Псалтыри архаичные церковнославянские синтаксические конструкции. Так, конструкцию с дательным самостоятельным он заменяет придаточным предложением, беря в качестве образца польский текст: *цел. Давшу тебѣ имѣ... — Егда имѣ даги...* (103 : 28). Часто Фирсов использует конструкцию с союзным словом *который*, заменяя ею церковнославянские конструкции с причастиями: *цел. ...и похвалятса о тебѣ любящии имя твое — и возрадуются в тебѣ, которая любятъ имя твое* (5 : 12). Причем «переделка» Фирсовым церковнославянского текста порой почти ограничивается заменой причастий на конструкции с союзным словом: *цел. Да постыдятся вси кланяющіися истуканымъ, хвалящіися о идолахъ своихъ... — Да постыдятся всѣ, которая кланяюся истуканымъ, и которая хвалятъ идолы своими...* (96 : 7).

Таким образом, сопоставление двух переводов польского текста Псалтыри на «простой» язык показывает, что югозападнорусский переводчик и А. Фирсов по-разному относятся к переводимому ими польскому тексту. Переводчик ЮЗП не особенно заботится о переводе польских слов и оборотов, ибо в целом польский текст был понятен его соотечественникам. Поэто-

⁷ О том, что язык Посольского приказа, для которого были характерны полонизмы, использовался с целью упрощения церковнославянского языка, свидетельствует история перевода «Географии генеральной» Б. Варения, выполненного в 1718 г. Ф. Поликарповым. Вначале Поликарпов перевел «Географию» на церковнославянский язык. Петр I остался недоволен этим переводом, и Мусин-Пушкин предложил Поликарпову «исправить» перевод «не высокими словами славенскими, но простым русским языком», а именно: «высоких слов славенских класть не надобять, но Посольского приказу употреби слова» (цит. по [7, с. 97]).

му ЮЗП пестрит полонизмами на всех языковых уровнях, а перевод порой сводится к транслитерации латиницы в кириллицу. Иначе относится к польскому оригиналу Фирсов. Он дает именно перевод польского текста на тот язык, который он называет «простым». Большинство полонизмов употребляется в ПФ окказионально. Те же полонизмы, которые Фирсов употребляет регулярно, используются им как в качестве функциональных церковнославянизмов, так и для упрощения церковнославянского языка. Все это позволяет сделать вывод, что хотя «простой» язык Фирсова вступает в ту же корреляцию с польским языком, что и «проста мова», однако сами принципы корреляции с польским языком у югозападнорусского книжника и у А. Фирсова разные.

IV. При сопоставлении «простой мовы» с «простым» языком Фирсова следует также обратить внимание на одну глагольную форму, которая, казалось бы, сблизжает оба «простых» языка. Речь идет о перфекте, а именно — о форме глагола-связки *быти* — *есми/есмы*. Эта форма, выражающая 1 л. ед. ч., характерна для многих текстов, написанных на «простой мове». В ЮЗП она употребляется очень часто, например, *реклъ есми, есми заговалъ, есми омывалъ* (72 : 13), *былъ есми* (72 : 14) и др. Как правило, эта глагольная форма в составе перфекта соответствует польскому глаголу прошедшего времени с окончанием 1 л. ед. ч. *-et*, присоединенным либо к глаголу, либо к союзу, наречию или местоимению, например: *isteciem zachował, proźnom omył*. Однако переводчик ЮЗП часто использует эту форму самостоятельно. Хотя в Грамматике Ужевича такой формы нет, а есть лишь общие формы прошедшего времени, весьма напоминающие соответствующие польские формы: *ковалемъ, ковалесь* и т. д. [12, л. 43], приведенные выше формы перфекта очень характерны для текстов на «простой мове» [10, с. 70; 8, с. 210]. По мнению исследователей, форма *есми/есмы* в югозападнорусском языке была не искусственной, а древней формой, употреблявшейся в средневековых белорусском и украинском языках и зафиксированной уже в текстах XIII в. Форма *есми/есмы*, по свидетельству Г. Шевелева, получила особое распространение в языке права [17, р. 250].

В ПФ также встречается форма *есмы* (15 раз) в составе перфекта, однако в ее употреблении налицо существенные отличия от текстов, написанных на «простой мове». Во-первых, эта форма глагола-связки используется у Фирсова для обозначения 1 л. множественного числа (в «простой мове» 1 л. мн. ч. обслуживает форма *есмо* [8, с. 210]), в то время как для 1 л. ед. ч. Фирсов использует традиционную форму *есь* (3 раза). Во-вторых, форма *есмы* последовательно употреблена Фирсовым вместо формы аориста церковнославянского текста, хотя остальной текст стиха оставлен, как правило, без изменений, и находит при этом своеобразное подкрепление в польской глагольной форме 1 л. мн. ч. прошедшего времени с окончанием *-śmy/-chmy*, присоединенном либо непосредственно к глаголу, либо к союзу, наречию или местоимению, например: *того есмы и желали — tegociechmy pragnęli* (34 : 25), *слышали есмы — słyszeliśmy* (43 : 2), *обаже есмы не забыли — wszakożeśmy nie zapomnieli* (43 : 18).

Форма 1 л. мн. ч. атематических глаголов на *-мы* (в том числе и *есмы*) отмечена в редких случаях уже в памятниках XI в., а в XII — XIV вв. она становится широко распространенной и вытесняющей форму на *-мъ* [18, с. 48]. Кодифицирована эта форма в качестве нормы для перфекта в форме 1 л. мн. ч. и «Грамматикой» М. Смотрицкого 1648 г. (л. 192об.).

Таким образом, перфект со связкой *есмы* в ПФ следует рассматривать как своеобразную морфологическую кальку с польской глагольной формы 1 л. мн. ч. прошедшего времени, поддерживаемую нормой «Грамматики» 1648 г.

Эти формы, как видим, в «простой мове» и «простом» языке А. Фирсова различаются как функционально, так и стилистически: если в «простой мове» употребление перфекта со связкой *есми/есмы* поддерживается адиями делового языка, то для Фирсова форма *есмы* поддерживается нормой церковнославянского языка.

V. В целом сравнение языка югозападнорусского и великорусского

переводов Псалтыри не дает оснований считать, что «проста мова» оказала какое-либо собственно языковое влияние на «простой» язык А. Фирсова. Этот вывод подтверждает уже упоминавшееся положение Б. А. Успенского о том, что в Московской Руси заимствуется из Юго-Западной Руси именно языковая ситуация и само понятие «простого» языка. Что же касается способов создания этого языка, то югозападнорусский и великорусский книжники шли разными путями.

Если югозападнорусские книжники, ориентируясь прежде всего на разговорную речь грамотных соотечественников, хорошо знавших польский язык, шли по пути полонизации разговорного языка, то великорусский книжник А. Фирсов создает «простой» язык прежде всего путем упрощения церковнославянского языка, используя порой для этого в качестве одного из средств его полонизацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шляпкии И. А. Дмитрий Ростовский и его время. СПб., 1891.
2. Соболевский А. И. Западное влияние на литературу Московской Руси XV—XVII веков. СПб., 1899.
3. Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. Библиографические материалы. СПб., 1903.
4. Сменцовский М. Братья Лихуды. Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII веков. СПб., 1899.
5. Библиотека Московской синодальной типографии, вып. 2. Сборники и лексиконы. Описал Валерий Погорелов. М., 1899.
6. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX веков. М., 1982.
7. Успенский Б. А. Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка. М., 1983.
8. Карский Е. Ф. Западнорусские переводы Псалтыри в XV—XVII вв. Варшава, 1896.
9. Толстой Н. И. Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина XVI—XVII вв.).— В кн.: Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1963.
10. Житецкий П. Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII и XVIII вв. Киев, 1889.
11. Огієнко І. Українська літературна мова XVI ст. і український Крехівський Апостол, т. I—II. Варшава, 1930.
12. Граматика слов'янська І. Ужєвича. Підготували до друку І. К. Білодід, Є. М. Кудрицький. Київ, 1970.
13. Успенский Б. А. Эволюция понятия «просторечия» («простого» языка) в истории русского литературного языка.— В кн.: Советские по общим вопросам диалектологии и истории языка. Тезисы докладов и сообщений. М., 1973.
14. Золтан А. К предистории русского *государь*.— *Studia Slavica*, t. XXIX, Budapest, 1933.
15. Золтан А. Некоторые аспекты польско-восточнославянских языковых контактов в области лексики.— In: *Hungaro-Slavica* 1983. Budapest, 1983.
16. Евгений (Болховитинов). Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. Т. 2. М., 1845.
17. Shevelov G. Y. *Jesmi* «I am» and some verbal endings in Slavic.— In: *Papers in Slavic Philology*, 1. Ann Arbor, 1976.
18. Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. Под ред. Р. И. Аванесова, В. В. Иванова. М., 1982.

ДОСТАЛЬ М. Ю.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНОВЕДЧЕСКОЙ И БАЛКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

С декабря 1978 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР (ИСБ) регулярно проводятся историографические чтения, организуемые секцией историографии и источниковедения научного Совета по комплексным проблемам славяноведения и балканистики, а также сектором историографии и научной информации ИСБ. Об этом начинании уже сообщалось в «Советском славяноведении» [1]. В данной информации речь пойдет об Историографических чтениях, происходивших с мая 1980 г. по май 1984 г. На них было прочитано 46 докладов. Примерно одна треть из них охватывала весь комплекс славистических дисциплин, а остальные были посвящены как исторической, так и филологической проблематике. Выступали как сотрудники Института (15), так представители научных учреждений и учебных заведений Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Саратова, Горького (31).

Проблематика чтений охватывает основные этапы истории отечественной и зарубежной славистики. В марте 1982 г. д-р ист. наук А. С. Мыльников (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинградское отделение) выступил с докладом «Из предыстории изучения отечественной славистики», указав, что датировка становления славистики в России является предметом споров в дореволюционной и советской историографии. Одни ученые связывают ее начало с учреждением кафедр славистики в российских университетах по новому университетскому уставу 1835 г., другие относят начальный рубеж ко второй половине XVIII в. А. С. Мыльников высказал мнение, что создание кафедр славистики не начало, а лишь один из этапов развития славяноведения в России. Научная в современном понимании этого слова и «университетская» славистика имели свою предысторию, когда происходило постепенное накопление знаний о славянах.

Дискуссию о периодизации истории отечественного славяноведения вызвал и доклад канд. ист. наук Л. В. Юрченковой (ИНИОН) «А. А. Кочубинский как историк русского славяноведения» (февраль 1982 г.) [2]. Анализируя труды ученого по указанной тематике, докладчица подчеркнула заслуги Кочубинского в создании одной из первых периодизационных схем истории русской славистики, которой в общих чертах придерживаются и современные ученые. Дискуссия показала, что 1835 г. является не начальным этапом, а внутренним рубежом развития отечественной славистики, официальным, юридическим признанием того, что она достигла определенной степени зрелости.

Начальному этапу славяноведения в России был посвящен доклад М. В. Никулиной (ИСБ) «Основные особенности формирования русского славяноведения в первой трети XIX в.» (декабрь, 1982 г.) [3]. В нем показано, что в первой трети XIX в. научный интерес к славянам выходит из тесных академических рамок, как это было в конце XVIII в.,

происходит некоторая демократизация науки, вовлечение в нее через ученые общества и кружки любителей-непрофессионалов. Расширению фронта славистических изучений способствовало и открытие нескольких университетов, возникновение ряда научно-литературных обществ, рост числа журналов, сообщавших сведения о славянах достаточно широкому кругу читателей. Отечественное славяноведение развивалось в тесной связи с формированием русской национальной культуры, подъемом национального самосознания в связи с Отечественной войной 1812 г., ростом сочувствия в русском обществе национально-освободительным революционным движениям в славянских и других странах. М. В. Никулина выделяет основные черты, присущие тогдашней российской славистике: недифференцированность изучения южных и западных славян от русистики, междисциплинарный синкретизм, свойственный данному этапу становления славистики, преобладание широкого подхода к изучению славянства как в дисциплинарном, так и в территориальном смысле. В противоявлении о чисто филологическом характере славистики тех лет доклад убедительно показал, что славяноведение было комплексным, включало в себя исследования как филологического, так и исторического характера. По мнению М. В. Никулиной, в конце 30-х годов в славистике начали происходить изменения, которые позволяют говорить о новом периоде ее развития: более четкое обособление славистики внутри отечествоведения, появление таких направлений в исследованиях, которые свидетельствовали о начале дифференциации славистических дисциплин и т. д.

Развитию русской славистики первой трети XIX в. посвящен доклад д-ра филол. наук С. Б. Бернштейна (ИСБ) о «Библиографических листах» П. И. Кепшена (ноябрь 1981 г.) [4]. Автор подробно охарактеризовал содержание названного журнала, выходившего в 1825—1826 гг. Он показал, что мнение некоторых исследователей (А. А. Кочубинского, С. Г. Потепалова, Р. М. Цейтлин) о том, что «Библиографические листы» были международным изданием, в котором активно участвовали наиболее видные зарубежные ученые, несостоятельно. Число авторов журнала было ограничено. Большинство заметок написал сам П. И. Кепшен. С. Б. Бернштейн привел также доказательства того, что журнал не был закрыт св. Синодом. По его мнению, журнал перестал выходить из-за тяжелой общественно-политической обстановки, сложившейся в России в результате подавления восстания декабристов, которым Кепшен в определенной мере сочувствовал. Кроме того, в январе 1826 г. умер граф Н. П. Румянцев, на средства которого выходил журнал, не приносивший никакого дохода издателям. Характеризуя славистическую деятельность П. И. Кепшена в целом, С. Б. Бернштейн, вслед за И. В. Ягичем, назвал редактора «Библиографических листов» «просвещенным дилетантом». Большинство участников дискуссии высоко оценили доклад, но не согласились с последним утверждением, считая, что научные познания П. И. Кепшена соответствовали уровню науки того времени.

В мае 1981 г. состоялось заседание, посвященное памяти О. М. Бодянского, одного из первых университетских профессоров славистики в России. В докладе канд. ист. наук Л. Н. Алексакиной (Москва, Академия пед. наук) «О. М. Бодянский в дореволюционной и советской историографии» были охарактеризованы результаты изучения его научного творчества, указаны основные проблемы, стоящие перед современными исследователями многосторонней деятельности О. М. Бодянского. В. В. Ишутин (ИНИОН) в докладе «О. М. Бодянский — ученый секретарь Общества истории и древностей российских при Московском университете» подчеркнул, что годы секретарства Бодянского (1845—1848 и 1857—1877) были наиболее яркими страницами деятельности ОИДР в области славяноведения. Однако в отличие от первого периода, в 60—70-е годы связи ОИДР с отдельными зарубежными славянскими учеными были менее активными, зато расширились контакты с зарубежными научными организациями и обществами. Касаясь одного из наиболее спорных вопросов биографии О. М. Бодянского — причины его отставки с поста ученого секретаря ОИДР и редактора Чтений ОИДР, В. В. Ишутин поддержал точку зре-

ния ряда дореволюционных ученых. Документы свидетельствуют, заявил он, что отставка О. М. Бодянского была вызвана не политическими мотивами, а личной мстью министра народного просвещения С. С. Уварова попечителю Московского университета С. Г. Строганову за его критическое отношение к проекту университетского устава, не получившего по этой причине «высочайшего» утверждения.

Канд. ист. наук Л. П. Кондаурова (ГБЛ) в докладе «О. М. Бодянский и В. Ганка» подробно охарактеризовала личные контакты русского и чешского ученых в 40—50-е годы XIX в., носившие деловой характер и помогавшие О. М. Бодянскому в его педагогической и научной деятельности. Канд. ист. наук Н. М. Пашаева (ГПИБ) в докладе «Славянская библиотека О. М. Бодянского» осветила недостаточно изученную сторону деятельности Бодянского как библиофила. В результате продолжительных поисков докладчице удалось реконструировать в общих чертах богатое собрание книг Бодянского на славянских языках, большая часть которого была проиобретена Московским университетом. Анализ его книжного собрания, восстановленного на данном этапе научных поисков, по мнению Н. М. Пашаевой, свидетельствует, что О. М. Бодянский хотел создать представление у читателей — студентов и преподавателей университета о каждой славянской стране, ее культуре и науке периода национального возрождения. В его библиотеке сохранились редкие книги, представляющие ныне библиографическую редкость даже в самих славянских странах. Н. М. Пашаева в своем докладе «Историческая книга славянских „будителей“». Опыт сравнительной характеристики» (ноябрь 1983 г.) впервые предприняла попытку рассмотреть в комплексе как культурно-исторический феномен коллекцию книг по истории славян периода национального возрождения (вторая половина XVIII в. — 60-е годы XIX в.), хранящуюся ныне в Государственной публичной исторической библиотеке. Она установила тесную взаимосвязь характера книжной продукции с объективными потребностями разных этапов национального движения в славянских землях, с запросами патриотически настроенных читательских кругов (мещанство, духовенство, интеллигенция, крестьянство). Н. М. Пашаева отметила также общие моменты и особенности в содержании исторических книг в разных славянских землях (Чехия, Сербия, Галиция, Болгария), обусловленные неравномерностью и спецификой развития здесь национальных движений, сложившимися историко-культурными традициями.

Несколько докладов были посвящены различным интерпретациям идеи славянской взаимности и их воздействию на научные концепции русских славистов. Д-р ист. наук И. С. Достян (ИСБ) в докладе «Некоторые вопросы предистории славяноведения в России» (март 1981 г.), основываясь на материалах по истории южных славян, показала, что развитие «славянской идеи» в России шло параллельно с процессом узнавания славян, начиная со времени Петра I. По мнению докладчицы, на рубеже XVIII—XIX вв. в среде русских ученых сформировалось мнение о близости славян, об их особых отличительных качествах (героизм, патриотизм), складывалось представление о мессианской роли России в отношении православного населения Балкан и необходимости оказания ему помощи в освободительной борьбе с турками. На основе анализа конкретного материала И. С. Достян опровергла распространенное мнение о том, что Россия не нуждалась в идее славянской взаимности для самоутверждения, развития национальной культуры. Она заявила, что хотя России и не пришлось бороться за национальное возрождение, но и она не раз переживала периоды внешней опасности. В этих условиях «славянская идея» служила сплочению сил на национальной основе. Понимание того, что Россия имеет исторически тяготевших к ней союзников, стремившихся отстоять свою независимость, сознание необходимости оказания помощи в освобождении славянских народов, по мнению И. С. Достян, особенно ярко проявилось в период наполеоновских войн. Впоследствии декабристы (Общество соединенных славян) на основе этой идеи строили планы создания политической федерации свободных славянских народов. И. С. Достян пришла к выводу, что славянофильское учение, сформировавшееся в

30—40-е годы XIX в., выросло не на голом месте, а имело реальные предпосылки в русском общественно-культурном движении предшествующего времени. В дискуссии В. А. Дьяков особенно поддержал мысль автора о том, что развитие «славянской идеи» было связано с формированием национального самосознания не только зарубежных славян, но и русского народа. Он подчеркнул также тесную связь развития национального самосознания и отечественного славяноведения, что подтверждается широким размахом славистических исследований именно в те годы национально-патриотического подъема в России.

Д-р ист. наук И. В. Порох (Саратовский ун-т) в докладе «А. И. Герцен и И. С. Аксаков» показал, что личные контакты этих деятелей отражали взаимоотношения революционно-демократического и либерального направлений русской общественной мысли. Накануне крестьянской реформы 1861 г. имели место попытки взаимного сближения и сотрудничества, после реформы намечается резкое расхождение, отразившее процесс размежевания русского либерализма и революционно-освободительного движения в России. В докладе канд. ист. наук В. А. Китаева (Горьковский ун-т) «Славянофилы и польское восстание 1863—1864 гг.» подчеркивалось, что славянофилы в начале 60-х годов разделили общую судьбу русского либерализма. После отмены крепостного права в 1861 г. исчезла основа оппозиционности либералов, поэтому происходит значительное сближение их с правительственными кругами, хотя полного совпадения позиций не было и не могло быть. Это проявилось и в отношении славянофилов к польскому вопросу.

В мае 1980 г. д-р ист. наук А. Н. Цамутали (Ин-т истории СССР АН СССР, Ленинградское отделение) прочитал доклад «Славянофильская концепция исторического процесса и дискуссия о ней в 40—70-х годах XIX в.». Автор выделил три этапа в эволюции исторической концепции славянофилов. На первом этапе (40-е — начало 50-х годов) в основном разрабатывались философские концепции. Первую историческую концепцию славянофилов в полемике с представителем «государственной школы» К. Д. Кавелиным выработал Ю. Ф. Самарин (а не К. С. Аксаков, как считалось ранее). Основу этой концепции составлял тезис о главенствующей роли христианства в истории России. Утверждение христианства, по Ю. Ф. Самарину, выявило главную особенность русской истории — духовное начало, нашедшее выражение в православной религии. На втором этапе, в 50-е годы, главной фигурой среди идеологов славянофильства становится К. С. Аксаков, который вместе с Ю. Ф. Самариним и А. С. Хомяковым в полемике с другим представителем «государственной школы» С. М. Соловьевым, детализировал историческую концепцию славянофилов, введя в нее наряду с христианством понятие «земля» и «государство», причем «земля», «земство» также выражает православные начала русского народа, наследника славяно-византийских традиций. Конец 60-х — 70-е годы являются, по мнению А. Н. Цамутали, третьим этапом в развитии славянофильских исторических концепций. Главную роль здесь играли труды Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева, мировоззрение которых отличалось крайней реакционностью. В дискуссии д-р ист. наук Л. П. Лаптева (МГУ) подчеркнула, что славянофилы создали свою концепцию истории зарубежных славян. А. В. Гильфердинг считал, что славянам присущи православная религия, общинные начала, отсутствие рационализма и не свойственно насилие. Мнение о миролюбии славян не было придумано Н. Я. Данилевским, а было распространено еще со времен романтизма, от И.-Г. Гердера.

В. Н. Греков (МГУ) в декабре 1983 г. сделал сообщение «Проблема самобытности славян в переписке И. С. Аксакова с В. И. Ламанским (1858—1862)». Он отметил, что указанная проблема приобрела особую актуальность в русской общественной мысли в канун подготовки реформ и активизации национально-освободительной борьбы в славянских землях. И. С. Аксаков и В. И. Ламанский, признавая необходимость сохранения славянами своей самобытности, обнаружили принципиальное расхождение в трактовке этого понятия. В. И. Ламанский, учитывая политическую

ситуацию в славянских землях, видел самобытность в достижении законодательных прав и свобод славянскими народами и поддерживал выдвигавшиеся Ф. Палацким идеи австрославизма и постепенной славянизации Австрии. И. С. Аксаков, исходя из теоретических постулатов славянофильства, трактовал самобытность как максимальное проявление народности, как духовную независимость славян от инопатриотического элемента, в частности освобождение от немецкого влияния в области науки и культуры. Он отвергал идею федеративного устройства Австрийской монархии, считая, что при отсутствии политического гнета австрийские славяне быстрее онемечатся.

В марте 1983 г. состоялись чтения, посвященные 150-летию со дня рождения А. Н. Пыпина. С. Б. Лебедев (Музей «Гангутский мемориал», Ленинград) в докладе «Итоги и перспективы изучения научного творчества А. Н. Пыпина» охарактеризовал его вклад в развитие русской научной мысли и подчеркнул, что многогранная научная деятельность А. Н. Пыпина до сих пор изучена недостаточно. Не создано научной биографии Пыпина, не проанализирована эволюция общественно-политических взглядов ученого, не изучена деятельность Пыпина как журналиста, недостаточно оценено его значение как историка русской общественной мысли, как этнографа, как историка литературы (древнерусской литературы XVIII в., зарубежных славянских литератур XIX в.), как историка, библиографа, слависта и т. д.

Е. П. Аксенова (ИСБ) сделала доклад на тему «Славистическая проблематика в статьях А. Н. Пыпина в „Современнике“». Она подчеркнула, что в публицистике на рубеже 50—60-х годов А. Н. Пыпин был близок к революционным демократам. Его демократические, просветительские убеждения этого периода последовательно отразились в опубликованных в «Современнике» статьях, посвященных проблемам национального возрождения славянских народов, их национально-освободительной борьбы. А. Н. Пыпин последовательно боролся со взглядами славянофилов на славянство, отрывающих славян от общеевропейского культурного развития. В своих статьях он критиковал также национализм, панславизм, почвенничество. Следуя за Н. Г. Чернышевским, А. Н. Пыпин соединял решение национального вопроса у славян с социальными задачами. В заключение докладчица подчеркнула, что материал по истории зарубежных славян в «Современнике» обладает значительным внутренним единством, пропитан революционно-демократической идеологией, что позволяет говорить о наличии на рубеже 50—60-х годов революционно-демократического направления в русской славистике.

И. В. Порох в докладе «А. Н. Пыпин и А. И. Герцен», используя малоизвестные документы, охарактеризовал личные контакты, сопоставил идейные позиции двух видных деятелей русской культуры и подробно осветил два посещения А. Н. Пыпиным А. И. Герцена в Лондоне (в мае 1858 и мае 1859 гг.).

А. С. Озерянский (Дом-музей Н. Г. Чернышевского, Саратов) прочитал доклад «А. Н. Пыпин о славянофилах». Автор отметил, что мнение Пыпина о славянофилах выглядит достаточно авторитетно и в настоящее время. По мнению А. С. Озерянского, он впервые выступил против расширительной датировки, начиная с XVIII в., и отнес его возникновение к 30—40-м годам XIX в., впервые наметил грани, разделяющие славянофильство и реакционную «теорию официальной народности». Славянофилы в 50-е годы провозглашали «народное мнение» важнейшим критерием государственной жизни, а в решении славянского вопроса мечтали не столько о политическом, сколько о духовном сближении славян под эгидой России, о добровольном, а не принудительном принятии ими православия. Докладчик указал также, что А. Н. Пыпин, последовательно критикуя взгляды славянофилов, считал необходимым способствовать «действительному взаимному узнаванию» России в зарубежных славянских странах и славянских народов в России. В целом, по мнению А. С. Озерянского, А. Н. Пыпин оценивал славянофильство как сложное, противоречивое и многогранное явление русской общественной мысли, имеющее

определенные заслуги в развитии русского общества. Славянофилы и западники, считал А. Н. Пыпин, по сути были либералами, находились в определенной оппозиции к царскому режиму, высказывались за такие пути развития России, которые были неприемлемы для сторонников «теории официальной народности».

В дискуссии канд. ист. наук Е. А. Дудзинская (Ин-т истории СССР АН СССР) уточнила, что первым на различие между славянофилами и сторонниками «теории официальной народности» указал не А. Н. Пыпин, а Н. Г. Чернышевский в середине 50-х годов. Уже в 1855 г. он, намного опередив современников, указал, что нет принципиальной разницы между славянофилами и западниками. В критике славянофилов А. Н. Пыпин стоял на позициях Н. Г. Чернышевского. Но говоря об истоках славянофильства, А. Н. Пыпин не пытался определить социальную подоплеку этого движения (необходимость освобождения крестьян), а выводил его из начал философии, романтизма. По мнению Е. А. Дудзинской, трактуя славянофильство как идейно-теоретическое течение, А. Н. Пыпин остался в рамках традиций, характерных для всей буржуазной историографии.

В декабре 1983 г. канд. филол. наук С. Д. Гурвич-Лищинер (ИМЛИ) прочитала доклад «А. И. Герцен, Н. П. Огарев и М. А. Бакунин. Poleмика по славянскому вопросу в 1867 г.». Докладчица проанализировала ответ М. А. Бакунина на просьбу А. И. Герцена высказать свое мнение о Славянском съезде 1867 г. Ответ был опубликован в виде нескольких открытых писем А. И. Герцену в итальянской газете «Libertà e giustizia» с 31 августа по 8 сентября 1867 г. На русском языке он будет опубликован впервые в 96-м томе «Литературного наследства». Ответ М. А. Бакунина наряду с письмами А. И. Герцена и Н. П. Огарева свидетельствует о расхождении в их взглядах по славянскому вопросу. Все вместе они сходились в ненависти к царскому деспотизму. Герцен и Бакунин выступали против идеи освобождения славян Россией. По словам Бакунина, славяне ждут освобождения от усиления мощи Российской империи, а он и его единомышленники от ее распада. В отличие от А. И. Герцена, с оптимизмом смотревшего на возможность создания в будущем свободной славянской федерации, равноправного демократического союза славянских народов, М. А. Бакунин не признавал необходимым создание какого-либо государственного объединения стран. Позиция Н. П. Огарева была иной — он считал, что у славян не хватит собственных сил для освобождения от австрийского и особенно турецкого ига, и потому только Россия может и должна оказать им помощь. По его мнению, усиление в России славянского элемента неизбежно приведет к возникновению в ней крестьянской революции. С. Д. Гурвич-Лищинер заключает, что воззрения Бакунина, Герцена, Огарева по славянскому вопросу были чужды идеи политического панславизма в традиционном его понимании. Это была полемика единомышленников, исповедовавших разные оттенки демократической мысли.

Канд. ист. наук Н. А. Рабкина (Моск. экскурсбюро) в докладе «Славянский вопрос в мировоззрении и исторической концепции К. П. Леонтьева» (январь 1983 г.) попыталась доказать, что Леонтьева нельзя причислять ни к панславистам, ни к поздним славянофилам, а следует определить как «панрусиста». Докладчица отметила, что в отличие от Н. Я. Данилевского Леонтьев отвергал необходимость создания всеславянской федерации, был против участия России в освобождении зарубежных славян. Панславизм он считал слишком либеральным учением, с конституционными устремлениями, которые чреватые революцией. Чтобы избежать этой опасности, Россия, по мнению Леонтьева, должна стоять за «византизм», соединяющий в себе монархические начала, православие и сословность. В противовес Данилевскому и славянофилам, Леонтьев считал более важной для российской государственности опору не на «родственные» славянские, а на «чуждые» азиатские элементы. Н. А. Рабкина отметила, что реакционные взгляды К. П. Леонтьева имели классовую подоплеку — страх правящих кругов России перед общественным прогрессом. Эти взгляды осуждались русским общественным мнением и имели весьма ограничен-

ный круг сторонников. Доклад вызвал живую дискуссию. Канд. ист. наук Л. Б. Милякова (ИСБ) и канд. ист. наук М. А. Робинсон (ИСБ), в частности, подчеркнули, что объективно К. Н. Леонтьев, выступая за необходимость сближения России с Азией, обосновывал экспансию российского империализма на Восток. Многие участники дискуссии указали на полезность объективного, научного, с партийных классовых позиций, рассмотрения мировоззрения таких общественных деятелей, как К. Леонтьев. Это необходимо для создания целостной картины развития русской общественной мысли, не только прогрессивных, но и реакционных течений в ней.

В следующую рубрику сгруппированы все остальные доклады, посвященные отечественной историографии славяноведения и балканистики как в дореволюционный, так и в советский период.

В мае 1980 г. был прочитан доклад «К вопросу об основных направлениях в русском славяноведении с конца XIX в. по 1917 г.». Его автор М. А. Робинсон подчеркнул, что вопрос о философских основах историко-славистических исследований этого периода сложен и малоизучен. По его мнению, большинство русских славистов придерживалось позитивистской методологии, которая тогда еще не исчерпала своих прогрессивных возможностей. М. А. Робинсон считает, что прямое воздействие марксизма на русское дореволюционное славяноведение трудно прослеживается на конкретном материале, возможно, что влияние его было опосредованным. В связи с докладом М. А. Робинсона оживленной дискуссии подвергся вопрос о кризисе буржуазной науки, изучающей историю славян. Л. П. Лаптева высказала убеждение, что кризиса вообще не было, поскольку число славистических исследований росло, расширялась их тематика и источниковая база. Не отрицая этого, д-р ист. наук А. С. Бейлис и В. А. Дьяков отмечали, что позитивизм перестал служить прогрессу науки еще в 80—90-е годы XIX в., когда в России сложилось марксистско-ленинское направление в историографии. Кризисные явления в дореволюционном славяноведении затрагивали прежде всего сферу методологии исследований, проявляясь в мелкотемье, боязни обобщений, отказе от поисков закономерностей исторического процесса.

Канд. ист. наук Л. В. Горина (МГУ) в докладе «Историческое мировоззрение М. С. Дринова» (декабрь 1983 г.) отметила, что этот известный славист и общественный деятель внес значительный вклад в развитие как русской, так и болгарской науки. 30 лет он преподавал славистику в Харьковском университете. Принимая во внимание общественно-политическую позицию Дринова, Л. В. Горина относит его к представителям буржуазно-либерального направления в русской историографии. Докладчица подчеркнула, что проблема философско-теоретических основ исторического мировоззрения Дринова до сих пор является спорной. Одни исследователи относят его к позитивистскому, другие — к романтическому направлению в тогдашней исторической науке. По мнению Л. В. Гориной, на первом этапе своей научной деятельности (60—70-е годы) М. С. Дринов находился под сильным влиянием прогрессивного направления в романтизме, связанного с подъемом национально-освободительного движения в Болгарии. Во второй период на научное творчество С. М. Дринова заметное влияние оказали позитивистские концепции, хотя в решении некоторых исторических проблем он остался на позициях романтизма.

В декабре 1980 г. канд. ист. наук Ю. Ф. Иванов (МГЗПИ) прочел доклад «Д. М. Петрушевский в Варшавском университете (1897—1906)». Он охарактеризовал научную и преподавательскую деятельность видного русского медиевиста, его общественно-политические и философские взгляды. Автор подчеркнул, что Петрушевский стоял на либеральных позициях, был близок к левым кадетам. В своих научных воззрениях он, по мнению Ю. Ф. Иванова, стоял на позициях эклектизма. Это проявилось в интересе Петрушевского к марксизму, признании важной роли социально-экономических факторов в историческом процессе, положительном отношении к марксистскому обоснованию роли личности в истории. Но в целом он оставался идеалистом, спорил с В. И. Лениным

и Г. В. Плехановым по вопросу о материалистическом понимании истории. После революции, как показал Ю. Ф. Иванов, он пытался усвоить марксистскую методологию, но ему это не во всем удалось. В диссертации канд. ист. наук А. Е. Москаленко (МГУ) и В. А. Дьяков выступили против недооценки значения Петрушевского. Они подчеркнули необходимость признания заслуг Д. М. Петрушевского как учителя ряда выдающихся советских историков-медиевистов Е. А. Косминского, С. Д. Сказкина, Л. В. Черепнина и др. М. А. Робинсон и А. Е. Москаленко выразили убеждение в том, что Петрушевский — не эклектик, а идеалист. В его взглядах не было теоретической мешанины, марксизм он просто считал односторонней теорией. Что же касается его интереса к социально-экономической истории, то это было свойственно и позитивистам.

Канд. искусствоведения И. Д. Кызласова (ГИМ) в докладе «Некоторые вопросы изучения древнерусского и славянского искусства в трудах Ф. И. Буслаева» (май 1983 г.) обратила внимание на малоизученную сторону научной деятельности выдающегося русского филолога. Ф. И. Буслаев серьезно занимался вопросами русского и славянского народного изобразительного искусства, специально изучал русские и славянские орнаменты («плетенка» и «звериный стиль»), отстаивая мысль о принадлежности славянской орнаментики к европейскому, а не восточному искусству. В своих исследованиях он обосновывал необходимость применения сравнительно-исторического метода и использовал его сам в изучении истории искусства, сочетая его с принципами культурно-исторической школы.

Л. П. Лаптева в докладе «Изучение источников по истории богомилства в Болгарии русской историографией XIX — начала XX вв.» (февраль 1984 г.) охарактеризовала важнейшие источники по истории этого еретического феодального движения X—XV в. в Болгарии и на Балканах: «Беседу» Козьмы Пресвитора (X в.), «Паноплию» Е. Зигабина (XII в.), «Алексиаду» Анны Комнин (XII в.), «Синодик царя Бориса» (XIII в.), Апокрифы XII—XVII вв. и др. Она последовательно проанализировала историю изучения и издания названных памятников русскими учеными, среди которых были: В. И. Григорович, А. Ф. Гильфердинг, Н. М. Петровский, М. Г. Попруженко, П. А. Лавров, С. Н. Палаузов, Ф. И. Успенский, М. С. Дринов, Гр. Киприанович, Е. Е. Голубинский, К. Ф. Радченко и др. По мнению Л. П. Лаптевой, в русской дореволюционной историографии были выявлены и исследованы в соответствии с уровнем тогдашней науки все известные к тому времени источники по истории богомилского движения в Болгарии. В их изучении она выделила два этапа: 1) 30—70-е годы — период использования источников без достаточного их критического исследования; 2) 80-е годы XIX в. — 1917 г. — период критического изучения и издания источников на основе их сравнительного анализа. Этот этап связан с большими успехами в развитии славянского языкознания в России. Л. П. Лаптева заключает, что благодаря наличию богатой источниковой базы и передовым для домарксистской науки методам исследования русских дореволюционных ученых занимают почетное место в историографии богомилства в Болгарии.

В докладе канд. ист. наук Т. Ф. Аристовой (Ин-т этнографии АН СССР) «Ф. Ф. Аристов — советский ученый, славист и востоковед» (март 1981 г.) рассматривались три основных направления деятельности Аристова в советский период: как исследователя, педагога и пропагандиста советской науки. Докладчица говорила о значении работ своего отца по истории национального возрождения в славянских странах, особенно в Закарпатской Украине.

В октябре 1981 г. в рамках историографических чтений было проведено совместное заседание сектора историографии и сектора истории древнего мира и средних веков ИСБ, посвященное памяти академика В. И. Пичеты. Подробная информация об этом заседании уже опубликована [5].

В апреле 1983 г. Ю. Ф. Иванов выступил с докладом «Изучение советскими учеными средневековой истории Чехии и Словакии». Автор подчеркнул, что советские ученые начали исследование феодальной истории Чехии и Словакии, опираясь на значительные традиции в разработке этой проблематики в дореволюционной русской и чехословацкой науке. Первые работы советского периода на эту тему принадлежали перу буржуазных историков М. К. Любавского, А. Н. Ясинского, которые, уделяя большое внимание социальным сюжетам, вплотную подошли к материалистическому пониманию истории. В 30—40-е годы происходило переосмысление с марксистских позиций буржуазной историографии о средневековой истории Чехии. Много сделали в этом плане А. К. Косминский, И. Ф. Ивашин, З. Неedly, В. И. Пичета и др. В послевоенный период (1947—1965) началось интенсивное исследование указанной проблематики, было защищено 25 кандидатских диссертаций, из них 15 по гуситской тематике. Хорошо разработаны вопросы социально-экономических предпосылок гуситских войн, учение Я. Гуса, идеология и практика таборитов, хилизм и др. В 70-е годы после некоторого периода охлаждения интереса исследователей к истории Чехии периода феодализма началось изучение истории позднесредневекового чешского города.

Проблемы историографии славистики в зарубежных социалистических странах осветили А. С. Бейлис (октябрь 1980 г.) и канд. ист. наук М. Ю. Досталь (апрель 1982 г.). А. С. Бейлис в докладе «Основные направления развития исторической науки в НРБ (1944—1980)» отметил, что историческая наука после победы социалистической революции в Болгарии в 1944 г., преодолевая многочисленные препятствия, неуклонно развивалась и совершенствовалась. Этому способствовали, по мнению автора, два фактора: опора на разработанную Д. Благоевым и его соратниками марксистскую концепцию исторического процесса и использование опыта советской исторической науки. Автор рассматривает три основные проблемы болгарской историографии указанного периода: дискуссию о периодизации исторической науки в НРБ в 60-е годы, полемику 50-х годов по вопросу о классах и классовых отношениях в болгарском обществе периода национального возрождения, главным образом о классовой сущности чорбаджийства, и, наконец, освещение новой истории Болгарии, разрабатываемую современными болгарскими историками (аграрные отношения и крестьянское движение XIX в., внешняя политика Болгарии до первой мировой войны, рабочее и социалистическое движение). В заключение автор указывает, что после 1944 г. болгарская марксистская историография достигла значительных успехов. В ней успешно используется сравнительно-исторический и типологический методы.

М. Ю. Досталь в докладе «Изучение методологии славистики в Чехословакии в 1945—1980 гг.» рассмотрела дискуссии в чехословацкой науке о предмете славистики, проходившие на страницах журнала «Slovanský přehled» в 1965—1966 гг., о задачах исторической славистики на Либлицкой конференции в мае 1966 г. и на 6-м Международном съезде славистов в Праге в августе 1968 г. Эти вопросы обсуждались также на симпозиумах по истории славистики в Штиржине-у-Бенешова в сентябре 1967 г. и в Праге в 1971 и 1975 гг., а также на заседаниях Международной комиссии по истории славистики 1972, 1973, 1975, 1977, 1978 и 1980 гг., в выступлениях чехословацких ученых на Варшавском 1973 г. и Загребском 1978 г. съездах славистов.

Предмет славяноведения историки ЧССР (М. Куделка, З. Шимечек, Р. Вечерка и др.) определяют как комплекс исторических и филологических наук, изучающих «все проявления этнического родства славянских народов, исследуемых специфическими и адекватными методами отдельных научных дисциплин».

Достаточно разносторонне было освещено на историографических чтениях развитие славистики в неславянских странах. В докладе Л. П. Лаптевой «Славяноведение в Германии в XIX в. — первой половины XX в.

в освещении историков ГДР» (декабрь 1981 г.) отмечается, что имеющаяся литература позволяет представить впечатляющую картину развития немецкой славистики с начала ее возникновения. Ученые ГДР выработали четкую периодизацию развития этой науки в Германии, определили особенности каждого из пяти ее этапов. Они считают, что на начальном этапе развития славистики в Германии (XVIII — начало XIX в.) преобладала лингвистика, рассматривавшаяся как часть индоевропеистики. Историки ГДР выделяют два основных направления в немецкой славистике. Одно из них — прогрессивное, ратующее за сотрудничество со славянами, за взаимное культурное познание, другое — славянофобское, оправдывающее угнетательскую ассимиляторскую позицию господствующих классов Германии. Ученые ГДР считают, что эти направления существовали на всех этапах развития славистики в Германии, но соотношение их менялось в зависимости от общественно-политической ситуации в стране и задач внешней политики господствующих классов.

А. С. Мыльников в докладе «Славяноведение в университетах ФРГ» [6], прочитанном в ноябре 1980 г., показал ведущие тенденции и перспективы развития славяноведения в этой стране, рассмотрел проблемы организации науки, кадров, финансирования, связи с общественной идеологией, с политикой правящих кругов. В задачи университетской славистики в ФРГ, по наблюдениям докладчика, входят научная разработка проблем славянской филологии (прежде всего русистики), сбор культурной и прочей информации и использование ее для антикоммунистической пропаганды. А. С. Мыльников подчеркнул, что восточноевропейские исторические и отчасти литературоведческие исследования в ФРГ имеют в большинстве случаев ярко выраженный антисоветский характер. Однако, если в 50-е годы рекомендации по преподаванию истории Восточной Европы в ФРГ носили откровенно реваншистский характер, то в конце 70-х годов в связи с процессом разрядки международной напряженности было признано необходимым воспитывать молодежь в духе взаимопонимания с СССР, что отчасти смягчило антикоммунистическую направленность славистических исследований в стране.

Проблемы развития французской славистики были рассмотрены в докладе канд. ист. наук Е. Л. Валева (ИСБ) «Институт славянских исследований в Париже» [7], заслушанном в марте 1981 г. Докладчица показала связь возникновения Института не только с научными потребностями развития славяноведения во Франции (необходимость создания единого автономного координационного и организационного центра), но и с такими событиями международной жизни, как Великая Октябрьская социалистическая революция, образование независимых славянских государств после распада Австро-Венгрии и др. Именно сложившаяся обстановка, отмечает Е. Л. Валева, заставила правящие круги Франции поддерживать идею создания Института, которая, по их мнению, должна была способствовать усилению французского влияния в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Институт славянских исследований, основанный в 1920 г., имел комплексный историко-филологический характер. В докладе подробно проанализирован устав, определивший организационный статус Института, его структуру, связь с филиалами, основанными по образцу парижского Института в славянских странах, рассмотрена основная научная проблематика проводившихся исследований в области истории славян, славянской филологии, искусствоведения, охарактеризованы периодические издания Института. После образования народно-демократических государств в Центральной и Юго-Восточной Европе филиалы Института в славянских странах постепенно прекратили свое существование, тем самым значительно уменьшилось влияние Франции на развитие славяноведения в этих странах. Проанализировав основные издания Института, докладчица пришла к выводу, что он сыграл важную роль в развитии французской славистики.

В докладе канд. филол. наук В. Э. Орла (ИСБ) (март 1984 г.) «Славянская этимология во Франции. Конец 40-х — 50-е годы XIX в.» на материале работ выдающихся французских этимологов-славистов А. Вайана,

Р. Бернара и А. Мазона⁷ рассматриваются основные изменения в концепции праславянского языка и в приемах этимологического исследования, характерные для указанного периода. Отмечается, что уже в работах А. Вайана 40-х годов ясно выражена идея анализа слова в его совокупности, как явления словообразовательного уровня. Новые принципы исследования освещаются докладчиком в связи с предлагавшимися А. Вайаном конкретными этимологическими решениями, многие из которых в настоящее время воспринимаются критически. В. Э. Орел считает, что для начальных этапов утверждения новых методов в практике французских славистов характерно сочетание верных теоретических установок с не всегда удачным их использованием в конкретных исследованиях. В докладе отмечаются некоторые существенные параллели между работами французских этимологов-славистов и их коллег из других европейских стран (чехословацкая этимологическая школа и др.).

Некоторые особенности развития славистики в Англии были рассмотрены канд. ист. наук С. В. Тумановой (МГУ). В ее докладе «Р. У. Ситон-Уотсон как историк югославян» [8] (декабрь 1980 г.) показывается, что английский историк и общественный деятель Р. У. Ситон-Уотсон (1879—1951) был тесно связан с общественно-политическим движением в югославянских землях накануне первой мировой войны. Он известен как создатель Школы славянских исследований в Лондоне, которая стала координационным центром не только научной работы, но и подготовки английских и американских специалистов, изучавших славянские страны. С. В. Туманова охарактеризовала основные труды ученого по истории югославянских народов XIX — начала XX в. и указала, что в области методологии он стоял на позициях позитивизма, переходящих в неокантианство, что свидетельствовало о кризисе буржуазной историографии.

И, наконец, назовем несколько выступлений, тематика которых затрагивает одновременно вопросы дореволюционной и советской отечественной и зарубежной историографии.

Вяч. Вс. Иванов в докладе «Структурный метод в зарубежной и славянской филологии (по материалам отечественной и зарубежной славистики предвоенного периода)», прочитанном в феврале 1982 г., рассмотрел вопрос о предистории создания Пражского лингвистического кружка, возникшего в 1926 г. По его мнению, начало структуралистских воззрений участников кружка надо искать во влиянии не только трудов Ф. де Соссюра, но и, в особенности, идей представителей казанской лингвистической школы И. А. Бодуэна де Куртене и Н. В. Крушевского, продолжателями научных традиций которой впоследствии выступили основатели Пражского лингвистического кружка Р. О. Якобсон и Н. С. Трубецкой. Вяч. Вс. Иванов подчеркивает, что параллельно структурализм развивался и в трудах советских лингвистов, о чем свидетельствует еще малоизученное научное творчество Е. Д. Поливанова, работы других членов общества изучения поэтического языка (ОПОЯЗ) в Петрограде — В. В. Шкловского, Б. М. Эйхенбаума, Ю. Н. Тынянова, Л. П. Якубинского, С. И. Бернштейна, членов московского лингвистического кружка — Н. Ф. Яковлева, П. Г. Богатырева и др., а также Б. В. Томашевского и В. Я. Проппа и др. Докладчик отметил, что члены Пражского лингвистического кружка Р. О. Якобсон, Н. С. Трубецкой, В. Матезиус, С. О. Карцевский, Б. Трнка, В. Скаличка, Й. Вахек, П. М. Коржинка в своих работах пытались применить основные положения фонологии к современным языкам, в том числе и славянским. Идеи структурализма члены кружка широко использовали также в своих работах по истории языка, по вопросам морфологии, по описанию других языковых уровней. Многие члены кружка обращались также к структурному изучению литературы, фольклора, этнографических материалов. В заключение Вяч. Вс. Иванов указал, что теорегические идеи членов Пражского лингвистического кружка могут по праву считаться началом современной семиотики.

В феврале 1983 г. состоялись Историографические чтения, посвященные 300-летию со дня смерти Ю. Крижанича, видного славянского учено-

го, писателя и общественного деятеля XVII в. Е. Н. Пащенко (Киев) сделал доклад на тему: «Ю. Крижанич как писатель барокко». По мнению автора, Ю. Крижанич был типичным представителем барочного «славизма», в сложной судьбе и противоречивых взглядах которого отразились характерные черты эпохи барокко. Будучи хорватом по происхождению, Ю. Крижанич с наибольшей ясностью и полнотой отразил чувства этнической общности, проявившиеся в то время в хорватской литературе, придав им общеславянский характер. Он стал одним из первых идеологов солидарности славянских народов против чужеземного ига и сторонником их сплочения вокруг русского государства путем унии православной и римско-католической церквей. По мнению Е. Н. Пащенко, Ю. Крижанич оставался католиком и в России, но не считал православие схизмой, а унию расценивал не как подчинение, но как союз церквей, подчеркивая необходимость объединения христианского мира перед лицом турецкой опасности. Его деятельность и была направлена прежде всего на то, чтобы создать почву для союза православной и римско-католической церквей; однако он не нашел должной поддержки ни в Риме, ни в Москве.

Анализируя «Политику» Ю. Крижанича, написанную в тобольской ссылке, Е. Н. Пащенко приходит к выводу, что это сочинение, жанр которого еще в то время не определился, принадлежит к литературе славянского барокко. В нем соблюдено требование «среднего штиля». Полигистерство, обилие имен, пестрота в стилистике и т. д. являются характерными признаками принадлежности трактата к литературной культуре барокко. Исходя из стилистики «Политики», докладчик выделяет два ее адресата: во-первых, царя, верховные власти России, во-вторых, демократические слои общества. В заключение Е. Н. Пащенко подчеркнул, что талант Ю. Крижанича в определенный период его жизни раскрылся в духовной атмосфере русской литературы и был направлен на служение русскому государству, поэтому его творчество данного периода следует рассматривать как одно из проявлений культуры русского барокко.

В докладе В. В. Ишутина «Об издании трудов Ю. Крижанича в Обществе истории и древностей российских при Московском университете» на новых документах рассмотрена история подготовки полного собрания сочинений Ю. Крижанича, оставшегося незавершенным. Работа над ним с перерывами продолжалась с 80-х годов XIX в. до первой мировой войны; в подготовке издания участвовали многие известные русские ученые: А. А. Шахматов, В. Н. Щепкин, Б. М. Ляпунов, С. А. Белокуров, П. А. Бессонов и др.

Д-р ист. наук Е. П. Наумов (ИСБ) в докладе «Ю. Крижанич в творчестве академика В. И. Пичеты» проанализировал эволюцию взглядов видного советского слависта на деятельность Ю. Крижанича, к исследованию которой он неоднократно обращался в продолжении своей жизни. По мнению докладчика, в первых работах, написанных незадолго до революции 1917 г., В. И. Пичета еще не был свободен от влияния русской буржуазной историографии и оценивал Ю. Крижанича как русского и славянского патриота, почти «православного» деятеля. Впоследствии он более тонко, конкретно и объективно характеризует Ю. Крижанича как католического деятеля, поборника унии, определил тенденциозность его сочинений, указал положительные и негативные черты его деятельности.

В докладе д-ра филол. наук В. В. Нимчука (Ин-т языковедения АН УССР) «Киевские глаголические листки: история открытия и исследования» (май 1984 г.) отмечается, что этот древнейший памятник старославянской письменности, относимый к X в., уже более ста лет составляет предмет дискуссии ученых разных стран. Много загадок таят в себе его язык, содержание, палеография и, наконец, происхождение и открытие. В. В. Нимчук на основании писем и дневников прошлого века восстанавливает историю обнаружения этого памятника. По всей вероятности, глаголические листки были приобретены начальником русской духовной миссии в Иерусалиме архимандритом Антонином (А. И. Капустиным) в монастыре св. Екатерины на горе Синай в 1870 г. Через два года он подарил их Киевской духовной академии, а в 1874 г. листки были открыты

для науки акад. И. И. Срезневским, обратившим на них внимание на выставке древних рукописей, приуроченной к Археологическому съезду в Киеве. И. И. Срезневский впервые опубликовал и прокомментировал этот памятник. Приведя палеографические и лингвистические доказательства, В. В. Нимчук оспаривает утверждение австрийского филолога Й. Хамма [9], что «Киевские глаголические листки», вероятно, являются подделкой XIX в., осуществленной В. Ганкой. Он ссылается также на заключение сотрудников Научно-исследовательского института судебной экспертизы в Киеве и Проблемной лаборатории Радиофизического факультета Киевского государственного университета, которые исследовали химический состав чернил рукописи методом спектрометрии, провели ее микроскопический анализ и констатировали древнее происхождение этого памятника [10].

Таким образом, на наш взгляд, Историографические чтения в целом успешно освещают наиболее важные, подчас спорные проблемы, относящиеся к истории славяноведения, затрагивают новые или слабо изученные вопросы, которыми интересуются в настоящее время ученые, занимающиеся славяноведческо-балканистической историографией, а также координируют их исследовательскую работу. Однако пока еще чувствуется недостаточно активное привлечение к участию в них специалистов по славянской и балканской филологии, искусствоведения, фольклористики, этнографии, а также ученых, занимающихся историей славяноведения и балканистики в советский период.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Валева Е. Л., Досталь М. Ю.* Историографические чтения в Институте славяноведения и балканистики АН СССР.— Советское славяноведение, 1980, № 6, с. 120—123.
2. *Юрченкова Л. В. А. А.* Кочубинский как историк зарубежного славянства.— Автореф. канд. дисс. М., 1983.
3. *Никулина М. В.* Об основных направлениях отечественной славистики в первой трети XIX в.— Уловые вопросы советского славяноведения (Тезисы докладов и сообщений IX Всесоюзной научной конференции историков-славистов). Ужгород, 1982, с. 335—336.
4. *Бернштейн С. Б.* «Библиографические листы» П. И. Кенпена.— Известия АН СССР, Серия лит. и языка. М., 1981, т. 41, вып. 1, с. 47—58.
5. *Мельников Г. П.* Чтения, посвященные академику В. И. Пичете.— Советское славяноведение, 1982, № 5, с. 123—124.
6. *Мильников А. С.* Восточноевропейские исследования в университетах ФРГ: организация и проблематика. Славяноведение и балканистика в зарубежных странах. М., 1983, с. 66—124.
7. *Валева Е. Л.* Институт славянских исследований в Париже.— Славяноведение и балканистика в зарубежных странах. М., 1983, с. 125—146.
8. *Туманова С. В. Р. У.* Ситон-Уотсон как историк югославянских народов.— Автореф. канд. дис. М., 1981.
9. *Натт J.* Das glagolitische Missale von Kiev. Wien, 1979.
10. *Німчук В. В.* Київські глаголичні листки. Київ, 1983.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Bibliografie českých vydání K. Marxe a F. Engelse. Praha, 1983, 126 s.

Библиография чешских изданий К. Маркса и Ф. Энгельса

К славной юбилейной дате, отмечающейся всем человечеством в 1983 году, — 165-летию со дня рождения великого мыслителя и ученого К. Маркса — в издательстве «Свобода» вышла «Библиография чешских изданий произведений К. Маркса и Ф. Энгельса». Этот справочник подготовлен Я. Шустровой; предисловие к нему написала М. Сватошова, в качестве консультанта ИМЛ при ЦК КПЧ выступил Я. Станек.

Предисловие к библиографическому справочнику является фактически кратким очерком истории публикаций произведений К. Маркса и Ф. Энгельса на чешском языке с XIX в. до наших дней. Много ценного материала сообщается о самых ранних изданиях отдельных сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, имевших порой сложную историю. Отрывочные обычно сведения о первых чешских переводчиках произведений классиков марксизма Л. Кохмане (псевдоним — Ла Либерта), А. Радимском, П. Крюшке, Й. Крапке-Находском предстают здесь в более систематизированном виде. М. Сватошова указывает на большую работу, проделанную в 30—40-е годы XX в. Л. Штоллом (он был редактором центральных органов печати КПЧ) в качестве переводчика текстов К. Маркса и Ф. Энгельса. Читателям напоминает о первом книжном издании первого тома «Капитала» в 1913—1915 гг., подготовленном группой переводчиков в составе Т. Шмерала, Л. Топшера и Л. Виятера. Кратко воспроизводится история работы над переводом и изданием на чешском языке «Капитала», которой руководил в 40-е годы профессор Ф. Олива. Многолетнее изучение творческого наследия К. Маркса и Ф. Энгельса чехословацкими историками-марксистами позволило начать целенаправленную работу по изданию собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на чешском языке. За основу было при-

нято 2-е издание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, подготовленное Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

М. Сватошова указывает, что после завершения издания сочинений на чешском языке (вышло 39 томов) были также опубликованы экономические рукописи Маркса 1857—1859 гг. Она сообщает также, что в настоящее время ведется работа по изданию еще 11 томов (т. 40—50) на основе дополнительных томов 2-го издания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, выпущенных с 1975 по 1981 год в Москве.

Помимо обширного предисловия, рецензируемое издание содержит разделы, в которых дается характеристика 39-томного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса (с. 39—67), справочных изданий к нему, чешских книжных изданий работ Маркса и Энгельса в период с 1876 по 1938 гг., а также существующей на чешском языке биографической и мемуарной литературы о К. Марксе и Ф. Энгельсе (в том числе переводной).

Большой интерес представляет глава «Чешские книжные издания работ Маркса и Энгельса в период с 1876 по 1938 гг.». В ней перечисляются в хронологическом порядке 65 изданий, выпущенных за указанные шесть десятилетий. В каждом случае дается подробное библиографическое описание. Наряду с информацией, содержащейся на титульном листе, приводится настоящее имя переводчика, скрывшегося за псевдонимом, а также степень точности воспроизведения текста. Особо отмечены случаи конфискации изданий или запрета на распространение, а также указано место нахождения единственных уцелевших экземпляров отдельных изданий. Таковым является, например, издание Манифеста Коммунистической партии на чешском языке 1893 г., сохранившееся до наших дней

Только в двух экземплярах. Один из них находится в Центральном партийном архиве ИМЛ при ЦК КПСС, второй — в Государственной научной библиотеке г. Оломоуц. Приводятся также сведе-

ния о факсимильных переизданиях книг, ставших библиографическими редкостями.

Хорева О.

Е. ВЕЧЕВА. *Търговията на Дубровник с българските земи (XVI—XVIII вв.)*. София, 1982, 218 с.

Е. ВЕЧЕВА. *Торговля Дубровника с болгарскими землями (XVI—XVIII вв.)*

Е. Вечева продолжает своей книгой традицию изучения дубровницкой торговли на болгарских землях, начатую еще Иваном Сакизовым в начале столетия. Ей, как и другим исследователям, занимающимся в наши дни этой темой, приходится опираться преимущественно на данные дубровницкого архива и путевые заметки иностранцев [1—3].

В книге три главы: 1. «Структура и организация дубровницкой торговли», где автор поднимает вопросы о факторах, стимулировавших ее развитие, устройстве колоний, торговых компаниях и организации транспорта; 2. «Колонии дубровчан в современных болгарских землях» (имеются в виду колонии в Софии, Провадии, Силистрѣ, Тырново, Шумене, Разграде, Русе, Никополе, Ловече, Видине и Пловдиве); 3. «Объем и роль дубровницкой торговли», содержание которой составляет характеристика экспорта, импорта, цен и участия болгар в дубровницкой торговле.

Е. Вечева делит торговую деятельность дубровчан на Балканах, находящихся под османским господством, на три этапа: проникновение (от середины XV до середины XVI в.); расцвет (до третьей четверти XVII в.); упадок (до конца XVIII в.) (с. 17). Торговые привилегии, полученные от турок, и подъем скотоводства на Балканах она склонна отнести к факторам, стимулировавшим развитие сухопутной дубровницкой торговли.

Морские («коллеганца») торговые объединения дубровницких купцов состояли обыкновенно из двух лиц (нанимателя и исполнителя), сухопутные («компания») — из трех. Широко распространена была «коменда», когда первоначальный капитал вносился одним человеком, получавшим большую часть прибыли (с. 38). Срок деятельности компаний (имеются в виду

и морские и сухопутные объединения) исчислялся чаще всего в 2—3 года. Компании назначали управляющих, пользовавшихся услугами посредников, «крамаров», в ее штат входил курьер. Несколько компаний могли временно действовать совместно. Малые формы компаний автор объясняет недостатком капитала, издержками торговли, трудностями ее развития в Османской империи (с. 48).

Раздел «Пути и организация транспорта», бесспорно, одна из наиболее значительных удач автора. Дороги из глубины болгарских земель вели на Анкону, Варну, Родосто. Последний порт был особенно удобен для разгрузки товаров из Софии, поэтому в 1588—1590 гг. значение варненского порта падает (с. 50). С этого времени из Провадии через Ямполь и Одрин волосьи и буйволодые кожи перевозят по суше на повозках (с. 49). При переходе через горы товары перегружали на коней. Путь Дубровник — София шел через Гыргуре, Нови Пазар и Фочу. Дороги, которые вели в Северную Болгарию и Валахию от Видина, Никополя, сходились у Софии. Также важен был путь через Скопье. Для осуществления перевозок нанимались посредники, самостоятельно договаривавшиеся с перевозчиками. Товары упаковывались в тюки — «балы», тонкие ткани — в сундуки. Для охраны от разбойников привилегированные торговцы имели оружие или нанимали отряд, но специально выделенный янычар сопровождал караван в любом случае (с. 66). В таблице на с. 67—71 собраны данные по варненскому порту: даты, имена торговцев, куда и на каком корабле плыли, какой товар везли, указаны документы.

Из второй главы мы узнаем имена, деловые биографии, социальные характеристики тех, кто вел торговлю — это

почти исключительно дубровчане, изредка упоминаются евреи, но в качестве поднимающейся силы явственно ощущается возникающее болгарское купечество. В конце книги автор даже подсчитает их всех и составит перечень имен. Число же дубровчан значительно, и оно постоянно растет, материал, собранный Е. Вечевой, это убедительно иллюстрирует. Впрочем, это отмечено и для Сербии [4]. Упадок морской торговли Дубровника, таким образом, компенсируется повышенным развитием торговли сухопутной. Показательнее всего в этом отношении София — от 1550—1567 гг. документы сохранили имена 39 выходцев из Дубровника (в действительности их могло быть значительно больше), в 1611 г. епископ-визитатор отметил 58 человек, в 1621 г. письмо на родину подписали уже 185 дубровчан — цифра, внушающая доверие, ибо в это время в городе из 5 тыс. домов 100 принадлежало дубровчанам. Софийская колония бесспорно, была одной из самых крупных на Балканах, ее крах, как, впрочем, и почти всех других, наступает в ходе опустошительной Морейской войны — в 1699 г. колонии уже не существует. Впрочем, не только численный рост населения иллюстрирует история софийской колонии, но и деятельность наиболее выдающихся кушеческих семей (например, Соркочевичей), систему заключения коммерческих договоров, в том числе и местным населением, структуру торговых операций (с. 87). Менее выразительна история других колоний, хотя провадийская (Провадия — один из рыночных центров северо-восточной Болгарии) заметно крупнее остальных.

Из болгарских земель вывозились кожи крупного и мелкого рогатого скота, как сырые, так и обработанные, шкуры диких животных, прежде всего рысьи, грубая и тонкая шерсть, а также воск, хлопок, домашние ткани, ковры (см. главу 3). «Пик» вывоза приходится на 1615—1618 гг. Главным предметом ввоза являлись дешевые английские сукна, движение цен прослеживается по таблице на с. 192—193, показывающей, что они непрерывно росли. Впрочем, иногда цифровые показатели вызывают сомнения. Так, вряд ли без оговорок следовало бы говорить, что цены на коровьи кожи за восемь лет, с 1595 по 1603 г., выросли в три раза (с. 197). Цены на импортируемые товары были более устойчивы, их повышение шло значительно медленнее. Перечень имен болгарских торговцев, контрагентов дубровчан, и вывод о по-

степенном росте их роли в торговле примерно завершают книгу (с. 205—207).

В монографии Е. Вечевой представлена серьезная и обстоятельная сводка материалов из истории болгарского рынка, полученного, в значительной части, путем архивного поиска и подвергнутого вдумчивому анализу.

Отметим теперь спорные места работы. Одним из них является, на наш взгляд, ограниченность историографической базы книги. Речь идет даже не о том, что Е. Вечева в ряде случаев не ссылается на работы, которые она знает и даже характеризует во Введении, как, например, на книгу И. Божича [5], и не о работах, которые позволили бы сопоставить болгарскую торговлю дубровчан, скажем, с сербской или боснийской (кстати, список, приводимый на с. 11 (прим. 13), неполон — в нем не упомянуто даже имя Д. Ковачевич-Коич, автора многочисленных трудов о сухопутной торговле Дубровника на Балканах, но названы исследования о морской торговле), — речь идет о работах, которые прямо относятся к теме труда и к избранному автором периоду. Такова вышедшая много лет назад и хорошо известная статья В. Винавера о дубровницкой торговле в Сербии и Болгарии в 1660—1700 гг. [4]. Имело бы смысл поставить вопрос о норме торговой прибыли (кстати, автор приводит разрозненные данные на этот счет, например, с. 86).

Нам кажется излишне решительным вывод о том, что дубровницкие торговые компании были «обречены на гибель», ибо не смогли перерасти в компании флорентийского или венецианского типа (с. 211) — как известно, дубровчане прекратили свою торговую деятельность не из-за слабости своих компаний, а из-за военных потрясений. Как ни интересен материал об отдельных колониях, но повторенный по одиннадцати городам, он с трудом воспринимается читателем, да и вся вторая глава явно нуждается в выводах. Таблицы, которых немало в книге, почему-то все до одной лишены названий.

И тем не менее следует всячески приветствовать выход книги Е. Вечевой. Успешно продолжая давно намечившиеся традиции, обратившись к одному из крупнейших архивохранилищ на Балканах, она написала важную и интересную работу по истории средневековой балканской экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Френски пътеписи за Балканите XV—XVIII в. София, 1975.
2. Маджарски пътеписи за Балканите XVI—XIX в. София, 1976.
3. Немски и австрийски пътеписи за Балканите XV—XVI в. София, 1979.

OITÓZI E. A *máriapócsi bazilitak cirillbetűs könyvei*. Debrecen, 1982, 138 l, 44 kér.

ОЙТОЗИ Э. Книги кирилловской печати марияповчанских базилиан

В последнее время значительно возрос интерес славистов, в первую очередь филологов, историков культуры и искусствоведов, к старопечатной книге. Начата работа по составлению сводного каталога и описания старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов XV—XVII в. и уже опубликованы первая книга описания, посвященная древнейшей славянской кириллической¹ типографии Ш. Фиоля (составитель Е. Л. Немировский), а также семь выпусков методического пособия «В помощь составителям Сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов» [1—2].

Важной предпосылкой создания сводных каталогов на надлежащем научном уровне является подготовка каталогов отдельных коллекций. Особенно интересны те из них, которые включают исторически сложившиеся книжные собрания регионального характера. Описи таких собраний не только дают материал для сводных каталогов, но и являются незаменимым источником для изучения культурной жизни стран, регионов, городов [3].

С этой точки зрения заслуживает внимания собрание книг кирилловской печати из библиотеки бывшего Марияповчанского монастыря. Каталог этой коллекции, которая ныне разпылена по разным собраниям, составлен венгерским славистом-книговедом Эстер Ойтози и опубликована библиотекой Дебреценского университета как второй выпуск серии «Старые библиотеки Затисского края Венгрии»¹.

¹ Титульный лист монографии напечатан на венгерском и русском языках, вводное исследование на венгерском языке с подробным резюме на русском языке. Названия описываемых книг приводятся на языке оригиналов с сохранением всех особенностей правописания.

4. *Vinaaver V.* Дубровачка трговина у Србији и Бугарској крајем XVII в. (1660—1700).— Историјски часопис, књ. XII—XIII. Београд, 1963, с. 189—235.
5. *Божић И.* Дубровник и Турска у XIV и XV в. Београд, 1952.

Первыми печатными каталогами славянских старопечатных книг из собраний Венгрии были изданные в 1961—1962 гг. каталоги коллекций Эгерской епархиальной библиотеки (составители Б. Паллаги и Э. Збишко, издание Эгерского педагогического института), реформированных коллегиям в Дебрецене и Шарошпотоке и Дебреценского университета (составитель Д. Готтесман, издание Дебреценского университета)². Однако эти собрания сравнительно небольшие, причем преобладают в них книги XVIII в. В отличие от них, марияповчанское собрание включает довольно значительное количество книг конца XVI—XIX вв., среди которых немало редких. Собрание сформировалось при монастыре, основанном в 1753—1756 гг. в небольшом городке Марияповч (комитат Сабольч-Сатмар, Восточная Венгрия). Этот монастырь подчинялся Мукачевскому епископству, которое первоначально было православным, но в результате так называемой Ужгородской унии перешло под управление униатской иерархии. После секуляризации в 1950 г. монашеских орденов Венгрии и национализации их библиотек книги марияповчанской коллекции были переданы в библиотеки Дебреценского университета, духовной академии в г. Ниредьхазе, государственную библиотеку им. Сеченьи в Будапеште; отдельные книги оказались в частных собраниях и лишь одна осталась в ризнице марияповчанской церкви. Э. Ойтози провела большую работу по выявлению и отбору книг марияповчанского собрания. По ее инициативе издания, хранившиеся в Будапеште, были переданы библиотеке Дебреценского университета. Благодаря этому большая часть марияповчанских кириллических

² См. рецензию Я. Исаевича на эти издания в [4].

книг сконцентрирована ныне в двух библиотеках — университета в Дебрецене и академии в Ниредьхазе.

Во вступительном исследовании Э. Ойтози излагает историю формирования марияповчанского собрания. Судя по пометам, дарственным и владельческим записям, большинство книг, входящих в марияповчанскую библиотеку, ранее бывало в Закарпатской Украине. Среди записей о прежних владельцах книг находим имена видных деятелей украинской культуры Антона Коцака, Александра Духновича, Анатолия Кралицкого; отдельные книги поступили из собраний монастырей Мукачева, Красного брода, Буковой горы, Малого Березно-го, Угли.

На основании архивных документов и заметок на самих книгах исследователь приводит интересные сведения о структуре марияповчанской библиотеки и ее внутреннем распорядке, делает наблюдения о составе читателей. В частности, ряд книг использовался в Марияповчанской школе.³

Основную часть рецензируемого издания составляет каталог, в котором указываются названия книг и их выходные данные, сведения о местонахождении и степени сохранности экземпляров, данные о бывших владельцах, а также маргиналии, если они содержат сведения о судьбе экземпляра, об истории библиотеки, о книготорговле. Часть записей на книгах марияповчанского собрания была опубликована в свое время И. Панькевичем [6]; в этих случаях записи не приводятся, дается лишь ссылка на издание Панькевича. Это не совсем удобно, тем более, что публикация И. Панькевича вышла незначительным тиражом и малодоступна для большинства читателей. Отметим также, что при описаниях № 17 («Зобрање короткои науки» Петра Могилы) и № 48 («Алфавит духовный» Исаии Копивского, Киев, 1741) не отмечено, что записи на этих экземплярах были опубликованы И. Панькевичем. Кстати, записи эти были использованы самим Панькевичем и венгерским славистом Л. Дежэ как важный источник изучения закарпатских украинских диалектов [7].

Среди описанных в каталоге Ойтози книг наиболее древние два острожских издания — Библия, напечатанная Ива-

ном Федоровым (экземпляр из с. Шаркадь⁴) и «Книга о постничестве» 1594 г., которую некоторые исследователи приписывают Петру Мстиславу. Вызывают также интерес «Главизны поучительны царю Юстиниану» Агапита в переводе, отредактированном Петром Могилой (Киев, 1628), произведения украинских писателей XVII в. Иоанникия Галитовского («Ключ разумения», 1663 и 1665 г., «Небо новое», 1665 г.), Ивнокентия Гизеля («Мир с богом человеку», 1669), Антония Радвилевского («Огородок Марии», 1676), Ивана Максимовича («Феатрон», 1708). Среди изданий XVIII в. зафиксированы и весьма редкие, например, почаевские Часослов 1778 г. и Псалтирь 1779 г. Из книг московской печати наиболее ранние — Требник мирской и Требник иноческий 1639 г. Книг белорусских типографий две — «Апостол», напечатанный Спиридоном Собо-лем в Кутеино или Буйничих около 1632 г. и «Новый завет» виленской братской типографии 1641 г.⁵ Подавляющее большинство книг марияповчанского собрания изданы на Украине: для книг XVI—XVII вв. их удельный вес 83%, для книг XVIII в. — 77%. Ряд изданий второй половины XVIII в. поступил в марияповчанскую библиотеку вскоре после напечатания. Это относится и к части почаевских изданий, однако большинство их было приобретено после 1862—1869 гг., когда ужгородский типограф В. Егер закупил большую партию почаевских книг у львовского торговца М. Дымета.

В приложении к книге Э. Ойтози дан перечень марияповчанских рукописей (19 единиц). Среди них рукописный сборник XVI в., три ирмологиона XVIII—XIX вв., учебные пособия марияповчанской школы («Физика», «История», и «Наука господарства»), рукопись конца XVIII в. грамматики украинского закарпатского филолога Арсения Коцака.

Каталог составлен на высоком научном уровне. Особенно важно, что автору удалось идентифицировать ряд дефектных экземпляров. По-видимому, опечаткой является дата 1776 при описании второго тома почаевского Октоиха (позиция 103); известные нам экземпляры

⁴ Вероятно, это с. Шарнадь (Горбок), ныне в Иршавском районе Закарпатской области.

⁵ В каталоге не воспроизведены имеющиеся на экземпляре «Нового завета» записи, которым посвящена отдельная статья автора [8].

³ Сведения о преподавании в этой школе ряда предметов на украинском языке приводятся в статье А. Кралицкого [5].

других собраний датированы 1775 годом. Каталог дополняют репродукции титульных листов и страниц описанных книг. Пользование книгой весьма облегчают девять вспомогательных указателей. Для славистов будет полезной и данная в книге библиография, включающая ряд сравнительно малоизвестных научных публикаций.

Работа Э. Ойтози — ценный вклад в библиографию и изучение славянских старопечатных книг. Весьма желательно, чтобы были опубликованы аналогичные описи и по другим зарубежным коллекциям книг кирилловской печати.

Исаевич Я. Д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Немировский Е. Л. К вопросу о создании Сводного каталога старопечатных изданий кирилловского шрифта XV—XVII вв. — В кн.: Книга в Рос-

сии до середины XIX века. Л., 1978, с. 51—61.

2. Исаевич Я. Д. Слов'янські стародруки в історії слов'янської світової культури. — В кн.: IX міжнародний з'їзд славистів: Історія, культура, фольклор та етнографія слов'янських народів. Київ, 1983, с. 148—149.

3. Исаевич Я. Д. Новые каталоги книг кириллической печати. — Археографический ежегодник за 1978 г. М., 1977, с. 346—348.

4. Архіви України, 1966, № 3, с. 97—98.

5. Кралицкій А. Короткий опис монастиря Марія-Повчанского в Угрії. — Галичанин, 1866, вып. 2. Львів.

6. Панькевич І. Матеріали до історії мови південнокарпатських українців. Пряшів, 1970 (Науковий збірник Музею української культури в Свиднику, кн. 2).

7. Дэже Л. Очерки по истории закарпатских говоров. Будапешт, 1967.

8. Ойтози Э. Вильнюсский Новый завет и его маргиналии. — In: Főiskolai tudományok. Az előadások tézisei. Szeged, 1973, 38—39 l.

GERHARD GESEMANN. *Gesammelte Abhandlungen*. Bd. 1. 1981; Bd. 2. 1983. Neuried

ГЕРХАРД ГЕЗЕМАНН. *Собрание сочинений*

Два больших тома (1325 стр.) трудов Герхарда Геземанна дают богатый материал не только для истории немецкой славистики в период между двумя войнами, но и для обсуждения и разработки целого ряда вопросов современной славянской филологии и культурологии.

Жизнь и творчество Г. Геземанна (1888—1948), его научная и педагогическая деятельность с начала века вплоть до второй мировой войны, сначала в Белграде, а затем в Пражском немецком университете тесно связаны с южными и западными славянами. Отличный знаток южнославянского и балканского народного быта, фольклора, древней культуры и литературы Г. Геземанн был автором целого ряда монографий, статей, обзоров и рецензий, большая часть которых представлена в двухтомнике.

Собрание сочинений вышло в известной в ФРГ и за ее пределами серии «Selecta Slavica», редактируемой В. Геземанном (сыном автора рецензируемых книг) и Г. Шаллером. В качестве первой книги этой авторитетной серии появилось в 1979 г. переиздание монографии Г. Геземанна «Героический образ жизни. О ли-

тературе и сущности балканской патриархальности», посвященной проблеме характеристики и народной философии героизма представителей архаических европейских этнографических оазисов-зон — Черногории, Албании, Пеллопонеса, Шотландии и Корсики. В четвертом и восьмом томах серии «Selecta Slavica» помещены небольшие монографии Г. Геземанна «Культура славянских народов» (1936), «Народнохарактериологические типы сербохорватов» (1928), «Сербохорватская литература» (30-е годы, вышедшие на немецком языке отдельными книгами и преследовавшие цель дать суммарную характеристику культуры и литературы южнославянских народов — сербов, хорватов и болгар. Непреходящую ценность имеют характериологические (культурно-антропологические) исследования сербов и хорватов, снабженные типологической классификацией и картами различных типов и «зон цивилизации» народов Балканского полуострова. Обзор сербохорватской литературы начинается с древности и доводится до XX в. При этом не остается без внимания и народное творчество. Болгарской литературе уде-

лено немало места в отдельных статьях о Пенчо Славейкове (1938) и о болгарском романе 1930 г., в философском очерке (1931), где оцениваются романы Димитра Талева, Антона Страшимирова, Людмила Стоянова, Орлина Василева и др. Отдельные работы Г. Геземанна посвящены духовной культуре и культурной истории югославянских мусульман, македонцев и далматинцев. Ему же принадлежит и краткий, но содержательный обзор этнографии, культуры и ландшафта довоенной Югославии (1935). Перечисленные труды помимо научных задач имели задачу ознакомления широкого круга немецких читателей с жизнью, культурой и литературой южных славян. С этой же целью известный немецкий славист писал множество рецензий, обзоров и откликов на книги и научные славистические предприятия в таких журналах, как «Slavische Rundschau» (Прага), «Прилози проучавану народне поезије» (Белград) и др.

Наиболее ощутимый вклад в славистику Г. Геземанн внес своими исследованиями по славянскому, в первую очередь сербскохорватскому, фольклору. Еще на первом съезде славистов в Праге в 1929 г. он выступил с докладом о фольклоре и литературоведении, в котором была предложена авторская программа работ по изучению славянского фольклора и народной культуры. В другой своей работе по поводу новых разысканий народного эпоса в бывшей Вардарской бановине (1932) Г. Геземанн призывал, во-первых, исследовать национальный сербскохорватский эпос на фоне и в масштабах европейского и мирового эпоса и, во-вторых, признать южнославянский, т. е. сербскохорватский и болгарский эпос единым целым. Это ему не мешало в то же время выдвигать тезис о важности географического изучения народной поэзии, ее «диалектологии» и о насущной необходимости изучения соседних балканских этносов, в первую очередь албанского. Его интересовал музыкальный фольклор и музыкальная сторона эпической песни, в том числе и русской. Сам он был занят проблемой записи певцов на фонографические валики, грамофонные пластинки, на звуковую кинематографическую ленту; его привлекала личность исполнителей эпических песен, в том числе и личность Филиппа Вишняча, одного из информаторов Вука Караджича. Привлекали его и древнейшие записи сербских песен, в том числе и знаменитой «Хасанагинице», переведенной на немецкий язык Гёте и другими переводчиками, наконец, от-

дельные эпические песни и герои, такие как Страхица Банович, Вук Лопушина и др. Интерес к эпическим героям отразился и в большом труде Г. Геземанна «Исследования по южнославянской народной эпике» (1926), где помимо анализа образа Воеводы Приезды рассматриваются композиция народных эпических песен, народнопоэтические мотивы и образы в творчестве В. Качича-Миошича, народные элементы в драме Й. Стерии Поповича «Гайдуки» и другие проблемы. Очень важным итоговым трудом немецкого ученого была также помещенная в его собрание сочинений монография «Введение в южнославянскую народную поэзию», вышедшая на польском языке в 1938 г., в которой рассматриваются разные виды народной поэзии, дается их сюжетно-композиционная и стихотворно-музыкальная характеристика, определяются циклы эпической поэзии и предлагается зональная фольклорно-географическая и фольклорно-историческая классификация, на основе которой выделяются следующие культурные зоны: I. Среднеевропейско-паннонская (с подгруппами: а) альпийско-словенской, б) приальпийскохорватской, в) воеводинско-сербской); II. Адриатическая романо-славянская; III. Социально-патриархальная; IV. Старобалканский или балканско-византийский слой; V. Турецко-ориентальные энклавы. Наконец, уместно напомнить, что Г. Геземанн был издателем знаменитого сборника сербско-хорватских песен в записях XVIII в., известного под именем «Эрлангенского». Тем самым он внес весомый вклад в дело издания и исторического изучения южнославянского эпоса.

Не осталась вне научных интересов Г. Геземанна и русская классическая литература. Ей было посвящено несколько исследований, вошедших в первый том собрания сочинений: «Золотой период. Глава о Достоевском» (1923), «Проблематика Достоевского в одной немецкой новелле» (1931), «Один мотив из Достоевского в молодом немецком изобразительном искусстве» (1931), «Достоевский в Германии» (1931), «Мечтатель и другой мечтатель. Глава, посвященная сравнению Гоголя и Достоевского» (1931), «Основные черты характерологии Гоголя» (1924), «Лев Толстой и Бертольд Ауербах» (1926). Г. Геземанн был таким образом одним из первых исследователей, заявившихся проблемой русско-немецких литературных связей XIX в. и восприятием классической русской литературы в Германии в первой трети XX в.

Двухтомник содержит также первую печатную работу автора — его диссертацию, защищенную в 1913 г. в Киле и посвященную проблеме магии, связанной с дождем в Германии. В ней содержится и сравнительный славянский (преимущественно сербский) материал.

Многие из упомянутых работ Г. Геземанна были опубликованы в труднодоступных изданиях, многие рассыпаны в

редких сборниках и специальных журналах. Соединенные вместе и охватывающие более чем тридцатилетний период интенсивной деятельности автора, они дают верное представление о научном пути Г. Геземанна и о его почетном месте в зарубежной славистике.

Толстой Н. И.

ЛОВАНКА МАКСИМОВИЋ Српске средњовековне минијатуре. Београд 1983, 159 с. с 37-ью илл. в тексте + 78 цветных и 170 тоновых илл.

ИВАНКА МАКСИМОВИЧ. Сербские средневековые миниатюры.

Не так часто выходят из печати такие обстоятельные труды, посвященные средневековому книжному искусству славян, как недавно увидевшее свет рецензируемое исследование профессора Белградского университета Иваницы Максимович. В основе издания лежит многолетний труд исследователя, связанный с поисками и изучением обширного материала, разбросанного по книгохранилищам всего мира: пространный перечень владельцев памятников сербского происхождения приведен автором в предисловии — значительная часть иллюминированных рукописей находится в зарубежных библиотеках. Шестьдесят произведений книжного искусства XII—XV вв., подробное описание которых помещено в разделе «Материалы для истории сербской миниатюрной живописи», — это тот основной фонд памятников, без знания художественного оформления которых невозможно представить наследие средневековых сербских каллиграфов и иллюминаторов в целом.

Успех таких обобщающих трудов как книга И. Максимович во многом зависит от того, насколько основательно изучен материал. В данном случае существует обширная литература, посвященная рассматриваемым памятникам и их художественному облику. Автору, в частности, принадлежат научные размышления о Мирославлевом и Вукановом евангелиях, Белградском царемийнике, о миниатюрах боснийских рукописей; много статей написано М. Харисиядис. Книга охватывает более широкий круг памятников, чем давно уже ставший библиографической редкостью, но до сих пор не утративший свою научную ценность

труд С. Радойчица «Старые сербские миниатюры» [1].

Обширное введение показывает роль миниатюр как свидетельств колористических достижений мастеров средневекового искусства, значение композиции текста, орнаментальной заставки или иллюстрации, инициала. Особо отмечена ценность записей писцов. Цель книги И. Максимович — изучение иллюминированных рукописей как произведений искусства.

Книга состоит из двух частей — собственно исследования и описания рукописей. Исследование — «Сербская миниатюрная живопись средневековья» — включает в свой состав четыре главы, три из которых имеют более дробное подразделение, обусловленное структурой материала. Это достаточно четкое построение существенно облегчает пользование книгой и делает ее незаменимым пособием при работе со средневековыми славянскими иллюминированными рукописями.

Первая глава — «Начала миниатюрной живописи и Мирославлево евангелие» — посвящена истокам сербского книжного искусства, неразрывно связанным с оформлением этой иллюминированной рукописи, датированной 80-и годами XII в. И. Максимович привлекает большой сравнительный материал, обстоятельно рассмотренный в ее специальных статьях о Мирославлевом евангелии, выводы которых вошли в рассматриваемую книгу. При всей исключительности декора, этот памятник книжного искусства конца XII в., как показывает автор, является прежде всего продуктом духовной культуры своей эпохи.

Утверждением, что «с Мирославлевым

евангелием сербская миниатюрная живопись вошла в большую семью европейской миниатюры» (с. 24), начинается глава, в которой рассмотрена роль основных элементов декора сербской книги XIII в. В ней речь идет о человеческой фигуре (в миниатюрах и инициалах), о связи изображения с текстом, об элементах звериного стиля в инициалах, о геометрическом и растительном орнаменте в иллюминации сербских рукописей и о соотношении книжной миниатюры и монументального искусства. Здесь систематизированы и обобщены многочисленные наблюдения, как уже вошедшие в литературу, так и принадлежащие автору книги. Особо следует отметить тезис, согласно которому звериные инициалы некогда выполняли функцию иллюстрации и были связаны с текстом (с. 30). В свое время на примере Остромирова евангелия нами было установлено аналогичное положение [2]. Фиксируя элементы общности миниатюры со стенописями и архитектурной пластикой, И. Максимович отмечает, что воздействие монументального искусства на миниатюру могло быть опосредованным. Но, по-видимому, могло иметь место и обратное явление, когда книжная иллюстрация использовалась в качестве образца при выполнении стенописей. Особенностью иллюминации сербских рукописей XIII в. является то, что она возникла и развивалась на водоразделе византийской и романской художественных традиций. Их воздействие обусловило определенную компаративность стиля, которую, однако, нельзя отождествлять с эклектикой.

Сербское книжное искусство достигло своего расцвета в XIV в., и поэтому вполне оправдано отведение памятникам этого времени центрального места в книге. Исследовательница не оставила без внимания ни один из аспектов развития искусства книжной иллюминации, и, отмечая ее разнородность, в первую очередь предпочла сгруппировать материал по центрам и книгописным мастерским. Такой подход представляется единственно правильным как позволяющий совместить сепаратный и комплексный методы изучения. Среди миниатюр XIV в. автор выделяет циклы изображений евангелистов с персонализацией Премудрости, а также иллюстрации мюнхенской Псалтири и белградской Александрии. Не простой оказалась систематизация орнаментальных композиций. И. Максимович различает византийскую и геометрическую орнаментику. Если первую

можно отождествить, за некоторыми исключениями, с эмальерным стилем, то понятие геометрической орнаментики оказывается, на наш взгляд, слишком широким, особенно в отношении к материалу, который требует дифференциации. Дело в том, что трудно его в одинаковой мере распространять как на композиции с архитектурными, так и с растительными мотивами. При отсутствии четкой специальной терминологии каждый исследователь славянской иллюминированной книги фактически вынужден прибегать к тем определениям, которые ему представляются наиболее приемлемыми.

Отдельные разделы этой же главы посвящены иллюминированным рукописям из Зеты (с. 59—60) и художественному оформлению рукописей из Хума и Боснии (с. 60—65). Памятники зетского происхождения, датируемые XIV в., немногочисленны, и только вместе с относимыми к следующему столетию дают основания для некоторых заключений. Художественный облик хумских и босанских иллюминированных рукописей отличается архаичностью иконографии и окцидентальными элементами орнаментики. В стиле иногда прослеживаются явные воздействия готики, главным образом в конце XIV в. Исключительно оригинальным и необычайно интересным является художественное оформление известного Никольского евангелия (конец XIV в.), теперь хранящегося в Дублине: в книге впервые воспроизведены в цвете развороты каждой из его четырех частей, украшенных изображениями символов евангелистов. Иллюминация Венецианского и Хвалова сборника, датированного 1404 г., построена на основе переработки готических образцов, большей частью довольно радикальной.

Исторические события последней трети XIV в. (падение Сербской державы, Косовская битва, нашествие турок) не могли не сказаться во всех областях культуры, не исключая и книжного искусства. Как свидетельствуют образцы сербской иллюминированной книги XV в., являющиеся предметом рассмотрения последней главы исследования И. Максимович, в художественном оформлении рукописей уже в ближайшее десятилетие наступают заметные перемены. Иллюминация становится строже, а ее элементы иногда оказываются разнохарактерными. К окцидентальным воздействиям все активнее примешиваются ориентализирующие, инспирированные турецко-персидской орнаментикой. К XVI в. это направле-

ние предстает вполне сложившимся [3]. Но его формирование можно проследить по декору сербских рукописей наиболее наглядно с середины XV в. Правда, это течение так и не сделалось господствующим, поскольку нередко предпочтение отдавалось традиционным художественным формам, которые у нас принято относить к нововизантийскому стилю. Наряду с ним по-прежнему пользовался большой популярностью балканский орнамент с его четкими, вплетающимися друг в друга кругами, выполненный тщательно, с поистине ювелирной отделкой деталей.

Как и в предыдущей главе, автор книги отдельно рассматривает сюжетные композиции и орнаментику. Что касается столь необычного размещения фигур апостолов на миниатюре фронтисписа сербского Патерика (Национальная библиотека в Вене), то, возможно, следует искать этому объяснение в использовании иллюминатором иконописного образца, подобного хранящемуся в монастыре св. Екатерины на Синае [4]. Анализируя миниатюры рукописей Четвероангелия, И. Максимович удивительно тонко прослеживает эволюцию иконографии и стиля. Наиболее значительным памятником книжной орнаментики она справедливо считает Сборник Владислава Грамматика, датированный 1469 г. Не обойден вниманием в этой главе и вопрос о южнославянском воздействии на книжное искусство Новгорода и Москвы.

Вторая часть книги содержит описание рукописей, сопровождаемое исчерпывающей библиографией, в котором дана аргументированная оценка каждого памятника книжного искусства и выяснено его значение. Это, в сущности, сводный каталог сербских иллюминированных рукописей XII—XV вв., хотя и не претендующий на абсолютную полноту. В частности, за его пределами остался сербский Апостол-апракос рубежа XIII—XIV вв., хранящийся в Киеве, украшенный мини-

атурой фронтисписа с фигурой стоящего в рост апостола Павла и заставками.

Многочисленные репродукции в тексте позволяют получить всестороннее представление о декоре сербских иллюминированных рукописей.

В конце книги помещена обширнейшая библиография, охватывающая работы не только о сербских иллюминированных рукописях эпохи средневековья, но и в значительной мере о памятниках византийского и западноевропейского искусства. Если в нашей литературе понятие «миниатюры» распространяется исключительно на тематические композиции, то в исследовании И. Максимович оно скорее является равнозначным «иллюминации», и именно в этом значении оно выступает в тексте книги.

Исследование И. Максимович — большой научный вклад одного из лучших знатоков этого материала, обладающего широкой эрудицией и умением приводить в строгую систему разнородные и различные по качественному уровню памятники.

Пуцко В. Г.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Radofčić S.* Stare srpske minijature. Beograd, 1950.
2. *Пуцко В.* Этюды об Остромировом Евангелии. (Инициалы.) — *Études balkaniques*, 1981, № 4.
3. *Радойковић Б.* Турско-персијски утицај на српске уметничке занате XVI и XVII века. — *Зборник за ликовне уметности*. I. Нови Сад, 1965, с. 117—139.
4. *Weitzmann K.* Four Icons on Mount Sinai: New Aspects in Crusader Art. — *Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik*, 21, 1972, p. 279—287, fig. 1—9.
5. *Слов'янські рукописи XI—XIV ст. у фондах Відділу рукописів Центральної наукової бібліотеки Академії наук Української РСР.* Київ, 1969, № 21, табл. XVI.

Ж. Ж. ВАРВОТ. *Праславянская морфонология, словообразование и этимология.* М., 1984, 255 с.

За последние десятилетия облик славянского сравнительно-исторического языковедения разительно изменился — научному исследованию стали доступны многие такие области, которые раньше, в силу недостаточности наших знаний,

вообще не могли стать предметом историко-лингвистического изучения (как, к примеру, лингвистическая география праславянского слова, праславянский текст и т. п.). Прогресс в этом отношении, как и сама возможность расширения

предметной области славянского сравнительно-исторического языковедения, обусловлен совокупностью причин, среди которых не последнее место занимает интенсивное развитие славянской этимологии и создание новых праславянских (этимологических) словарей, в частности, словаря под редакцией О. Н. Трубачева [1].

Достижения праславянской этимологии и лексикографии открыли совершенно новые возможности в такой сложной области, как изучение позднепраславянских морфонологических процессов, которому и посвящена новая книга Ж. Ж. Варбот. Сочетание в этой работе строгого этимологического подхода к оригинальному, автором книги собранному славянскому материалу с качественно новыми методиками исследования морфонологических явлений привело, в конечном счете, к чрезвычайно ценным и своеобразным результатам: монографии Ж. Ж. Варбот без преувеличений может рассматриваться как самое подробное, современное и надежное из всех имеющихся описание некоторых основных разделов праславянской морфонологии и словообразования.

Продолжая основные направления, намеченные еще в [2], Ж. Ж. Варбот в своей новой книге сосредоточила внимание на образовании отглагольных имен в праславянском. Важнейшим аспектам этой проблемы соответствуют отдельные главы книги.

В главе первой — «Некоторые аспекты функционирования ступени удлинения в славянских языках» — автор рассматривает вопрос о генезисе модели удлинения (соглашаясь с Куриловичем в оценке роли долгих дифтонгов как источника этой модели), описывает саму эту модель (соотношение вокализма производящей и производной основ и параллелизм долгой и краткой о-огласовок в глаголах на *-iti) и исследует отдельные словообразовательные классы как сферу действия ступени удлинения, причем более или менее регулярные отражения этой модели, как убедительно показывает Ж. Ж. Варбот, наблюдаются в *composita* и в суффиксальных производных. Подобно другим разделам книги, первая глава строится на кропотливом и строгом анализе праславянских этимологий, многие из которых принадлежат автору; с другой стороны, обнаруживаемые словообразовательные закономерности естественно приводят к разработке новых этимологических версий. Из наиболее ярких эти-

мологий этой главы было бы уместно указать на истолкование слав. *obilъ(jь) (ср. рус. обильный и под.) в связи с *obylъ(jь) и далее к *vylati, *valiti, а также таких отглагольных морфем с удлинением в составе сложных слов, как *-par- в *suxoparъjь и *-slav- в многочисленных личных именах.

Естественно, не все детали предлагаемых этимологий кажутся равно убедительными. Так, например, относя с.-хорв. kolobár, словен. kolobár 'круг, оборот' в его второй части к гнезду слав. *berq, Ж. Ж. Варбот реконструирует исходное значение как 'обнесенное вокруг' и видит в морфеме *-bar- семантический реликт, сохраняющий не более позднее значение *berq 'брат', а архаичное значение 'нести'. Однако уже англ. *to give a turn* 'повернуть' и *to take a turn* 'повернуться' при *turn* 'поворот, оборот' убеждает в том, что семантическая модель, из которой исходит автор, отнюдь не универсальна.

Вторая глава — «Вариантность корневого вокализма в отглагольных именах» — посвящена подробному описанию основных типов вариантности как с изолированными ступенями корневого вокализма, так и при наличии тождественных по огласовке глагольных основ. Автору удалось провести весьма надежную хронологическую стратификацию основных типов вариантности, причем успех тут был обеспечен опять-таки вниманием к этимологическому анализу отдельных праславянских единиц и выделением в каждом конкретном случае наиболее вероятного направления морфологических изменений. Для большого числа слов эта цель достигается в рамках славянского материала: например, для колебания *volъ ~ *valъ большая древность варианта *volъ* следует из того, что глагол *valiti с долгой моложе форм с огласовкой *o, производных от *vylati. Однако в других случаях славянского материала недостаточно, и автор привлекает индоевропейские параллели, огласовка которых часто позволяет однозначно решить вопрос о том, какой из славянских вариантов является более архаичным, ср. примеры вроде *sekъra ~ *sokъra, *morkъ ~ *morkъ и т. п.

Вполне корректная методически, эта процедура может вызвать некоторые возражения в отдельных частностях. Анализируя соотношение *dolbto ~ *delbto, Ж. Ж. Варбот видит в *delbto более поздний вариант, преобразование *dolbto что вытекает, в частности, из сопоставле-

ния с др.-прус. *dalþian* 'долото, пробой'. Даже если отвлечься от существующих в науке предположений о неисконном характере прусского слова [3], нельзя не указать, с одной стороны, на наличие ряда балтийских форм с различными огласовками (лит. *dálba* 'лом', но *délba* 'рукоятка'), а с другой стороны, на неучтенный в данном случае материал других индоевропейских языков: в албанском наряду с *daltë* 'долото' < праалб. **dalbitā* находим *deltinë* 'мир, белый свет; глина', предполагающее праалб. **delbitā* (к обоснованию семантической эволюции см. [4]), откуда могла бы вытекать равная древность обоих праславянских вариантов. В этой связи возникает и интересный вопрос о статусе балтийских параллелей, рассматриваемых в книге Ж. Ж. Варбот наравне с показаниями других индоевропейских языков. Стремясь показать, что вариант **vitva* наряду с **vētvā* может претендовать на индоевропейскую древность, автор приводит др.-прус. *vitwan* 'ива' и лит. *vituvai* 'мотовило'. Этот и другие подобные примеры имплицитно основаны на определенной концепции балто-славянских языковых отношений, которую мы не собираемся здесь оспаривать. Однако любая точка зрения на этот счет не может не включать признания особой балто-славянской близости в области имени, что заставляет относиться к балтийским данным как к менее надежному свидетельству индоевропейской древности того или иного славянского образования, нежели данные других индоевропейских языков.

Собранный и проанализированный во второй главе рецензируемого труда материал полностью меняет сложившиеся, традиционные представления о вариантности корневого вокализма в славянском. В этом разделе книги фактически создана новая, логически завершенная концепция развития отглагольного имени в праславянском, особенно на поздних этапах праславянского единства.

Небольшая третья глава — «Вторичный аблаут» — по преимуществу посвящена рассмотрению модели **tlēti* ~ *ilojiti*, возникшей, по мнению автора, как результат вторичного аблаута $\check{e} \rightarrow o$ на базе показателя основы * \check{e} (по типу **rějō*, **rojiti sę*). Глава четвертая — «Морфологическое переразложение в славянских глаголах с основой на -*nr-* и его отражение в производных именах и глаголах» — содержит ценные материалы по формированию новых глагольных и производных от них именных основ, воз-

никших вследствие переразложения глаголов на *-*nr-*. Попутно автор решает некоторые сложные вопросы сравнительно-исторической фонетики славянских языков, связанные с судьбой сочетаний взрывных с носовым.

Глава пятая — «Этимологические дополнения к некоторым праславянским суффиксальным моделям» — представляет собой серию этимологических этюдов, посвященных ряду интересных праславянских суффиксальных образований. Автор предлагает весьма убедительные и словообразовательно значимые этимологии таких лексем, как **oroĭka* (к и.-е. **ar-* 'вода', с суф. *-*oka*), **sokorъ* (к **sēkti*), **grōsna* (из **grōd-sna*) и др. Новые этимологические подтверждения предлагаются для таких суффиксов, как *-*ьтъ* (**купрътъ* и **гарьтъ*) и *-*еть* (**osеть*). Более спорной представляется интерпретация рус. диал. *борона* 'большое количество чего-л.', которое автор связывает с **bher-* 'нести, брать' при известной продуктивности последнего в области семантики плодоношения, рождения и под., ср. *борона детей*, *борона ребят* и под. Весьма вероятно, что в данном случае перед нами скорее поздняя метафора, основанная на внешнем виде бороны как сельскохозяйственного орудия.

Глава шестая — «Вариантность суффиксальной структуры в именах», — завершающая книгу, представляет собой первый и весьма полный опыт классификации и анализа явлений вариантности на стыке корневой и суффиксальной морфем в праславянском. Автор выделяет основные типы такой вариантности и щедро иллюстрирует их интересными и этимологически яркими примерами. Некоторые разделы этой главы представляются особенно удачными, что, в частности, относится к анализу вариантности как следствия переразложения, основанному на тонком разборе таких сложных случаев, как соотношение слав. **srъmъ'a* и укр., блр. *сум* 'печаль, грусть', слав. **natъ*, **natina* и **tina* и др. Как и другие части книги, эта стимулирует читателя к самостоятельным этимологическим разработкам. Так, чтение указанного выше раздела вновь возвращает нас к вопросу об этимологии слав. **oroĭka*, в котором как будто бы позволительно усмотреть еще один пример переразложения. На это, возможно, указывает то обстоятельство, что на архаичное значение **oroĭka* может претендовать 'известняк', в то время как уже в рамках только русского материала мы имеем, с одной стороны,

формы типа *опочина* 'потесь барочная, лежащая твердо на огнive' (к семантике ср. рус. *опока* 'рама для литейной формы'), а с другой стороны, контексты вроде *Известияк покои тся на пещаном пласту* [5]. Из этого, судя по всему вытекает потенциальная мотивировка известных значений слав. **орока* ('известняк', 'рама для литейной формы', 'скала, камень') как того, что лежит (неподвижно), ср. еще *лежень* 'валун, большой камень в поле', *лежащий камень* и под. Отсюда — возможность трактовать слав. **орока* как результат переразложения слав. **o(b)rošiti* — **o(b)rokojiti* и переосмысления его как глагола на *-iti. Представляется, что предлагаемая этимология по крайней мере заслуживает дальнейшего обсуждения.

В начале рецензии мы уже отмечали большое научное значение книги Ж. Ж. Варбот, заполнившей значительные лакуны в имеющихся представлениях о праславянском словообразовании. К этому следовало бы еще добавить, что без учета результатов рецензируемого труда теперь невозможна будет не только любая новая работа в этой области, но и любой университетский курс или учебное пособие по сравнительно-исторической грамматике славянских языков. Это касается

не только обильного материала, представленного в монографии, но и четких и строго последовательных принципов классификации морфологической вариативности. Что до многочисленных новых этимологий автора, они без сомнения займут подобающее место в новых праславянских и славянских этимологических словарях. Увлечательность и логика изложения, ясность языка и высокое качество издания придают монографии Ж. Ж. Варбот необходимую законченность.

Орел В. Э.

ЛИТЕРАТУРА

1. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1—10. М., 1974—1983.
2. Варбот Ж. Ж. Древнерусское именное словообразование. Ретроспективная формальная характеристика. М., 1969.
3. Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках (этимология и опыт групповой реконструкции). М., 1966, с. 154.
4. Çabej E. Studime gjuhësore. I. Prishtinë, 1976, s.v. *daltë*.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. Т. 3. М., 1882, с. 243.

К 300-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ВЕНСКОЙ БИТВЫ И СМЕРТИ Ю. КРИЖАНИЧА

22 сентября 1983 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР было проведено расширенное заседание сектора древней истории и истории средних веков, посвященное 300-летию со дня Венской битвы и смерти Юрия Крижанича. Кроме сотрудников института, в нем приняли участие ученые из институтов истории СССР и этнографии АН СССР, Академии педагогических наук СССР, Института дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Государственной публичной исторической библиотеки, Московского государственного заочного педагогического института.

Во вступительном слове д-р ист. наук Б. Н. Флоря подчеркнул большое значение разгрома османов под Веной — не первого их поражения, но первого, оказавшегося непоправимым, повлекшего за собой новые неудачи, фактически завершившего период османской экспансии. В этом непреходящая общеевропейская, да и шире, общеазиатская значимость Венской битвы 1683 г.

Гибель выдающегося хорватского мыслителя Ю. Крижанича под Веной была случайностью, но оказался он там закономерно, как один из видных представителей балканских народов, которые сыграли столь значительную роль в борьбе с османской экспансией и тем способствовали общему ослаблению Османской империи. Наибольшие выгоды из битвы под Веной извлекли в конечном счете австрийские Габсбурги — с последней четверти XVII в. начались их особо энергичные приобретения в Подунавье и на Балканах, обрекавшие народы данного региона на новую зависимость. И как раз Ю. Крижанич отразил позицию передовых слоев этих народов — их стремление к национальному освобождению, к преодолению отсталости. В его произведениях нашел отражение и один, из возможных путей к такой цели —

ориентация на Россию, становившаяся с конца XVII в. все более важным политическим фактором в Юго-Восточной Европе.

В докладе канд. ист. наук Л. Е. Семеновской «Венская битва и международные отношения в Юго-Восточной Европе в конце XVII в.» были отмечены две стороны проблемы: влияние тогдашних международных отношений на исход Венской битвы и роль ее, как начала заката османской мощи, в их дальнейшем развитии. Общеевропейская система международных отношений сформировалась приблизительно с середины XVII в. В Центральной и Восточной Европе особую роль играли держава австрийских Габсбургов, Речь Посполитая и Россия, имевшие свои собственные, нередко сталкивавшиеся задачи и цели. Существенно возросло значение Дуная, как одной из важнейших торговых артерий европейского характера, связывавшей ряд государств континента через Трансильванию с черноморским бассейном и османским рынком. Это, наряду с выгодным стратегическим положением, объясняет выросшую роль Дунайских княжеств, которые к концу XVII в. превратились в яблоко раздора между Османской империей, Габсбургами и Речью Посполитой.

В докладе была подробно освещена внешняя политика двух княжеств в последней четверти XVII — начале XVIII в. и ее место в общеевропейской системе международных отношений, во взаимосвязи с основными противоречиями и конфликтами на континенте. Во второй половине XVII в. главной внешнеполитической проблемой в Центральной и Юго-Восточной Европе становится борьба Габсбургов и Османов, княжества все более втягиваются в орбиту габсбургского влияния, эта ориентация делается ведущей в их внешней политике. Вме-

сте с тем своекорыстная политика Габсбургов, стремившихся взять в данном регионе реванш за неудачи в борьбе с Францией, заставляла господарей маневрировать, не упускать из вида и антигабсбургский лагерь, используя противоречия ведущих держав. В ходе войны «Священной лиги» против османов, особенно после присоединения к ней в 1686 г. России, казалось бы, возникли хорошие возможности получения княжествами независимости, поскольку ослабевшая Османская империя не могла уже справиться со своими внешними противниками при одновременно растущем массовом сопротивлении угнетенных народов внутри страны. Но ход событий ясно показал, что Австрия и Речь Посполитая стремились лишь к захвату Дунайских княжеств. Венский двор вслестности мешал и налаживанию связей господарей с Россией. По мере приближения войны за испанское наследство правительство Леопольда I все более ориентировалось на мир с Портой, а княжества были превращены в простые пешки при соответствующих переговорах. С ослабленной Речью Посполитой уже мало считались. В итоге Карловацкий договор 1699 г. ничего не принес княжествам, их положение в результате усиления гнета османов ухудшается, они все более втягиваются в сферу османской политики. К началу XVIII в. роль Габсбургов падает. Напротив, во внешней политике господарей усиливается линия на сближение с Россией.

Доклад канд. ист. наук. А. И. Рогова «Отклики на Венскую битву в России» был тесно связан с предыдущим, ибо реакция московских политиков на сражение 1683 г. определялась как раз положением на международной арене. О победе под Веной в Москве узнали быстро из так называемых вестовых писем (курантов), т. е. зарубежной прессы того времени. Общее отношение царского двора было благожелательным, значение события как важного этапа в борьбе с османской угрозой там реально оценили. Иное дело — политический ответ. Судить о нем можно по материалам переговоров русских дипломатов с польским посольством, привезшим послание Яна Собесского от 13 сентября 1683 г. (т. е. написанное на следующий день после битвы!). В нем России предлагалось немедленно присоединиться к антиосманской борьбе. Ответ был четок: это возможно только после урегулирования русско-польских споров и заключе-

ния «вечного мира» между двумя странами. Итак, официальная реакция царского правительства определялась реальными интересами государства. Докладчик указал, что пока не найдено источников, позволяющих судить об откликах более широких групп русского общества на венскую баталию. Оживленный обмен мнениями между участниками заседания по этому вопросу был полезен для дальнейших поисков в таком направлении.

В. А. Александров сообщил о результатах проведенного им источниковедческого анализа данных о Сибири, содержащихся в работах Ю. Крижанича, особенно в «Истории Сибири», что до сих пор специально не исследовалось. Отмечено, что мыслитель оценивал значение крушения Сибирского ханства и присоединения Сибири к России в общем конкретно-историческом контексте многовековой борьбы Руси с татарами, т. е. как естественный процесс. В круг его русских знакомств входили крупные деятели царской администрации, что обеспечивало ему хорошую осведомленность. Глубокая оценка им экономического значения Сибири вытекала из его личных наблюдений. В исторической части «Истории Сибири» автору, видимо, удалось использовать так называемую Купгурскую летопись, самостоятельную часть Ремезовской летописи. Удивительной конкретностью отличается описание Сибири и ее населения, сделанное и по официальным, и по собранным им самим данным. Существенны разделы о торговых путях на восток и др. Гораздо менее ценны свидетельства о русско-китайских отношениях, почерпнутые, очевидно, из рассказов, слухов, разговоров и т. п. В целом, Ю. Крижанич сумел много узнать и увидеть в Сибири.

Д-р ист. наук Б. Н. Флоря в докладе «Юрий Крижанич о внешней политике Русского государства» рассмотрел очень важный и неизученный вопрос о мотивах внешнеполитических рекомендаций хорватского мыслителя. Так, он высказывался против активной внешней политики России на Балтике, хотя и признавал важность решения этой проблемы для страны. Такое отношение вытекало из его понимания идеального государства, как государства без чужеземцев, особенно немцев. В данном случае он опасался отрицательного влияния немецкого населения Прибалтики, в случае завоеваний там, на внутреннее развитие России. Удивляет отсутствие антиосманских планов во внешнеполитической програм-

ме Ю. Крижанича, что объяснялось пониманием неизбежности союзов для успешной борьбы с османами и негативной оценкой потенциальных союзников: австрийских Габсбургов, Венеции. Важнейшим элементом политических проектов Ю. Крижанича был альянс между Россией и Речью Посполитой с целью ликвидации Крымского ханства, причем борьба с ним виделась локальным конфликтом, а не как начало противоборства с Османской империей. Эта идея была заимствована у польских политиков, активно ее обсуждавших. Автор проекта полагал, что такой путь в наибольшей степени содействовал бы необходимому сближению двух славянских государств. Дальнейшие шаги в развитии их взаимоотношений он представлял себе в виде реформы политической системы Речи Посполитой, в частности, приглашения представителя царской династии на польско-литовский трон.

Докладчик сравнил внешнеполитические проекты Ю. Крижанича с концепцией выдающегося русского дипломата второй половины XVII в. А. Л. Ордина-Нащокина. При общей схожести, к примеру, решения восточного вопроса, налицо весьма существенные различия, особенно по проблеме широкой антиосманской коалиции. Русские политики исходили из того, что в господствующем классе Речи Посполитой не было сильной группировки сторонников реформирования ее строя и

двустороннего союза (в задуманной мыслителем форме). Именно потому идеи Ю. Крижанича в сфере внешней политики не имели и не могли иметь реального влияния.

Канд. ист. наук А. И. Рогов сделал доклад «Юрий Крижанич и русский раскол», в котором на основе анализа как основных антираскольничьих сочинений автора, так и высказываний в других его произведениях были выделены три главных элемента в отрицательной оценке им этого явления. С чисто церковной точки зрения — как недопустимое нарушение единства церкви. В государственно-политическом смысле — как выступление против царской власти и широко понятых интересов России. В историко-культурном плане — как неприятие характерных для тогдашних раскольников стремлений законсервировать старые порядки, избегать любых изменений, невежества, отрицания пользы научных знаний. Докладчик охарактеризовал разнообразные документальные материалы, использованные Ю. Крижаничем в полемике со своими оппонентами. Очень интересны свидетельства о контактах мыслителя с ведущими представителями старообрядчества и более широким кругом раскольников. Сочинения ученого хорвата являются одним из источников для изучения раннего этапа русского раскола.

Заборовский Л. В.

АКСАКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В АБРАМЦЕВО

4—5 октября 1983 г. в государственном историко-художественном и литературном музее-заповеднике «Абрамцево» состоялись первые Аксаковские чтения, организованные музеем при содействии Министерства культуры РСФСР и Московской организации Союза писателей РСФСР. Центральное место в этих чтениях занимали доклады, посвященные жизни и творчеству замечательного русского писателя С. Т. Аксакова (1791—1859), с которыми выступили специалисты из Москвы, Уфы, Оренбурга, Бузулука, Череповца и других городов СССР (всего 23 доклада и сообщения). Большое внимание было уделено также различным вопросам изучения русского славянофильства. Именно об этой проблематике Акса-

ковских чтений и пойдет речь в настоящей информации.

На пограничье двух основных тем чтений стоял доклад канд. филол. наук В. А. Кошелева (Череповец) «С. Т. Аксаков — писатель, его отношение к русскому славянофильству». Докладчик предложил свой путь решения этой спорной проблемы: рассмотрение не только отношения самого С. Т. Аксакова к идеям своих сыновей-славянофилов и их друзей, но и их отношения к его творчеству. Несмотря на некоторую отстраненность Сергея Тимофеевича от славянофилов и критику их взглядов в семейном кругу, отмечаемые в воспоминаниях современников, его литературное творчество несомненно испытало определенное влияние

эстетических идеалов славянофилов. С другой стороны, творчество С. Т. Аксакова рассматривалось славянофилами как воплощение нравственно-эстетических требований, предъявляемых ими к русской литературе, во многом способствовало формированию некоторых славянофильских постулатов. Несмотря на то, что славянофилы не смогли создать своей литературной школы, влияние их идей испытали на себе многие видные русские писатели: Н. М. Языков, Е. А. Баратынский, Ф. И. Тютчев, К. К. Павлова и С. Т. Аксаков.

В докладе Н. И. Цимбаева (канд. ист. наук, МГУ) «И. С. Аксаков и славянофильский кружок в начале 60-х годов XIX в.» подчеркивалось, что писатель занимал в кружке особое положение. Он был младше других по возрасту и всегда придерживался в большинстве вопросов более левых взглядов. На рубеже 50—60-х годов, в годы первой революционной ситуации в России, после смерти главных представителей так называемого «раннего» славянофильства, И. С. Аксаков становится главным продолжателем, «душеприказчиком» их дела, предприняв попытку осуществления их идеалов в сфере практической жизни. В аксаковской газете «День» была выражена программа необходимых действий, выполнение которых должно было приблизить Россию к славянофильскому идеалу. По существу это была программа буржуазно-либеральных преобразований. Реальное развитие капитализма в России разрушило многие иллюзии И. С. Аксакова, и он стал отчетливо сознавать, что буржуазные преобразования 60-х годов размывают славянофильство как целостную идеологию. Польское восстание 1863—1864 гг. стало еще одним испытанием на прочность славянофильской доктрины. Оно обострило до крайности наметившиеся уже ранее разногласия в лагере славянофилов и привело к распаду славянофильского кружка, просуществовавшего четверть века. Автор приходит к выводу, что с середины 60-х годов едва ли можно говорить о славянофильстве как едином направлении русской общественной мысли, распавшемся на несколько идейных течений.

И. В. Чуркипа (д-р ист. наук, Москва) в докладе на тему «Иван Аксаков и южные славяне» отметила, что связи с зарубежными славянами были одной из важных сторон в жизни большого дома Аксаковых. Материалы журналов «Русская беседа», «Парус», газеты «День» и др., деятельность в Московском славянском

благотворительном комитете являются подтверждением активных связей И. С. Аксакова со славянами. На рубеже 50—60-х годов он предпринял большое путешествие по землям южных славян (1860), посетив Далмацию, Крайну, Хорватию, Сербию, Черногорию и др. В сохранившем патриархальность общественном строе Черногории он увидел черты, близкие к славянофильскому идеалу государственного устройства славянских народов. В Белграде И. Аксаков вращался в обществе сербских патриотов (комитет М. Бана), готовивших восстание в Боснии и Герцеговине против турецкого ига с целью присоединения этих областей к Сербии. В августе 1860 г. он передал М. Бану 3 тыс. рублей из средств славянского комитета. По возвращении в Россию ему удалось даже выхлопотать у правительства бессрочный беспроцентный займ в 900 000 рублей для покупки оружия повстанцам, и только отказ сербского князя в последний момент принять эти деньги (ввиду недоверия к двойной игре М. Бана) сорвал готовящуюся акцию. Автор приходит к выводу, что если в вопросах внутренней политики И. С. Аксаков проявлял себя сторонником либеральных реформ, то в отношении к православным славянским народам, находившимся под властью Австрии и Турции, он видел возможность улучшения положения этих народов, их национального освобождения путем революционного восстания. Поэтому нельзя недооценивать определенную прогрессивную роль славянофилов в практических связях с южными славянами и в возбуждении их симпатий к России.

Д-р ист. наук И. В. Порох (Саратов) в докладе «А. И. Герцен и И. С. Аксаков» показал, что взаимоотношения этих видных деятелей русской общественной мысли далеко выходят за рамки личных контактов и позволяют определить расстановку политических сил в России 50-х — начала 60-х годов. И. Аксаков в августе 1857 г. лично посетил А. Герцена в Лондоне, что свидетельствовало о стремлении к определенной консолидации представителей либерального и революционно-демократического движения в канун реформы 1861 г. Резкие идейные расхождения обеих сторон, проявившиеся в годы первой революционной ситуации в России и польского восстания 1863—1864 гг., показали невозможность дальнейшего компромисса и привели к разрыву личных отношений.

В. И. Порох (канд. ист. наук, Волго-

град) в своем докладе «И. С. Аксаков под полицейским надзором (конец 40-х — начало 60-х годов XIX в.)» подчеркнул, что либерализм славянофилов, их определенная оппозиционность по отношению к правительственно-бюрократическому аппарату Российской империи, несмотря на их монархические убеждения и неприятие революционных преобразований общества, постоянно вызвала подозрения и полицейские преследования со стороны властей. И. С. Аксаков был арестован в Петербурге 17 марта 1849 г. за близость с Ю. Ф. Самариним. И хотя Аксакову удалось оправдаться, за ним был учрежден тайный надзор полиции. Когда в конце 50-х — 60-е годы И. С. Аксаков занялся активной журналистской деятельностью, он испытывал трудности как редактор ряда славянофильских изданий, подвергавшихся особенно строгой цензуре, неоднократным запретам.

В. Н. Греков (МГУ) в докладе «И. С. Аксаков о проблеме положительного направления в русской литературе» указал, что И. С. Аксаков, как и другие славянофилы, постоянно размышлял об эстетических и нравственных идеалах современной ему русской литературы. Ближе всего эстетическому идеалу И. С. Аксакова и других славянофилов было творчество П. В. Гоголя, по их мнению воплощавшее в себе положительное направление в русской литературе (синтез лирического и трагического начал).

В докладе А. С. Озерянского (Саратов) «А. Н. Пыпин об И. С. и К. С. Аксаковых (к уточнению некоторых спорных

проблем славянофильства)» подчеркнуто, что в споре о славянофилах веское слово принадлежит А. Н. Пыпину. Вслед за Н. Г. Чернышевским, одним из первых в русской научной литературе он отделил славянофилов от сторонников «официальной народности» и определил славянофильство как качественно новое философское учение, отличавшееся от «славянофильства» XVIII в. А. Н. Пыпин сочувствовал славянофилам, но считал, что верноподданнический элемент, значение которого особенно подчеркивали славянофилы, ведет не к сближению, а скорее к разъединению славян. Критикуя многие положения славянофильской доктрины, А. Н. Пыпин тем не менее стремился объективно оценить славянофильство, подчеркивая его сложность, противоречивость, неоднозначность, выделяя его прогрессивные стороны: оппозиционность правительству, борьбу за отмену крепостного права в России, буржуазные реформы и пр.

Доклады, посвященные славянофильской проблематике на Аксаковских чтениях, свидетельствовали о большом интересе современных исследователей к этому важному направлению русской общественной мысли середины XIX в., об их стремлении объективно оценить его историческое значение.

Хотелось бы пожелать организаторам будущих Аксаковских чтений, которые намечено сделать традиционными и проводить раз в два года, чтобы проблемы славянофильства по-прежнему падали в них свое место.

Досталь М. Ю.

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ В. М. ИЛЛИЧ-СВИТЫЧА

19 октября 1984 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР состоялись чтения, посвященные 50-летию со дня рождения выдающегося советского лингвиста-компаративиста В. М. Иллич-Свитыча, трагически погибшего в 1966 г. Чтения привлекли внимание широкой научной общественности. В них приняло участие более 80 человек — сотрудники академических учреждений (Институты языкознания, Дальнего Востока, востоковедения АН СССР, Института языковедения АН УССР, Института археологии и этнографии АН АрмССР и др.), МГУ, Башкирского уни-

верситета, ряда издательств и других организаций.

На Чтениях были прочитаны доклады мемориального характера (о вкладе Иллич-Свитыча в славистику и балто-славянскую акцентологию), исследовательского характера (об отношении юкагирского языка к постстратическим) и информационно-научные сообщения (о современном состоянии постстратических исследований за рубежом и в Советском Союзе).

В вступительном слове Н. И. Толстого, заведующего сектором этнолингвистики и фольклора, говорилось, что за свою короткую жизнь Владислав Маркович Ил-

лич-Свитыч прошел путь от слависта до компаративиста широкого профиля — создателя нового, ностратического направления в сравнительно-историческом языкознании [1]. Основной труд В. М. Иллич-Свитыча [2] начал публиковаться после гибели автора под редакцией его друга и коллеги — В. А. Дыбо. Институт славяноведения и балканистики АН СССР, в котором работал В. М. Иллич-Свитыч, стал центром ностратических исследований не только в связи с публикацией труда Иллич-Свитыча, но и потому, что здесь в 1972 г. возник постоянно действующий Семинар, носящий имя создателя ностратического языкознания, в рамках которого за последнее десятилетие был проведен ряд серьезных новаторских исследований. Н. И. Толстой подчеркнул отличительную особенность лингвистического таланта В. М. Иллич-Свитыча, который «был историком в самом широком и лучшем смысле не менее, чем лингвистом», так как «видел в языкознании не конечную цель, а удивительное средство», своего рода «лопату для историка» [3].

Н. И. Толстой выступил и с первым докладом «В. М. Иллич-Свитыч как славист». Он отметил, что Иллич-Свитыч, еще будучи студентом славянского отделения МГУ, проявил себя в своих первых публикациях — рецензиях (1957) как зрелый исследователь, способный не только квалифицированно оценить труды по географической лексике славянских языков, но и дать свои конструктивные замечания. Уже в ранних публикациях В. М. Иллич-Свитыча угадываются широкие интересы молодого ученого (см. его обзоры по балто-славянской проблематике и по вопросам славянской прародины на IV Международном съезде славистов [4]) и в то же время заметное сосредоточение на лексико-фонетических проблемах [5]. Принципиально значимой стала работа В. М. Иллич-Свитыча по карпатистике [6]. Эта работа, так же как и «Программа карпатского лингвистического атласа», в разработке которой активно участвовал Иллич-Свитыч, и сам атлас [7] положили начало большому международному коллективному предприятию, ведущемуся в нашем Институте под руководством проф. С. Б. Бернштейна — Общекарпатскому диалектологическому атласу (ОКДА). Славянские этимологические разработки Иллич-Свитыча [8] обнаружили богатую научную интуицию исследователя, столь необходимую для работы этимолога. В. М. Иллич-Свитыч был составителем первого маке-

донского словаря (совместно с Д. Толовским) и автором краткого грамматического очерка македонского языка [9]. Полевой материал дал Иллич-Свитычу толчок к написанию интересной работы о стадиях утраты ринезма в юго-западных македонских говорах [10]. Представленная в ней картина могла быть моделью данного процесса в праславянском.

С докладом «Акцентология в исследованиях В. М. Иллич-Свитыча» выступил В. Г. Скляренко (Ин-т языковедения АН УССР, Киев). Известно, что вслед за норвежским ученым Х. Стангом В. М. Иллич-Свитыч и В. А. Дыбо начали серию работ по славянской и индоевропейской акцентологии, в которых была создана новая, морфонологическая (или морфологическая — по Иллич-Свитычу) концепция, основанная на различении трех акцентных парадигм. В основной работе по акцентологии [11] В. М. Иллич-Свитыч доказывает генетическое родство балтийской и славянской акцентных систем с индоевропейской акцентной системой, реконструируемой на основании показаний древнеиндийского, греческого и германских языков, восстанавливает процессы, приведшие к существенному изменению индоевропейской системы в балтийских и славянских языках. Кроме этой монографии Иллич-Свитыч опубликовал ряд блестящих статей по акцентологии. Его работа «Следы исчезнувших балтийских акцентуационных систем» является образцом использования заимствований (в прибалтийско-финских языках) для установления акцентной системы исчезнувшего языка, не оставившего письменных памятников и не имевшего языков-потомков. В докладе были проанализированы и другие акцентологические работы В. М. Иллич-Свитыча, имеющие фундаментальное значение для славянской и индоевропейской акцентологии [12].

В докладе Вяч. Вс. Иванова «Об отношении юкагирского языка к ностратическим» был рассмотрен ряд грамматических сближений, говорящих в пользу ностратического происхождения юкагирского языка. Таким образом, подтверждается предположение В. М. Иллич-Свитыча о возможном ностратическом характере юкагирского языка (см. «Опыт сравнения», 1971, с. 61). Вяч. Вс. Иванов отметил необходимость более интенсивного и детального изучения этого уникального языка северо-восточной Сибири, исчезающего на глазах. Докладчик обратил внимание на то, что наряду с лексическими

сближениями, которыми до сих пор в основном оперировала ностратика, необходимо ориентироваться на грамматические явления, таящие в себе немалые возможности при изучении отдаленного родства языков семей.

С большим докладом, сделанном на материале многочисленных современных зарубежных работ по ностратике (с 1965 г.), выступил Е. А. Хелимский [13]. Докладчик отметил, что именно с трудов В. М. Иллич-Свитыча началась новая эра в исследованиях, посвященных вопросам древнейшего родства между выделяемыми в генеалогической классификации языковыми семьями, так как он первый с успехом использовал для решения этих проблем основной инструмент лингвистической компаративистики — сравнительно-исторический метод. В результате удалось установить системы регулярных соответствий между языками шести языковых семей Старого Света и реконструировать фонетику, основы морфологии и большую часть лексики их общего предка — ностратического праязыка» «Опыт сравнения ностратических языков» Иллич-Свитыча вызвал широкий отклик в зарубежной лингвистической науке, прежде всего в виде рецензий, авторы которых (ведущие специалисты Франции, Чехословакии, Италии, Польши, Финляндии, Швеции и других стран) с большой заинтересованностью отнеслись к результатам ностратических исследований В. М. Иллич-Свитыча и дали им высокую оценку. О популярности ностратики может свидетельствовать и появление с 1977 г. международной серии публикаций «*Bibliotheca Nostratica*» под общей редакцией Д. Дечи.

Зарубежными исследователями продолжены разработки, начатые Иллич-Свитычем по изучению ностратического родства, а достижения ностратики используются в исследованиях по сравнительным грамматикам отдельных дочерних семей. Докладчик остановился и на заслуживающих внимания конкретных критических замечаниях, касающихся ностратических этимологий. Среди резко негативных отзывов, отрицающих ностратическую теорию, выделяются два типа: одни оппоненты выступают с позиций традиционного сравнительно-исторического языкознания (например, английский тюрколог Дж. Клоусон, который не может увязать ностратiku со своим подходом к истории алтайских языков, Г. Дёрфер из Австрии), у других наблюдается декларированный или скрытый отход от важнейших при-

ципов компаративистики (А. Эрхарт, П. Хайду). Е. А. Хелимский констатировал, что под прямым или косвенным влиянием трудов В. М. Иллич-Свитыча, изучение дальних генетических связей во всем мире активизировалось и дало много важных результатов (несмотря на огорчительное обилие слабых и дилетантских работ, могущих лишь скомпрометировать ностратiku). Решены или близки к решению вопросы о ностратическом происхождении ряда новых языков и языковых групп, более четко стали просматриваться границы между ностратической и другими макросемьями. «Дальнейшие успехи в этой области, как и в уточнении самой ностратической реконструкции, будут зависеть от того, удастся ли сохранить или даже превзойти тот высокий уровень, на который вывел изучение дальних генетических связей Иллич-Свитыч», — сказал в заключение докладчик.

Своеобразным отчетом о деятельности советских специалистов прозвучал доклад В. А. Дыбо «Исследование отдаленного родства языков в Ностратическом семинаре имени В. М. Иллич-Свитыча» [14]. Группа исследователей, работающих в основном в институтах АН СССР и объединенных общностью научных интересов, под руководством В. А. Дыбо целенаправленно и планомерно продолжает дело, начатое Иллич-Свитычем. Как отметил докладчик, объективное развитие науки таково, что данный этап можно охарактеризовать как период глубинной перестройки системы наших знаний и гипотез об истории и предьстории языковых семей. Борьба вокруг ностратической гипотезы связана прежде всего с особым интересом к реконструкции как к основному результату сравнительно-исторического исследования. И в этом направлении современному языкознанию, видимо, еще предстоит разработка однотипных методов определения мощности такого рода «помех», как случайные совпадения, результаты языковых контактов и «элементарного родства» при установлении генетического тождества. Кроме того, доказательная сила ностратической концепции должна быть связана с увеличением сравниваемого материала, с установлением внутри его все новых и новых связей и отношений и тем самым — с уточнением реконструкции. Ностратическая теория является сильнейшим стимулом поисков в этом направлении.

Непосредственно по ностратической тематике в Семинаре были проведены исследования по уточнению реконструкции

афразийских сибилантов (А. Ю. Милитарев), построена сравнительная фонетика эскимосских языков и доказана их принадлежность к ностратическим, значительно уточнена реконструкция прамогольской фонетики (О. А. Мудрак), выдвинута реконструкция гласных непервого слова в прасамодийском (Е. А. Хелимский) и др. Из языков, смежных с ностратической семьей, особенно активно разрабатывались в сравнительно-историческом плане севернокавказские (С. Л. Николаев, С. А. Старостин). Кроме того, делались попытки выявления новых макросемей. Для решения вопросов древнейшего этногенеза Семинар привлек к своей работе представителей исторических дисциплин (древнейшей археологии и антропологии).

Заключило Чтения памяти В. М. Иллич-Свитыча информационное сообщение А. Ю. Милитарева о прошедшей в начале октября в Институте востоковедения АН СССР конференции «Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока», инициатором которой стал Ностратический семинар. В центре внимания конференции стояли проблемы отдаленного родства языков как наиболее актуальные и перспективные из проблем сравнительно-исторического языкознания.

Булатова Р. В.

ЛИТЕРАТУРА

1. БСЭ, 3-е изд., т. 10, с. 131; т. 18, с. 139.
2. *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Т. 1. М., 1971; т. II, 1976; т. III, вып. 1, 1984.
3. *Топоров В. Н.* Памяти В. М. Иллич-Свитыча. — В сб.: Лингвистические исследования по общей и славянской типологии. М., 1966, с. 267.
4. *Иллич-Свитыч В. М.* Балто-славянская проблематика на IV Международном съезде славистов. — Вопросы языкознания, 1959, № 1, с. 139—141; *Иллич-Свитыч В. М.* Вопросы славянской прародины на IV Международном съезде славистов. — Вопросы языкознания, 1959, № 3, с. 128—130.
5. *Иллич-Свитыч В. М.* Один из источников начального — х — в праславянском. — Вопросы языкознания, 1961, № 4, с. 93—98; *Иллич-Свитыч В. М.* Выделение типов корней с исходом на сонант в балтийской глагольной системе, их функционирование и происхождение. — Вопросы славянского языкознания, 1961, № 5, с. 108—137; *Иллич-Свитыч В. М.* [Ответ на вопрос № 1]. В какой мере и каким образом можно реконструировать лексический фонд

праславянского языка? Каким путем следует решать вопрос лексических диалектных различий праславянского языка? — Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. М., 1963, т. 22, вып. 4, июль—август, с. 313—314.

6. *Иллич-Свитыч В. М.* Лексический комментарий к карпатской миграции славян. — Изв. АН СССР. Отделение литературы и языка. М., 1960, т. 19, вып. 3, с. 222—232.
7. *Бернштейн С. Б., Иллич-Свитыч В. М., Клепикова Г. П., Полова Т. В., Усачева В. В.* Карпатский диалектологический атлас. Ч. 1—2. М., 1967.
8. *Иллич-Свитыч В. М.* К этимологии слова *морковь* и *тыква*. — В кн.: Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 1. М., 1960, с. 16—26; *Иллич-Свитыч В. М.* Русск. *смоковница*, слав. *stoku* «вишня», *Picus sargica*. — В кн.: Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 2. М., 1962, с. 71—75; *Иллич-Свитыч В. М.* Русск. диал. *пигва*, слав. *řigu* «айва, суденса». Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 2, М., 1962, с. 75—77; *Иллич-Свитыч В. М.* Чеш. *první*, первый — инновация или архаизм? — В кн. Этимология. Исследования по русскому и другим языкам. М., 1963, с. 81—85.
9. *Иллич-Свитыч В. М., Головки Д.* Македонско-русский словарь. М., 1963.
10. *Иллич-Свитыч В. М.* О стадиях утраты ринезма в юго-западных македонских говорах. — Вопросы славянского языкознания. Вып. 6. М., 1962, с. 76—80.
11. *Иллич-Свитыч В. М.* Именная акцентуация в балтийском и славянском. Судьба акцентуационных парадигм. М., 1963.
12. *Иллич-Свитыч В. М.* Следы исчезнувших балтийских акцентуационных систем. — Краткие сообщения Ин-та славяноведения. Вып. 41. Славянская и балтийская акцентология. М., 1964, с. 18—26; *Иллич-Свитыч В. М.* К истолкованию акцентуационных соответствий в кельто-италийском и балто-славянском. (О «втором правиле Дыбо»). — Краткие сообщения Ин-та славяноведения. Вып. 35. М., 1962, с. 62—72; *Дыбо В. А., Иллич-Свитыч В. М.* К истории славянской системы акцентуационных парадигм. — В кн.: Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. (София, сентябрь, 1963 г.) М., 1963, с. 70—87.
13. *Хелимский Е. А.* Рецензия трудов В. М. Иллич-Свитыча и изучение дальних генетических связей в современной зарубежной лингвистике. — В сб.: Славяноведение и балканистика в странах зарубежной Европы и Америке. (В печати.)
14. *Дыбо В. А.* Исследования по сравнительно-историческому языкознанию в семинаре имени В. М. Иллич-Свитыча при Институте славяноведения и балканистики АН СССР (информация за 1978—1984 гг.). — В сб.: Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. (В печати.)

В СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОМ СОВЕТЕ ПО ЗАЩИТЕ ДОКТОРСКИХ ДИССЕРТАЦИЙ ПРИ ИНСТИТУТЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ АН СССР (ПО ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ)

В 1983 г. состоялось семь заседаний Совета, на которых были заслушаны инструкции Высшей аттестационной комиссии при Совете Министров СССР, обстоятельно рассмотрены представленные к защите докторские и кандидатские диссертации. В ходе их обсуждения подробно проанализированы аргументация и новизна авторских выводов, научная и политическая значимость и актуальность исследований, использование источников и литературы. Члены Совета выступали в качестве официальных и неофициальных оппонентов, принимали участие также в обсуждении проектов заключения Совета по каждой представленной работе. О высоком уровне и широкой гласности обсуждения диссертаций на заседаниях Совета свидетельствует то, что на защитах в качестве неофициальных оппонентов выступали не только члены Совета, но и другие специалисты по соответствующей проблематике, присутствовали научные работники из институтов Академии наук СССР и республиканских академий (в частности, Института истории СССР и Института экономики мировой социалистической системы АН СССР, Института истории АН Молдавской ССР, Института военной истории, МГУ и др.).

Анализ тематики защищенных в 1983 г. работ позволяет сделать вывод, что они соответствуют основным направлениям разработки советскими учеными наиболее важных в научном и политическом плане проблем истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы, их многоплановых взаимоотношений с народами нашей страны. Заслуживает особого внимания то обстоятельство, что из защищенных в этом году восьми докторских и кандидатских диссертаций семь посвящены изучению значительных вопросов новейшей истории, а тематический охват этих работ го-

ворит об активном решении и принципиально важной постановке проблем.

Так, например, четыре работы по новейшей истории подготовлены по актуальным вопросам социалистического строительства и внешнеполитического положения стран Центральной и Юго-Восточной Европы, начиная с 40-х и вплоть до 70-х годов. В их числе следует назвать, в частности, докторскую диссертацию В. В. Марьиной «Проблема союза рабочего класса и крестьянства в революциях 40-х годов (страны Центральной и Юго-Восточной Европы)» (официальные оппоненты: проф. Б. С. Попов, д-р эконом. наук В. Н. Стародубровская, д-р ист. наук А. Ф. Кизченко). Это исследование является первым в советской и зарубежной марксистской историографии обобщающим трудом, раскрывающим роль и место союза рабочего класса и крестьянства в революционном процессе 40-х годов в Албании, Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии, а также восточной части Германии, ныне составляющей территорию ГДР. В диссертации В. В. Марьиной нашел весьма плодотворное применение сравнительно-исторический и проблемно-страноведческий метод изучения темы. Сопоставление ведется в двух планах: с одной стороны, раскрывается опыт решения аграрно-крестьянского вопроса и формирования рабоче-крестьянского союза в странах региона в ходе революций 40-х годов, с другой — этот опыт соотносится с соответствующим опытом Советского государства в первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции. Такое сравнительное исследование дает возможность вновь подтвердить всеобщую значимость закономерностей, проявившихся в ходе Великого Октября, проанализировать общее, присущее революционному разви-

тию на новом его этапе, а также частное и особенное, характерное для данного региона Европы.

Важные проблемы народно-демократических революций в славянских странах нашли также освещение в кандидатской диссертации Т. В. Волокитиной «Программа правительства Отечественного фронта от 17 сентября 1944 г. и ее роль в развитии народно-демократической революции в Болгарии» (научный руководитель — проф. Л. Б. Валев; официальные оппоненты — д-р ист. наук Г. И. Чернявский, канд. ист. наук Б. Н. Билунов). Изучение этой проблемы дало возможность автору на конкретном материале Болгарии рассмотреть сложный процесс формирования вокруг рабочего класса и его политического авангарда союза демократических сил и постепенного его превращения в союз антикапиталистический. Впервые вводя в научный оборот неизвестные ранее материалы, диссертант реконструировала процесс разработки программы от 17 сентября 1944 г., установила авторство значительной части пунктов ее, определила социальную направленность этого документа и проследила ход реализации программы, осуществлявшейся в ходе острой политической борьбы.

Последующий этап истории зарубежных славянских стран рассмотрен в кандидатской диссертации Н. В. Нехайчика — «Производственные связи рабочего класса СССР и Чехословакии как фактор интернационализации опыта социалистического и коммунистического строительства (70-е годы)» (научный руководитель — д-р ист. наук А. И. Недорезов, официальные оппоненты — д-р ист. наук Г. П. Мурашко, канд. ист. наук И. И. Иляхин). В этой работе, являющейся комплексным исследованием интернациональных связей рабочего класса СССР и Чехословакии в сфере материального производства, показана руководящая роль коммунистических партий, реальный вклад профсоюзов, молодежных организаций и обществ дружбы в развитии и углубление всех форм производственных связей, исследуются пути и методы распространения передового производственного и социально-политического опыта на материалах, относящихся к 70-м годам нашего века.

Другой комплекс важных проблем, связанных с предысторией и историей второй мировой войны, с политикой фашистских агрессоров и западных держав в данном регионе, подвергся тщательному анализу в трех работах. В докторской диссертации

И. Э. Левита — «Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР. Истоки, планы, реализация (1 IX 1939—19 XI 1942)» (официальные оппоненты — проф. Б. С. Попов, д-ра ист. наук И. И. Орлик, Н. Д. Смирнова; на защиту представлена монография, изданная в Кишиневе в 1981 г.) — содержится обстоятельное исследование всех основных аспектов темы (социально-экономических, внутри- и внешнеполитических, военных, идеологических), которые в настоящее время являются объектом острой борьбы в историографии. На основании обширного фактического материала, часто впервые вводимых автором в научный оборот документов, диссертант наглядно показал, что вступление королевской Румынии в войну против СССР на стороне гитлеровского рейха было логическим завершением той неизменно антисоветской политики, которую ее правители проводили после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

В кандидатской диссертации В. И. Беляевой — «Чехословацкий кризис 1938 г. в британской буржуазной историографии» (научный руководитель — д-р ист. наук А. Х. Клеванский, официальные оппоненты — д-ра ист. наук О. А. Ржешевский, Ф. И. Фирсов) — впервые в советской исторической литературе критически рассмотрена вся система аргументации английской буржуазной историографии, которая имеет своей целью полное оправдание внешнеполитического курса правительства Великобритании в тот момент и обоснование мнимой «неизбежности» мюнхенского сговора. Действия британского правительства в последующий период (уже в масштабах Юго-Восточной Европы) стали предметом кандидатской диссертации Б. Н. Тарасова «Политика Англии в отношении Югославии и Греции в годы второй мировой войны (июнь 1941—декабрь 1943 гг.)» (научный руководитель — д-р ист. наук Ф. Н. Телегин, офиц. оппоненты — д-р ист. наук В. В. Зеленин, канд. ист. наук В. Е. Романов). Диссертант проанализировал балканскую стратегию британского военно-политического руководства в тот период, определил его классовые, политические, военно-стратегические цели, показал концепции и средства осуществления политики Великобритании, направленной в конечном счете на противодействие борьбе народов Югославии и Греции, на сохранение реакционных монархических режимов.

Две работы посвящены проблемам новой

и новейшей истории Балкан. В кандидатской диссертации А. С. Аникеева — «Югославия в политике США и их союзников по НАТО в 50-е годы» (научный руководитель — д-р ист. наук В. К. Волков, официальные оппоненты — д-р ист. наук Б. И. Марушкин, канд. ист. наук В. М. Камецепский) — впервые в советской историографии изучены главные направления политики США и их союзников в отношении социалистической Югославии в годы «холодной войны», раскрыты цели этого империалистического курса, средства и методы, применявшиеся дипломатией США и их союзников для их достижения.

В кандидатской диссертации В. И. Ко-

сика — «Отношения Болгарского княжества с Османской империей, Сербией, Румынией 1879—1885 гг.» (научный руководитель — д-р ист. наук Ю. А. Писарев, официальные оппоненты — д-р ист. наук В. К. Волков, канд. ист. наук И. В. Козьменко) — обстоятельно исследуется внешняя политика Болгарии в первые годы после освобождения страны в результате русско-турецкой войны 1877—1878 гг.; наглядно показано содействие, оказанное Россией Болгарскому княжеству для защиты от притязаний его сюзерена (Порты) и разрешения спорных вопросов с Сербией и Румынией.

Наумов Е.

CONTENTS

<p><i>Vasiljeva N., Shinkarev I.</i> The Liberating Mission of the Soviet Armed Forces during the Second World War. <i>Nedorezov A. I.</i> The May Revolt of the Czech People and the Liberation of Czechoslovakia by the Soviet Forces. <i>Pushkash A. N.</i> On the 40-th Anniversary of the Liberation of Hungary from the Fascism. <i>Parsadanova V. S.</i> The Soviet-Polish Friendship, Mutual Assistance and Cooperation Agreements (April 21, 1945 and April 8, 1965). <i>Korovitsyna N. V.</i> Some Processes of Socio-Cultural Development in Slovakia (the 70-ies of the XX-th c.). <i>Danchenko S. I.</i> The Struggle for Serbian New Constitution and Russia (the 80-ies of the XIX-th c.). <i>Florja B. N.</i> Slavonic Written Language and European Culture in the Early Middle Ages. <i>Svetlichnaja E. I.</i> Mythological Motifs in the Works by Iorgos Seferis. <i>Tselunova E. A.</i> On the Problem of Interslavonic Language Contacts in the Second Half of the XVII-th Century (on the Basis of Psalter by Avraamij Firsov). <i>Dostal M. Ju.</i> Some Results of the Study of Slavonic and Balkan Historiography (On the Historiographical Readings in the Institute of Slavonic and Balkan Studies, May 1980 — May 1984)</p>	3
---	---

REVIEW ARTICLES AND REVIEWS

<p><i>Khoreva O.</i> Bibliografie českých vydání K. Marxe a F. Engelse. Praha, 1983, 126 s. <i>Pakhomov Ju. V., Freidenberg M. M. E.</i> Вечева. Търговлята на Дубровник с българските земи (XVI—XVIII вв.). <i>Isajevich Ja. D. Ojtozi E.</i> A máriarócsi boziliták cirillbetűs könyvei. <i>Tolstoj N. I.</i> Gerhard Gesemann. Gesammelte Abhandlungen. <i>Putsko V. G.</i> Јованка Максимовић. Српске средњовековне минијатуре. <i>Orel V. E. Ж. Ж.</i> Варбот. Праславянская морфология, словообразование и этимология</p>	103
---	-----

SCIENTIFIC LIFE

<p><i>Zaborovskij L. V.</i> To the 300-th Anniversary of the Battle of Vienna and the Death of Jurij Krizhanich. <i>Dostal M. Ju.</i> The Aksakov Readings in Abramtsevo. <i>Bulatova R. V.</i> Readings in memory of V. M. Illich-Svitych. <i>Naumov E.</i> At the Specialised Council for Doctorate Defence attached to the Institute of Slavonic and Balkan Studies (History)</p>	116
--	-----

Технически редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 11.12.84	Подписано к печати 11.02.85	Т-02724	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆
Высокая печать	Усл. печ. л. 11,2	Усл. кр.-отт. 13,8 тыс.	Уч.-изд. л. 12,6
		Тираж 1191 экз.	Зак. 844

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука».
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121069, Москва, Шубинский пер., 6

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. Рукописи должны представляться в двух экземплярах, хорошо обработанных литературно, в готовом для печати виде, подписанные автором. И текст, и ссылки обязательно должны быть напечатаны на машинке с одной стороны листа через два интервала. После подписи указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы, домашний адрес, служебный и домашний телефоны.

2. Автору посылается копия отредактированного экземпляра статьи, которую он подписывает в печать. Правка в верстке не допускается.

3. Объем статей не должен превышать 30 стр., рецензий — 5—7 стр.

4. Все цитаты и ссылки в статье должны быть тщательно выверены по первоисточникам. Ссылки помещаются внизу страницы, нумерация ссылок сплошная по всей статье.

5. Классики марксизма-ленинизма цитируются по последнему изданию.

6. Иллюстрации принимаются только в пригодном для воспроизведения виде (фото-контрастное на белой глянцевой бумаге, рисунки — тушью) в двух экземплярах. На обороте каждой иллюстрации должны быть указаны (мягким простым карандашом) фамилия автора и номер иллюстрации. Подписи под рисунками должны быть напечатаны на машинке на отдельной странице в двух экземплярах.

7. Ссылки на литературные источники должны быть оформлены в соответствии с правилами ГОСТ.

Цена 1 р. 20 к.
Индекс 70891

М-17
Б О Р Д И Н Н А 34/38-40
Т О Л С Т О М У Н И
70891

И